

... Эти лучшие три года

Анатолий Адамишин

В каком государстве мы жили, пока не пришла перестройка? Быстро это забывается, но полезно припомнить хотя бы малость, чтобы оценить масштаб перемен, происшедших за в общем-то короткий срок. Часть из них оказалась необратимыми, другие, увы, уходят из нашей жизни, вновь возвращающейся на круги своя.

Начать с того, что мы толком-то и не знали свою страну. Даже Андропов, человек, прошедший все ступени партийной и государственной карьеры, включая Председателя КГБ, воскликнул в сердцах — будучи уже Генеральным секретарем ЦК КПСС: «Нужно еще разобраться, какое общество мы построили». А как было разобраться? Рядовым, да и не только рядовым гражданам любопытство было прямо противопоказано. Недаром один из популярных тогда фильмов назывался «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещен». Сколько же запретов и ограничений существовало, сколько народа было занято единственно тем, чтобы держать за семью печатями то, что опять-таки закрытыми распоряжениями определялось как государственная, служебная или еще какая тайна! Огородившись секретными частями, можно было пребывать в полной уверенности, что к тебе кроме начальства никто и носа не сунет. Особенно если дело хоть краем касалось такого всеобъемлющего понятия, как безопасность. Тут табу распространялось на все без разбора. А потом перебежчики, по большей мере из числа тех, кто по определению должен был блюсти эту самую безопасность, перечеркивали труды многочисленных «первых отделов». Им было с чего бежать, они хоть как-то были в курсе.

Адамишин Анатолий Леонидович — Посол в отставке (с 1998 года), Президент Евроатлантической ассоциации, профессор Института Европы РАН; в 1985 году — заведующий первым Европейским отделом МИД СССР; в 1986 году — заместитель министра иностранных дел СССР, с мая 1990 по январь 1993 года — посол СССР/России в Италии.

Нам, из дипломатического ведомства, знать было «не положено» зачастую даже те данные, которые наши военные коллеги по переговорам — по указанию из Москвы, разумеется — уже передали американским партнерам.

Были находчивые люди, которые умело использовали психоз секретности. Одному видному ученому не давал спать авиационный завод поблизости от его дачи. Когда это ему вконец надоело, он обратил внимание кого следует, что по шуму гоняемых движков можно определить их мощность. Представляете, какая утечка информации. Завод упрятали под землю.

Что нам следовало знать твердо: страна окружена врагами. Как пушкинский царь Дадон, должны мы были «содержать многочисленную рать», едва ли не самую большую на свете. И хотя с самых высоких трибун возвещалось, что на оборону мы и рубля не тратим свыше необходимого, никто, в том числе и говоривший, не владел точными данными, во что обходится стране гонка вооружений. Военные расходы, прямые и косвенные, тщательно запрятанные в разные, иногда совершенно невинные статьи бюджета, росли безостановочно. Еще бы, ведь мы должны были парировать угрозы не только с Запада, но и с Востока, и с Юга, поскольку воевали в Афганистане. Да и Север, учитывая противостояние подводных флотов, не был исключением.

Многие ошибки, просчеты, затраты, жертвы списывались на расхожее «лишь бы не было войны». Разные цифры назывались насчет доли ВПК в нашем национальном продукте. Думаю, что реальных размеров никто так и не определил. Не потому ли первые годы у власти лидеры перестройки тоже не решались поднять на него руку? Не сразу пришли к горькому заключению, что на душу населения тратим на войну больше всех в мире.

Равным образом никто, к счастью, не проверил на практике, насколько эффективны были вложения в мобилизационную готовность страны, как повел бы себя в деле наш гигантский военный арсенал. Холодная война была проиграна без единого выстрела, точнее сказать, без единого запуска ракет. Оказалось, что кроме оружия, которое нельзя было пустить в ход, а потому бесполезного, почти все было не в нашу пользу.

Дух милитаризации сочился из всех пор общественного организма. Мы не подозревали, какой огромной, доходящий временами до катастрофического урон, принесло бездумное хозяйствование. «Оборонке» отдавалось предпочтение в ущерб природе страны, здоровью ее жителей. Очень ли была осведомлена широкая публика о развивавшемся демографическом кризисе? О том, что уже с 1982 года смертность превышала рождаемость? О том, каких размеров достигло пьянство, к категории совсекретных относились данные о том, что душевое потребление чистого алкоголя составило в 1984 году 8,3 литра, т.е. в два раза больше, чем в дореволюци-

онной России и в четыре раза больше чем в 1950 году. Доперестроечные руководители эти цифры знали, но запрятывали подальше в сейфы бумаги с воплями ученых.¹ И какой несправедливостью это обернулось для Горбачева, когда приподнял он завесу над многочисленными тайнами, в т.ч. статистикой народонаселения. Древние римляне говорили: «Post hoc non est propter hoc» — после не значит, но в случае с Михаилом Сергеевичем эта максима не сработала — расхожее мнение взвалило на него вину за деяния или, наоборот, бездеятельность его предшественников. Болячки, которые десятилетиями загонялись вовнутрь, рванули после того, когда те, кто несет за них ответственность, покинули этот мир. В их добрые геронтологические времена также случались крупные неприятности. Но кому они становились известны? После нас хоть потоп...

А много ли было тех, кто знал, — не догадывался, а имел более или менее точное представление о том, насколько прогнил фундамент советского государства? В каком состоянии находилось сельское хозяйство, хотя в него вбухивались большие деньги, как устарело промышленное оборудование, как просели инфраструктуры, как мы отстали в научно-технической революции (лучше других чувствовал себя ВПК, какой низкой была мотивация к труду, а следовательно его производительность. Добавьте к этому колоссальное количество денег в обращении, затоваривание не находящими спроса товарами при одновременном дефиците самого необходимого — хлеб покупался за границей на миллиарды долларов. Добавьте раздутый бюрократический аппарат, неуправляемую, а потому не управляющую систему управления, апатия, довольствование малым. Тем не менее, как пел тогда Окуджава, жизнь была прекрасной, судя по докладам. Ведь огромное количество штатных пропагандистов получали деньги за то, чтобы убедить нас, что все идет хорошо. Когда же Элем Климов хотя бы аллегорично пытался бить тревогу в своей «Агонии», фильм семь лет пролежал на полке — «оболгал Россию!» Не царя, не прежний строй — Россию.

Попробовал бы кто-нибудь выразить в тот период обеспокоенность по поводу отношений между нациями и народностями. Недалеко, а скорее далеко бы он уехал. Национальный вопрос был раз и навсегда решен в «Союзе нерушимом республик свободных». Вчитайтесь: что ни слово, то неточность. Союз же, национальные республики, его составляющие, жили по своим законам, что они вскоре и продемонстрировали.

А что говорить о девятнадцатимиллионной партии, «уме, чести и совести нашей эпохи»? О такой ее ипостаси нам напоминали со всех углов, видно, для того, чтобы не усомнились в обратном. Где была она, когда рушился Союз? Но все логично: когда речь идет о присоединении к полити-

Анатолий Адамшин • ...Это лучшие три года

ческой организации ради карьеры, ради приобщения к кормушке, либо в силу обязательной разрядки, конечный итог будет закономерен.

Многое, многое вышло на свет божий, когда заработала гласность. Но «зато» гораздо раньше и гораздо больше нас о наших слабостях были осведомлены те, кто, окрестив нас «империей зла», действовал по злонамеренному принципу: против СССР все средства хороши.

Разумеется, многое мы видели и до перестройки, но как-то свыкались, что ли. Сейчас к тому же, возможно после всех пережитых потрясений, застойное время окутывается ностальгическим флером.

Но вспомним, как начисто мы были лишены возможности выражать свое мнение, а уж тем более влиять на происходящее. Потому и появились в качестве единственного форума для свободной дискуссии знаменитые кухни. Жили по «Экклезиасту»: «Где слово царя, там власть; и кто скажет ему, что ты делаешь?» Да что там публичные высказывания. В деловом разговоре со своим верховным шефом, и не на бог весть какую принципиальную тему, я, в то время член коллегии МИДа, т.е. вроде как «допущенный», услышал на полном серьезе: «Какое право Вы имеете судить?»

Кстати, о коллегии. Пока в Министерстве не поменялось в 1985 году руководство, я не помню, чтобы мы на ней что-то решали или хотя бы серьезно обсуждали. Случалось, предупреждали не в меру ретивого посла и вызванного-то в Москву специально для заслушивания — острые проблемы на коллегии не ставь. Дополнительную накачку от руководства и кое-какую информацию мы, конечно, получали, но не более того.

Вспомним партийные собрания, когда вроде никого не удивлял убийственный разлад между словом и делом, спокойно пропускались сквозь уши фразы главного идеолога Сулова типа того, что нападки на марксизм только доказывают силу последнего, что у КПСС «исключительная способность научного предвидения будущего», которое не сегодня — завтра должно принести нам полную победу, и даже, что Генсек Л.И.Брежнев «вносит огромный личный вклад в научную разработку проблем» Это о больном в ту пору человеке, который, по слухам, просился, чтобы его отпустили с миром. Разрыв между повседневной жизнью и тем, как полагалось ее видеть, порождал невероятную ложь. Люди не воспитывались правдой, оставаясь в итоге политически малограмотными. Одно «утешение» — веками это тянулось. Еще в XIX веке Д.Писарев вывел формулу: «Наша нищета от невежества, а невежество от нищеты».

Вспомним, как душил таланты, поощряя посредственность, бюрократический аппарат, сколько людей вынуждено было уехать из страны, провожаемые выкриками «туда вам и дорога». И били-то больше не по диссидентам, а по талантам. Большие интеллектуальные подарки делали мы Западу.

Вспомним, как правили страной старики, под конец если не выжившие из ума, то очень многое видевшие в кривом зеркале. Как по одному остроумному выражению, играли они в пристеночку, мечтая об одном: дожить до похорон у Кремлевской стены. Власть, учил К.Маркс, стремится к бесконечности, если ее не сдерживать. Ограничители же ей ставили только расхождения внутри верхушки. Многие кремлинологи сделали себе состояние на расшифровке этих распрей. Водонепроницаемый слой стариков, в кровь которых власть проникла, как сифилис, закрыл путь наверх не одному поколению. А внизу, по всем правилам болота, шло гниение. Потом Горбачев дипломатично скажет: были, мол, проблемы со сменяемостью руководителей. Ничего себе проблемы! Его-то самого допустили до власти, когда даже терпеливые партийцы стали писать письма в ЦК — надоело хоронить генсеков. Невесело шутили тогда, что для траурных церемоний в Колонном зале выписывали абонемент. И ведь каким сомнением надо было обладать, каким хранителем марксистско-ленинской истины в последней инстанции считать себя, чтобы так, вдвоем — втроем — остальные чаще довольствовались ролью статистов — управлять огромной страной. Неписанные, но строго соблюдаемые были правила игры внутри этой узкой группки — партийные догмы в причудливом сочетании с обычаями, близкими к мафиозным. Если и когда будут опубликованы протоколы заседаний Политбюро, думаю, ахнет даже привыкшая ко многому страна. Но и от чтения того, что появилось, — в первые годы правления Ельцина несколько тысяч архивных листов было продано за рубеж, и там они открыты практически всем желающим — делается не по себе. Какой только ерундой, блюдя идеологическую чистоту, не занималось Политбюро на своих заседаниях; что посерьезнее, предreshалось в узком составе загодя. Или же откладывалось в долгий ящик.

Громадной страной пытались управлять из Кремля, выхватывая отдельные детали, камушки из общей мозаики, причем критерий выхвата был также во многом случаен.

Азбука политтехнологии гласит: если решения принимаются келейно, если руководители создали для себя тепличные условия: гласность отсутствует, политической конкуренции нет, общество лишь информируется о предпринимаемых шагах и худо-бедно выполняет их — ошибки неизбежны. А поправить их крайне затруднительно. В нашем конкретном случае в силу вступал и такой фактор, как органически присущая нашим престарелым правителям уверенность в своей непогрешимости. Насколько раньше можно было бы уйти из Афганистана, если бы не рассуждения типа (лично слышал): «Нам что, признать свои ошибки, а Жискар окажется на белом коне?» Тогдашний французский президент занесен был в черный список, ибо посмел говорить с нами на афганскую тему открытым текстом.²

А как бездарно обошлись с казавшимся неиссякаемым потоком нефтедолларов. Хотя почему бездарно? Он продлил жизнь и власть нашей геронтологической верхушке еще на энное количество лет. Впервые было показано, что нефть не только богатство, но и опаснейшая вещь, ибо способствует физическому и интеллектуальному застою. Зачем было ломать голову над тем, как модернизировать народное хозяйство? С робкими попытками реформ — они связывались с именами Косыгина в промышленности и Кулакова в сельском хозяйстве — было полностью покончено еще в начале семидесятых. Пагубнейшую роль сыграла при этом идеология, возносимая выше здравого смысла. Не нашлось у нас Дэн Сяо — пина, ценившего кошку не за окрас, а за умение ловить мышей. Вот когда надо было брать пример с китайцев! СССР держался почти исключительно на экспорте энергоресурсов, успешно проедаая жизнь будущих поколений. «Цены на нефть будут только расти, утешали себя наши госплановцы, не водой же они будут заправлять свои машины».

Просмотрели технологический ответ Запада, знаменитую энергосберегаемость. И цены на нефть, на которых столько было завязано, рухнули. Но опять же когда старики уже ушли. Расхлебывал же кашу, то бишь кризис в экономике и финансах, все тот же Горбачев.

Наибольшая часть из пачки нефтедолларов была, очевидно, брошена в топку вооружений. Сейчас можно диву даваться: как могли люди не видеть, к чему приводит осуществление все новых и новых военных программ. Встречались между собой руководители США и СССР, уверяли друг друга, что бессмысленно и крайне опасно наращивать все более смертоносное оружие. И что же? Возвращаясь домой, они утверждали новый рост ядерных зарядов. Уже к 1982 году у нас и США было накоплено столько ядерной взрывчатки, что на каждого жителя Земли приходилось по четыре тонны тринитротолуола.

И тогда, и сейчас задавался я вопросом: откуда взялось такое ослепление? Ведь не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять его самоубийственность. В первую очередь, наверно, из разрухи в головах, используя выражение М.Булгакова. Этому состоянию ума, надо признать, способствовало сознательное провоцирование. В каких только леденящих душу красках не описывалась разведкой и политиками США советская военная машина. Едва переговоры начинали идти на лад, как появлялись закрытые доклады о коварстве и мощи русских, обводящих вокруг пальца доверчивых западников. Теперь-то, задним числом, раздаются голоса насчет того, что люди, определявшую политику, и тогда знали истинное положение, да помалкивали. Пускай, дескать, втягиваются Советы дальше и дальше в эту мясорубку интеллектуальных и материальных средств. Мол, экономическое-то соотношение сил в конце концов скажется.

Сколько раз попадались мы в эту ловушку? Достаточно вспомнить «звездные войны» Рейгана, классический пример дезинформации. Я уж умалчиваю о «дезе» насчет предстоящей высадки американских морских пехотинцев в Афганистане. опередить-то их мы тогда опередили, в Кабул ворвались первыми, да только вот задержались затем на десяток лет.

А знаменитый «Шаттл»? Поверили мы в то, что не уберемся от этого космического убийцы, если не создадим такой же аппарат у себя. Будучи на космодроме «Байконур», видел я почти полностью пришедшие в негодность гигантские фермы для запуска сверхмощной ракеты. Она потребовалась-то считанное количество раз. На последних этапах над проектом «Буран» трудились в общей сложности около миллиона человек, рассказали мне там сведущие люди. И машина, по общему мнению, получилась удачная, только не по нашему карману.

В том числе потому, что мы, в отличие от рачительных янки (над ними-то висел какой-никакой контроль Конгресса), тратили немереные деньги сразу на два дорогостоящих предприятия: и орбитальную станцию, и космический корабль.

Хитрая, надо сказать, была придумана штука — теория паритета. Мол, только равное количество оружия есть гарантия безопасности страны. Не-успех кубинской авантюры 1962 года, нами же и инициированной, был объяснен тем, что США имели на тот момент двадцатикратное превосходство в вооружениях. Мы рванули в вдогонку. Спустя двадцать три года, 6 мая 1985 г. Министр обороны СССР С.Соколов заявил в интервью ТАСС, что паритет между СССР и США, Варшавским договором и НАТО существует «объективно». Что это словечко означает, объяснено не было.

На самом деле — тогда об этом говорили украдкой, а сегодня открыто — равенства не было, как с количественной, так и особенно с качественной точек зрения. Американцы постоянно шли если не на шаг, то на пол шага впереди. Главе объединенного комитета начальников штабов США Дэвиду Джоунсу принадлежит классическая фраза, произнесенная в 1980 году, насчет того, что он не поменялся бы с русскими военными потенциалами. Неравенство фактически закреплялось даже в тех соглашениях об ограничениях вооружений, которые подавались в нашей пропаганде как равноправные до последней запятой. Да и можно ли было — чисто физически — достичь паритета в условиях постоянного совершенствовании военной техники, причем асимметричного?

Уловив наши слабые места, американцы уже не выпустили нас из тисков гонки вооружений. Заодно давая прекрасный набор аргументов нашему ВПК. Их цинизм был объясним: на безудержном росте американского военно-промышленного комплекса во многом строился технический про-

гресс США. Половину всех фондов на НИОКР предоставляло федеральное правительство — при том, что более 2/3 шло на военные цели. Но американцы научились быстро внедрять новинки в гражданскую промышленность, а, прогнав их там, могли возвращать в ВПК как бы с добавленной стоимостью. Мы же, с нашей манией секретности, были почти напрочь лишены такого плюса. «Зато» брали числом, пекли танки и ядерные заряды в неимоверном количестве.³

Много делалось ненужного и опасного даже вне зависимости от того, что имела другая сторона. Как же это все аукнулось нам впоследствии, когда поняли, что уничтожить вооружения чуть ли не дороже, чем создать его! Наш ВПК, безусловно, мог гордиться высочайшими конструкторскими достижениями, кое-чего хватает до сих пор. Но вот как неграмотно вело себя политическое руководство, как отсутствовало четкое стратегическое видение, как слишком многое зависело от сиюминутных appetites ВПК, стало ясно много позже. Тогда, когда завершилась «абсурдная борьба за увеличение способности вести войну, которую вести нельзя». Где оказались на финише американцы и где мы?

За безопасность страны отвечают военные. Этот тезис не ставился под сомнение даже в первый период перестройки. Но отсюда автоматически вытекало все больше и больше оружия. Политические же способы достижения цели — всякие там рассуждения о «разумной достаточности», о том, что «возможна либо обоюдная безопасность, либо обоюдная ненадежность», — не входили в сферу прямых обязанностей Министерства обороны и соответствующих отделов ЦК.

Остановлюсь подробнее на хрестоматийном примере из этой области — истории с ракетами средней дальности «Пионер». Они больше известны по их западной классификации «СС-20», ибо у нас само название было долгое время засекречено.

С конца 50-х годов нацелены у нас были на Западную Европу ракеты средней дальности Р-12 и Р-14. Были они жидкостными и находились в шахтах. Через двадцать лет пришел срок их замены. Быстрыми темпами стали размещаться «Пионеры» — мобильные, о трех ядерных головках. Причем и старые ракеты убирать не спешили. Введено было новое оружие шито-крыто: в ту пору сама мысль о том, чтобы нечто подобное обговорить с Западом, казалась чудовищной. Да и собственному народу ничего сказано, естественно, не было. Нас обвинили, во-первых, в непонятной и опасной иррациональности, ибо и без того зарядов хватало, чтобы не один раз испепелить европейский континент. А во-вторых, в том, что оружие это, будучи средством сдерживания, нацелено на города. Такие стенания мы бы, наверно, стерпели. Но американцы поймали нас,

что называется, на противоходе. Они получили хороший предлог для установки своих «Першингов-2», первых высокоточных ядерных ракет с заглублением боеголовок. Другими словами, способных поразить и бункер, загодя подготовленный для особо важных персон. Теперь приходилось задуматься и о личной уязвимости. Били бы американцы по нам со своих баз в Западной Европе, т.е. практически в упор, подлетное время сокращалось до минимума.

Втайне американцы потирали руки и по другой причине: для США, как метрополии, новых угроз не создавалось, страдали «заложники» западноевропейцы, а выбить на наших неосторожных действиях новые асигнования — лучше не придумаешь.

Строго исходя из принципа равенства, права американцы не были. Если суммировать все то, что имела НАТО, включая ядерные вооружения не только США, но и Франции и Англии, то преимущество было и оставалось на стороне Запада. В частности, американская авианосная авиация многократно превосходила нашу. Прибавьте базы, которыми СССР был окружен со всех сторон, подводные лодки, опять же более многочисленные, чем советские и т.п. Но что было янки до нашей логики. Как говаривал А.Громыко, «не тот прав, кто прав, а тот прав, у кого больше прав». Давя на нас с позиции силы, американцы требовали полного равенства и по конкретным видам оружия, причем тезис этот использовался довольно жульнически. К тому же они знали, что французы никогда не согласятся на зачет своего ядерного потенциала в наговский. Что, рассуждал президент Ф. Миттеран, если СССР договорится с США о полном нуле? Франции придется отказаться от своих сил устрашения? Никогда! Англичане же отнекивались, ссылаясь на то, что это чисто двустороннее, советско-американское дело.

Пиар, употребляя современную терминологию, придуман был хитрый: решение НАТО от 12 декабря 1979 года считалось «двойным» — если, мол, до 1983 года не придем к полюбовному соглашению, в течение следующих двух лет американские РСД будут в Европе. И количество было объявлено заранее: 108 «Першинг-2» и 464 крылатых ракет «Томагавк». Эти последние тоже не подарок. В предложенные переговоры, продумав примерно год, мы вступили, но вели их ни шатко ни валко. «О чем говорить? — этот довод тогдашнего министра иностранных дел, насколько я знаю, показался железным для других членов Политбюро, — у нас ракеты есть, а у них нет». А если появятся? Не появятся, ибо западные европейцы не захотят иметь у себя магнит, который притягивал бы советские ядерные заряды. Посмотрите, какое антивоенное движение, какую силу имеют сторонники мира! Нечего и говорить, что это была очередная ошибка в расчетах.

Как ни убеждали западноевропейских политиков наши авторитетные деятели, что наращивание советских вооружений против Западной Европы— «это всего лишь легенда, сочиненная на пустом месте», верили нам не особенно. И хотя новых ракет на той половине континента действительно не хотели, уклониться от их размещения из пяти стран — ФРГ, Великобритании, Италии, Бельгии и Нидерландов — сумели только голландцы. Об этом чуть ниже.

Время улетело быстро, в октябре 1983 года было, как обещано, начато размещение американских РСД. Мы хлопнули дверью («сколько можно вести бесплодные переговоры»), но лавров нам это не принесло. Через год с небольшим мы вернулись. Правда, теперь, дабы не терять лицо, включили оружие средней дальности в один пакет еще с двумя компонентами: стратегическими и космическими вооружениями. Еще через год мы его развязали, снова выделив РСД в отдельный предмет. В конечном счете 8 декабря 1987 года в Вашингтоне был подписан Договор между СССР и США. Он предусматривал ликвидацию и советских (всего 1752 ракеты пяти типов) и американских (859 ракет трех типов) ракет средней и меньшей дальности. Запрятанные в нем «нули» были близки к тому, что предлагали американцы еще в 1981 году.

Сколько ругали лидеров перестройки за такой договор: это что же, в два раза больше мы должны сократить? И мало кто вспомнил: «о чем говорить, у нас ракеты есть, у них нет». Мало кто вспомнил, какое время было упущено, сколько сил и средств потрачено впустую. Можно было, конечно, и дальше играть в те же игры, усугубляя как непосредственную угрозу от точного и разящего оружия, так и бремя изнурительной гонки вооружений. Когда-то требовалось найти мужество остановиться.

Так что и на этом направлении М.Горбачев должен был исправлять огрехи, допущенные прежним руководством. И если были при этом издержки, то справедливее относить их в большей степени на счет тех, кто в предыдущие десятилетия довел страну до ручки.

Позволю себе небольшое личное отступление, возвращаясь к голландцам. Они неожиданно проявили характер. Из почти полтысячи крылатых ракет на их долю приходилось всего 48 штук. Но даже этого небольшого количества Голландии иметь у себя не хотелось. Их соседи уже не только дали согласие, но и установили ракеты на своей территории, а голландцы все тянули. В определенный момент сделали они нам доверительное предложение: уберите 48 ракет из своей многосотенной группировки, и мы откажемся от «Томагавков». Большого военного значения это, конечно, не имело. Но политические плюсы казались бесспорными. Почему бы не попробовать остановить цепную реакцию действий и противодействий,

притормозить весь этот накат? Голландия входила в МИДе в Первый Европейский отдел, коим я заведовал, и стал я стучаться во все двери (благо, их было немного), призывая ухватиться за эту голландскую затею. Тщетно. Голландцы, однако, не успокоились: ладно, говорят, не убирайте ваши 48 ракет, просто снимите их с боевого дежурства, для нас это будет достаточный предлог, отказаться от размещения. Удалось бы им настоять на своем — не могу судить, но в любом случае дипломатия как раз и состоит из таких нюансов, испробования шансов, различных вариантов. В душе я запрыгал. Уж слишком очевидными выглядели преимущества. Мы ничем не рисковали. Не получалось бы, скажем, у голландцев отказаться от ракет, мы возвращали бы свои на боевое дежурство, и все тут. Да и вообще проверь, снимались ли они.

Несколько раз мучил я по этому вопросу Георгия Марковича Корниенко, тогдашнего первого заместителя министра, а фактически хозяина МИД'а в том, что касается политики. Громыко ему полностью доверял, сам на том этапе работая не так уж много. ГМ, как мы его называли, был для нас царь и бог. Дипломат высочайшего профессионализма, глубокого знания — причем в деталях — практически каждого вопроса, работоспособный до удивления. Вел он дело цепко, полагался прежде всего на себя и был, кстати, приятным начальником под тем углом зрения, что давал он тебе какое-то задание, ты его выполнял, а дальше он работал самостоятельно. Что выгодно отличало его от другого распространенного типа руководителя, который, бывало, «ползает» по твоей бумаге, да не сам вода пером, а требуя, чтобы правил ты, к тому же перечитывая ему каждые 30 секунд все новые и новые варианты. Как сейчас слышу характерный скрипучий голос ГМ'а: «Спасибо, теперь я поумираю в одиночку». И ты довольный шел на мероприятия, более интересные, чем чиновничья служба, впоследствии часто не узнавая свой первоначальный опус. Любо дорого было слышать, как разговаривает ГМ со своими зарубежными коллегами, особенно с теми, кто не давал себе труда читать первоисточники — тексты соглашений, коммюнике, записи бесед. Все это Корниенко знал досконально, и не дай было бог поверхностному собеседнику попасть под его каток.

Особенно вдохновенно защищал он право Советского Союза ни в чем не допускать отставания от США по части вооружений. «Наша незыблемая, научная, математически рассчитанная, гранитная основа — равенство». Не раз дискутировали мы по этому поводу, в отличие от Министра, с ним можно было спорить, я говорил, что наша лодка и так перегружена вооружениями, что никогда в жизни американцы не согласятся на подлинный паритет, что материальных и прочих возможностей у них, к сожалению, куда больше, чем у нас, но Георгия Марковича это не убеждало. Вопросы

ракет средней дальности он держал под особым контролем. В тогдашнем МИДе количество лиц, хоть как-то причастных к этим, да и другим вопросам ограничения вооружений, было строго регламентировано. Мои выходы терпелись, возможно, по служебной принадлежности, поскольку как никак Голландия была «моей» страной. И вот однажды, когда, видимо, достал я его голландскими завихрениями, он мне сказал: «Анатолий Леонидович, бросьте вы это дело, здесь задействованы такие интересы — экономические, военные, политические, — что никто вам ничего не позволит сделать». По пальцам можно было пересчитать случаи, когда об истинных мотивах нашей политики говорилось откровенно. Моя непонятливость имела тот результат, что зашла речь и об «организационных выводах».

Но к этому времени подули другие ветры, вновь избранный Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев довольно скоро прислал на Смоленскую площадь нового Министра. Какие там 48 ракет, счет пошел на сотни. И никакой ведь трагедии не произошло. Как мы сегодня видим, совсем другие факторы определяли и определяют безопасность страны. Гор оружия не нужно, нужна разумная достаточность. А главное — жить в мире с возможно большим количеством стран, не заниматься мессианством, не учить жить других, тем более силой, не пыжиться.

Величайшая заслуга перестройки в том, что страна, пусть и ценой немалых жертв, вышла из состояния многолетней «холодной» войны по всем азимутам. В большой степени именно благодаря первому, горбачевскому рывку сегодняшняя Россия не знает глобальной конфронтации. Более того, она в нормальных отношениях с бывшими врагами, находится с ними по одну линию нового фронта — борьбы с международным терроризмом. Страна сможет теперь существенно сэкономить на расходах на оборону, если, конечно в полной мере учтет тягостные уроки прошлого.

Конфронтация означала не только гонку вооружений. За пределы Союза были выдвинуты многосотенные контингенты — это не считая войны в Афганистане. Пик нагрузки пришелся, как известно, на Германскую Демократическую Республику. Там было построено — в годы, предшествовавшие перестройке, за эти цифры если не расстреляли, то посадили бы наверняка, — более 750 военных городков, более 5000 военных лагерей, 47 аэродромов. Обосновывались мы прочно, чтобы не сказать навечно. И ведь не только в ГДР. Кто-нибудь подсчитал, во что обошлась эта сторона военных приготовлений? И на этот раз ситуацию пришлось разруливать тогда, когда она обострилась до предела, когда члены Варшавского Договора поголовно рвались от нас избавиться. О величайшей заслуге МС'а — бескровном решении столь драматической обстановки — как-то забыли. «Зато» приписали ему грехи не только предшественни-

ков, но и преемников. Один из любимых доводов: вывели войска в чистое поле. Ну, а где были раньше, почему деньги тратились за границей, а не дома? Разворовали средства, выделенные немцами на обустройство, — но с декабря 1991-го, а вывод продолжался до августа 1994-го, не было уже ни Горбачева, ни Советского Союза. Могли бы получить больше за наш уход? Наверно, могли, и кое-где в этом плане дало маху наше тогдашнее руководство. Но каково ему было, когда на пятки наседавший к власти Ельцин, когда все стремительнее развивалась такая трагедия, как обвал СССР?

Что еще длительное время ослабляло нашу державу, так это безудержное стремление перетащить на свою сторону ту или иную страну из «другого» лагеря. А как иначе можно было выиграть борьбу двух общественных систем? Наши догматики так до конца и не отказались от экспорта революции. Любое движение, объявлявшее себя социалистическим (сколько раз мы обжигались на таких ловкачах!) могло рассчитывать на нашу поддержку. И как же бывало обидно, когда, скажем, итальянские коммунисты, которым мы столько помогали, в конечном счете отошли от нас, обвинив в том, что КПСС оторвалась от народа, что власть принадлежит не массам, а закостеневшей бюрократической верхушке, что основные свободы перманентно и существенно ограничиваются, что, как итог, Октябрьская революция исчерпала себя.

Позволю себе еще одну личную вставку. Где-то в начале 80-х вернулся я после двухнедельного отпуска на Кубе. Помимо пляжей Варадеро и коктейлей в гаванских тавернах Хемингуэя интересовало меня, насколько глубоко мы туда влезли. Порасспрашивал кучу местных людей, наших и кубинцев, почитал материалы и попробовал прикинуть размеры нашей помощи. Получилось так: весь этот самый остров «свободы» два месяца в году мог жить, не работая, за наш счет. Приехав в Москву, поделился своими наблюдениями со Степаном Васильевичем Червоненко. Он тогда заведовал Отделом ЦК и был одним из тех, кто искренне радел за интересы страны. Выслушал он меня внимательно, что-то пометая себе, потом вздохнул: «Мало что тут сделаешь. Но Андрею Андреевичу не рассказывайте, нарветесь на неприятности».

Куба — особая статья, но были ведь еще Ангола, там-то мы в годы перестройки развязались. И Эфиопия — вот туда руки не дошли, и кончилось дело позорным бегством Менгисту и нашими ухнувшими миллиардами. Была и подпитка Африканского Национального Конгресса, и многое, многое другое. А «братское сотрудничество» со странами социалистического лагеря, каждой из которой мы в итоге еще умудрились задолжать? А «наведение порядка» в Венгрии, Чехословакии? Слава богу, хватило ума не

ввязаться в Польшу, уж слишком стоял перед глазами Афганистан. А ведь всерьез рассуждали о том, что потерять Польшу означало бы расписаться в неудаче исторического эксперимента.

Теперь, что-то вроде выводов.

1. Постепенно стираются в памяти малоприятные аспекты нашей жизни до перестройки. Многое из того, что она сделала, воспринимается как нечто само собой разумеющееся.
2. Беды, накопленные десятилетиями, вышли на поверхность не сразу, так что причинную связь не всегда удается уловить. Мое заключение таково: к 1985 году Советский Союз — «усилиями» предыдущих лидеров от Сталина до Черненко — был доведен до такого состояния, что на 80% был обречен. Как пишет Анатолий Сергеевич Черняев, «когда начальство (М.С.) посмотрело правде в глаза, страна была уже у черты».
3. Можно ли было спасти СССР? Кто сможет сейчас дать ответ на этот вопрос? В любом случае для этого потребовались бы титанические усилия целой когорты самоотверженных и грамотных людей, обладающих подлинно новым мышлением. Таковой в КПСС, с ее системой отбора кадров наоборот, не нашлось.
4. Честь и хвала Михаилу Сергеевичу Горбачеву за то, что попытался вытащить страну из трясины: ведь свободно мог избрать для себя более спокойную и комфортную жизнь. Водораздел проходит именно так: что тебе дороже — твоя страна или ты сам. Не многие политики выбирают первое.
5. Россия, как бы ни складывались обстоятельства, какие бы ни были задержки и откаты, уже не забудет ветер гласности и свободы, повеявший в годы перестройки.
6. То, что было сделано на международной арене, — прекращение конфронтации, ослабление гонки вооружений, примирение с окружающим миром, отказ от идеологических догм — это, пожалуй, главное стратегическое достижение.

Не могу удержаться от искушения добавить в эту статью еще порцию эмоций в виде стихов, написанных мною на изломе перестройки.

Мы в жизнь входили, как на праздник,
 Причем не чей-нибудь, а наш.
 Кто знал, насколько безобразен
 Был скрытый сталинский пейзаж.
 Дорога вдаль казалась ясной
 И лица светлыми вокруг.

Кто знал, что тысячу напастей
Таит едва начатый круг.
Аккордеон звучал призывно,
Любовь, как первая звезда,
И что сейчас зовется «измом»,
Была судьба моя тогда.
Потом обрушались удары
На неокрепшие сердца:
Гулаг и культ, застой — и мало,
Кто выдержал все до конца,
Кто смог дожить до перестройки,
Не спившись, не пустясь в бега.
Но сколько света, жизни сколько
Пришло на наши берега.
О, эти лучшие три года,
О, долгожданный звездный час,
Но наша суть, наша природа
Свое взяла и в этот раз...

Не секрет, что в России к Горбачеву, да и к перестройке в целом относятся хуже, чем в остальном мире. Мало кому пришлось выдержать столько критических стрел в свой адрес. Наверно, не все они несправедливы. Что до меня, то не поднимается рука кинуть камень в тех, кто пытался штурмовать небо.

¹ Достоверно знаю, что соответствующая бумага пролежала у члена Политбюро А.А.Громыко несколько месяцев и была сброшена, ходу ей не дали.

² Из той же серии, такое высказывание: «Что, казалось бы, Франции до Афганистана? А все дело в том, что не хотят, чтобы Афганистан пошел по пути социальных преобразований».

³ Один из наших наибольших знатоков военного дела, В.Дворкин объяснил мне как-то, что помимо всего прочего психологически висела над нами страшная память 1941 года, когда в одночасье потеряли почти все вооружения, потому старались накопить побольше.

Горбачев и перестройка: Парадоксы ретроспективного взгляда

Родрик Брейтвейт

Писать историю и вершить ее — далеко не одно и то же. У человека, пишущего историю, есть бесценное преимущество ретроспективного взгляда на нее. Становится понятно, как и почему государственные деятели совершали ошибки. Отсюда, казалось бы, легко заключить, будто государственные деятели были слепы, глупы, а то и просто негодяи, когда они предприняли действия, которые привели к катастрофе.

Но здесь историков подводит недостаток воображения. Даже самым мудрым государственным деятелям, даже тем из них, кто наделен самым тонким политическим чутьем, приходится действовать как в потемках. Они могут предполагать, но не могут наверняка знать, что будет завтра, не говоря уже о том, что будет через год или через десять лет. Им приходится ощупью продвигаться вперед.

В отношении политиков и военачальников справедливо то, что справедливо в отношении всех нас в нашей повседневной жизни. Самое важное решение, которое большинству из нас доводится принимать, это решение вступить в брак. Это тоже прыжок в неведомое, и здесь тоже не всегда все хорошо кончается.

Поэтому нам следует проявлять скромность и осторожность, когда мы судим о тех, кто был причастен к великим событиям. Легко говорить,

Сэр Родрик Брейтвейт — посол Великобритании в Советском Союзе и России с 1988 по 1992 год. Позднее советник премьер-министра Великобритании Джона Мейджора. Автор книги воспоминаний о своей деятельности посла в Москве «Across the River».

что Горбачеву, Рейгану или Тэтчер, нужно было поступить не так, а иначе. Разве, считают они, Горбачев не знал, что запускает процесс, который приведет Советский Союз к гибели? Разве он не знал, что Советский Союз распадется на части под натиском националистических сил в союзных республиках?

Что ж, давайте, во-первых, вспомним, что Горбачев не был единственным, кто не сумел предвидеть такой ход событий. До самого последнего момента этого не видели лучшие аналитики из ЦРУ, британской разведки, КГБ, ученые. И даже среди тех, кто давно думал, что Советский Союз не может существовать бесконечно, почти никто не смог точно предвидеть, когда именно он окончит свое существование.

Бытует мнение, что развал Советского Союза был следствием победы Америки в холодной войне. Это грубое упрощение. Я считаю, что Советский Союз распался по внутренним причинам, потому что система стала нежизнеспособной. Соперничество с Америкой было важным фактором, так как что оно добавляло существенное внешнее давление к той напряженности, которую система уже генерировала внутри себя. Однако это не было главной причиной.

После страшной разрухи, оставленной второй мировой войной, советское государство восстановило страну. Оно сделало это на свой манер, но удивительно быстро. Советская военная наука и промышленность вышли на передовые позиции. Советские ученые и инженеры освоили термоядерный синтез, создали мощные бомбы и ракеты, запустили в космос сначала собаку, а потом и человека. В первый раз за всю свою историю советское руководство и советский народ почувствовали, что одолевают Запад в сфере борьбы за техническое превосходство. Программ партии 1961 года обещала, что через двадцать лет советскому потребителю будет обеспечено изобилие материальных и культурных благ.

Однако к тому времени внимательные наблюдатели внутри страны и за рубежом уже видели изнанку внешнего благополучия. Одним из первых, кто предрек падение Советского Союза, был Джордж Кеннан. В статье, опубликованной в апрельском номере журнала «Политикал Афферз» за 1951 год, он с уверенностью утверждал, что советская власть в будущем изживет себя или же сам ее дух и характер руководства полностью изменятся. Как человек мудрый, он не пытался обозначить какие-то сроки.

К концу 50-х Советский Союз уже переживал глубокий внутренний кризис. Его политическая и экономическая система была грубой и жестокой, но она позволяла успешно решать задачи форсированной индустриализации, войны и послевоенного восстановления. Однако впоследствии она оказалась слишком негибкой, склеротичной, чтобы соответствовать требовани-

ям мирного времени. Грандиозные и неимоверно дорогие инвестиционные проекты годами, а иногда и десятилетиями оставались незавершенными. Товары низкого качества, которые даже пострадавшие советские потребители отказывались покупать, скапливались на складах. Социальная сфера не получала достаточного финансирования. Сельское хозяйство ковыляло от одного кризиса к другому. Росла скрытая безработица. Передовые технологии, которые разрабатывали блестящие советские ученые и технические специалисты, оставались в чертежах, потому что не было эффективного механизма для внедрения их в производство. Но самое главное состояло, что советская техника, несмотря на успехи в освоении космоса и в области обороны, все сильнее отставала от западной.

Все эти вещи были очевидны тем, кто, как и я, в 60-ые годы жил в Москве. Стоило отъехать от Москвы всего на несколько километров чтобы увидеть, как на самом деле бедно живет советский народ. Британские бизнесмены, с которыми мне в то время доводилось общаться, постоянно недоумевали по поводу очевидного разрыва между достижениями Советского Союза в освоении космоса и страшным расточительством и некомпетентностью на советских предприятиях, где они бывали. В силу ряда причин эти факты не были самоочевидными для западных советологов — ведь многие из них мало знали русскую историю, плохо знали язык и просто никогда не бывали в стране.

Конечно, и советское руководство видело слабости. К началу 60-х ему стало ясно, что экономика стагнирует. Она продолжала как-то работать лишь благодаря всепроникающей системе «блата»; появлению целой прослойки «толкачей» и посредников, которые обеспечивали связь между спросом и предложением, что было не под силу центральным плановым органам; и главное — благодаря героическим усилиям руководителей предприятий и колхозов, движимых некоей смесью верности делу, честолюбия, жестокости и вполне обоснованного страха перед последствиями в случае невыполнения плана, что при Сталине могло в буквальном смысле стоить жизни. По официальной статистике рост продолжался, хотя и при снижении темпов. Но в 1964 году молодой экономист из Новосибирска Абел Аганбегян заявил своим коллегам, что цифры официальной статистики — обман, и посоветовал им вместо этих данных пользоваться цифрами, которые дает ЦРУ.

Хрущев, который с 1953 по 1964 год был первым секретарем ЦК КПСС, был далеко не глуп. Он знал, что положение серьезно. Сначала он попробовал традиционные решения — организовывал политические кампании, выбирал козлов отпущения для наказания, вносил коррективы в административную систему. С Запада он импортировал технику и зерно. Он

жаловался на «иждивенчество» — на привычку людей ожидать указаний сверху и финансовой помощи.

Однако каждая новая «реформа» лишь создавала новые проблемы. В начале 60-х годов Хрущев дал согласие на более серьезную дискуссию. По роду моих обязанностей я должен был следить за ней, и это было безумно интересно. Мнения среди советских экономистов разделились. Одни считали, что старый механизм центрального планирования можно в каком-то виде использовать, если широко внедрить ЭВМ. Другие считали, что это в принципе невозможно: даже самому мощному компьютеру не охватить и не обработать огромный объем информации, необходимой для того, чтобы воспроизвести живую экономику во всей ее сложности. Вместо этого они стали робко предлагать решения, которые граничили с ересью. Профессор Либерман и еще несколько молодых экономистов, которые позднее, при Горбачеве, обрели известность, разработали механизмы, аналогичные действию рыночных сил, на основе модели, использующей более реальные процентные ставки и крайне осторожно сформулированное понятие «прибыли». Это была серьезная дискуссия, которую вели хорошо информированные и интеллектуально смелые специалисты. Но и они не решились предложить вернуться к частной собственности как основному средству, чтобы стимулировать рациональное поведение экономических субъектов.

В конце 1964 года, когда споры были в разгаре, посол Великобритании в Москве сообщил в министерство иностранных дел, что «несмотря на все разговоры о прибыли, [нет] ни малейшей вероятности, что советское правительство когда-нибудь разрешит отдельным гражданам накапливать частный капитал и пускать его в дело: тех немногих, кто пробует это делать, они просто расстреливают». Много лет спустя в Ростове-на-Дону я встретился с предпринимателем, который в то время сам был «теневиком». Для него люди, которых расстреляли, — Ройфман, Шакерман и другие (некоторые из них совершили «преступления» еще до того, как Хрущев издал соответствующий закон) — были настоящими мучениками, погибшими за святое дело свободы предпринимательства.

И все-таки в 1965 году премьер-министр Косыгин предпринял очередную, хотя и скромную попытку реформировать экономику. Эта попытка была сведена на нет из-за сопротивления бюрократов и стремления Брежнева к спокойной жизни. Интеллектуальному оживлению хрущевской эры был положен конец, хотя его отголоски сохранялись до 80-х годов. В общественном дискурсе вновь возобладали затасканные лозунги старой идеологии. Высокие цены на нефть дали Брежневу возможность продолжать соревнование с Америкой в области вооружений, втягиваться в бессмысленные и провокационные авантюры в Африке и в Латинской Америке.

ке, и обеспечить скромное, но устраивавшее простых граждан повышение уровня жизни. Режим продлил себе жизнь.

Но снова зазвучали предостережения. В 1970 году Андрей Сахаров предупредил Брежнева, что «перекосы и застой» в экономике будут сохраняться, если ничего не предпринять в отношении «антидемократических норм общественной жизни», которые ввел Сталин и которые так и не были полностью ликвидированы¹. «С появлением все новых и революционных аспектов экономики, — писал он, — все больше становится разрыв между США и нами». Советский Союз «может постепенно скатиться на положение второразрядной провинциальной державы». В том же году диссидент Андрей Амальрик написал памфлет под названием «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». В 1974 году председатель Госплана Байбаков предупредил о крайне тревожном состоянии экономики.

Даже партийные чиновники стали терять уверенность по мере того, как до них доходили масштабы и характер кризиса. Михаил Горбачев видел, что количество и выбор товаров на прилавках уменьшается, а недовольство простых людей растет. Ельцин, тогдашний первый секретарь обкома партии, в 1981 году, выступая в Свердловске, сказал, что распределение продуктов питания по талонам будет продолжаться: по праздникам — на Первомай и на Октябрьские праздники семьям будет выделяться не более 1 кг мясных продуктов на человека.

К концу 80-х по потреблению на душу населения Советский Союз был на семьдесят седьмом месте в мире. 44 процента советских пенсионеров получали пенсию, которая была ниже официального прожиточного минимума. В 1989 году, т.е. уже при Горбачеве, министр здравоохранения Чазов открыто заявил, что в каждой четвертой советской больнице нет канализации и в каждой шестой нет водопровода; что десятки тысяч медицинских работников получают зарплату ниже уровня бедности; что СССР тратит на здравоохранение меньше, чем какая-либо другая развитая страна. Что бы сегодня в России ни говорили критики Горбачева, советская социально-экономическая система пришла в упадок задолго до того, как он принял попытку ее починить.

Одним из главных успехов советской политики, который еще в 1958 году отметили специалисты по политическому планированию в МИД Великобритании, было достижение ядерного паритета с Соединенными Штатами. К началу 80-х этот успех оказался под серьезной угрозой, поскольку при Рейгане вновь обретшая уверенность в себе Америка начала перевооружаться. Даже наиболее консервативные люди в Политбюро и в Генеральном штабе поняли, что необходимы какие-то изменения, если Советский Союз хочет сохранить реальный военный паритет с Соединен-

ными Штатами. После многих лет брежневского застоя им нужно было найти нового лидера, более молодого, более энергичного, с более широким кругозором, чем у его предшественников. Нужен был человек, способный наладить в советской системе то, что в ней сломалось. И нашли Горбачева.

Горбачева нашло не только Политбюро. Его нашла Тэтчер. Это случилось, как она утверждает в своих мемуарах, потому, что она его искала. По подсказке целого ряда ученых правоконсервативного толка она еще до того, как стала премьер-министром, много читала и размышляла о Советском Союзе. Весной 1980 года она устроила встречу со мной и с Кристофером Маллаби, который как раз вернулся из Москвы, где он возглавлял политический отдел посольства. Сначала говорила, а точнее ораторствовала в основном она, потом мы убедили ее послушать нас. Кристофер представил ей блестящий, подробный анализ того, что реально происходит с Советским Союзом. Она сказала: «Если так, то похоже, что система должна разлететься вдребезги». Мы поспешили заверить ее, что партия, КГБ и армия все еще держатся прочно и что о крахе системы говорить пока рано. Но в целом она показалась мне человеком гораздо более восприимчивым, чем я ожидал.

Познакомившись с Горбачевым, нетрудно было понять, почему г-жа Тэтчер решила, что с ним можно иметь дело. Его первые беседы с ней и Джеффри Хау в декабре 1984 года продемонстрировали поразительную разницу между ним и его предшественниками. Это был человек, который, в отличие от Брежнева, полностью владел информацией, мог говорить без помощников, причем уверенно, живо, умно. Было очевидно, что ему нравится полемизировать с госпожой Тэтчер. Даже те из нас, кто видел только сухие официальные отчеты, могли почувствовать, как это было интересно.

Горбачева избрали генеральным секретарем советской компартии три месяца спустя, в марте 1985 года. Он оказался последним, кто занимал этот пост.

В последовавшие за этим пять лет политический, военный и разведывательный истеблишмент в Лондоне и Вашингтоне исходили из убеждения, что перестройка, демократизация и гласность — это хитрая ловушка коммунистов, которые рассчитывают таким образом выиграть время, чтобы подлатать советскую экономику и подготовиться к новому броску. Те же, кто считал, что Горбачев действительно имеет в виду то, что говорит о реформах, полагали, что верхушка партии, КГБ и армии сумеет успешно противодействовать его идеям. И все как один были обеспокоены «горбоманией» на Западе, поскольку им казалось, что она подрывает готовность людей сопротивляться коммунизму. В конце 1988 года аналитики ЦРУ предсказывали, что главной угрозой для безопасности Америки в ближайшие двадцать лет будет Советский Союз.

Моментом самого большого триумфа Горбачева у себя в стране и за рубежом была первая половина 1989 года. Накануне этого года с трибуны ООН он объявил программу сокращения вооружений в одностороннем порядке, которая шла навстречу почти всем требованиям, выдвигаемым Западом на протяжении десяти лет. Запад воспринял это как еще одну ловушку, а новой администрации в Вашингтоне — президентом стал Буш-старший — потребовалось несколько месяцев, чтобы поверить в его искренность. Это был первый шаг по пути, который привел к выводу советских войск из Европы, воссоединению Германии и распаду Советского Союза, который по своей территории почти совпадал со старой царской империей. Несомненно, что рано или поздно такие судьбоносные изменения все равно произошли бы. Но благодаря Горбачеву они не сопровождались кровопролитием, как это бывало в истории других империй в эпоху их заката, в том числе и Британской Империи.

У себя в стране Горбачев провел первые настоящие выборы. В последний раз в России такие выборы были семьдесят два года назад, когда было избрано Учредительное собрание, судьба которого известна. По западным меркам это была отнюдь не идеальная избирательная система, она была выстроена с таким расчетом, чтобы дать преимущество Коммунистической партии. Но она давала избирателю реальный выбор, и в Москве, Ленинграде, Киеве и в других местах избиратели весьма умело воспользовались своим правом голоса, чтобы прогнать старую партийную администрацию и выбрать новых людей, выступавших за реформы.

Эти выборы проходили на три месяца раньше первых свободных выборов в Польше. В 50-ые годы, когда мы жили в Польше, польские друзья говорили нам, что на реформы в Польше нельзя рассчитывать, пока в Советском Союзе не произойдут кардинальные перемены. Теперь же поляки и другие страны Варшавского Договора были свободны сами решать свою судьбу.

Парадоксально, но факт: именно в этот момент высочайшего триумфа популярность Горбачева у себя в стране начала падать. Это объясняется тремя основными причинами.

Первая состояла в том, что он не смог справиться с экономикой, которая быстро пошла под уклон. Вновь вышли на авансцену либеральные экономисты 60-х годов. Они давали Горбачеву хорошие, иногда далеко идущие советы. Но не предлагалось ничего в достаточной степени радикального, что могло бы придти на смену негодной системе центрального планирования и что могло бы работать. К осени 1990 года уровень жизни снизился, безработица возросла, а магазины опустели. Поначалу «человеку с улицы» в России очень импонировала общительность Горбачева. В первые годы

перестройки его беседы с народом на улицах в Москве и в Ленинграде проходили с триумфом. Теперь люди отвернулись от него.

Во-вторых, волнения в союзных республиках в сочетании с чувством унижения от того, что пришлось уйти из Германии, и уступками Горбачева в вопросах контроля над вооружениями начали все больше выводить из себя даже тех в армии и в партии, кто сначала поддержал Горбачева. Собираясь в прокуренных комнатах, некоторые из них уже называли его предателем.

В-третьих, от него теперь начала отходить и либеральная интеллигенция Москвы и Ленинграда. Эти люди с подозрительностью относились к тому, что он продолжал действовать через Коммунистическую партию, которая реформировалась медленнее, чем ему хотелось. Они критиковали его за то, что он никак не мог решиться на болезненные шаги в экономике. Бросив его, они перешли на сторону Ельцина, который казался им более правильным «демократом».

В результате к концу 1990 года политический курс Горбачева зашел в тупик, и это открыло путь правым силам, которые в августе 1991 года совершили попытку государственного переворота. На Западе риск антигорбачевского переворота почувствовали еще в 1989 году, если не раньше. Между [британским] МИДом и мною шла регулярная переписка на эту тему. Так что в определенном смысле никто из нас не удивился, когда переворот действительно произошел. Но никто из нас, равно как, разумеется, и сам Горбачев, не мог предсказать его дату. Это удалось только ЦРУ, которое за несколько дней до начала путча сообщило Бушу, что переворот может произойти в течение недели после 19 августа, и оказалось право. Насколько я знаю, аналитики ЦРУ пришли к такому заключению, не опираясь на какую-то секретную информацию. Они просто лучше нас проанализировали общедоступную информацию, в том числе и ту, что появлялась в печати.

Но даже ЦРУ не предсказывало, что путч провалится. Напротив, оно, как и все мы, считало, что любому путчу, поддержанному партией, армией и КГБ, гарантирован на какое-то время успех, может быть даже надолго, хотя в конечном счете советской системе все равно придется вернуться на путь реформ. Однако волна политических перемен, которую вызвал к жизни Горбачев, разбила все устоявшиеся стереотипы в умах многих рядовых граждан и даже в умах тех, кто возглавил переворот. Ведь, в конце концов, не кто иной, как министр обороны, маршал Язов, принял решение вывести танки из Москвы во избежание кровопролития.

У Горбачева было все — новые идеи, энергия, хитрость, честолюбие и непреклонность, необходимые политику, чтобы взобраться по скользкому

шесту на вершину власти. У него также хватало мужества мыслить неординарно, проводить свои— идеи в жизнь вопреки яростному противодействию со стороны «старой гвардии» и менять свои решения, если того требовали обстоятельства. Конечно, он сделал много ошибок. И в отличие от многих политиков он готов сейчас некоторые из них признать.

Теперь очень многие в России и за рубежом упрекают Горбачева в том, что у него не было стратегии реформы, что он не сумел решить экономические проблемы, проявил слабость и не смог обуздать реакционеров, не смог эффективно отреагировать на движение за независимость союзных республик, не предвидел того, что его политика приведет к развалу Советского Союза, а его самого отстранят от власти. Его упрекают и в том, что он вовремя не отказался от веры в коммунизм.

Конечно, задним числом критиковать легко. При этом многие критики не учитывают заведомую трудность, с которой сталкиваются все политики, поскольку им приходится действовать, не имея ясного представления о том, чем обернутся их действия. Не учитывается и то, что Советский Союз был весьма неподатливым объектом реформирования, что у государственного аппарата еще было достаточно сил, чтобы поставить на место неосторожного реформатора. Горбачев всегда опасался, что однажды он проснется и обнаружит, что разделил судьбу Хрущева — неожиданно «заболел» и его друзья ради его же блага отстранили его от власти. Горбачева обвиняли в том, что он действовал слишком робко. Но его опасения не были надуманными. 18 августа 1991 года сторонники крутых мер взяли его под стражу, сообщив миру о его болезни, из-за которой он не может выполнять свои обязанности. Это почти точное повторение того, что сделали с Хрущевым в октябре 1964 года. Вот только исход на этот раз оказался иным.

Сам Горбачев считал, что у него есть стратегия реформ. Он считал, что Советский Союз может выйти из глубокого кризиса только в том случае, если откажется от имперской внешней политики, сократит военные расходы, разбудит творческий потенциал простых людей благодаря политике открытости и демократизации общества, и осуществит какую-то экономическую реформу.

При этом у Горбачева не было подробного расписания мероприятий, необходимых для осуществления такой стратегии. Он считал, что такого расписания просто не может быть, и что в свете складывающейся внутренней и международной ситуации он должен действовать постепенно там, где это возможно. Это была разумная позиция. Именно так и поступали на практике почти все великие реформаторы.

Его самой большой неудачей было то, что он не смог совладать с экономикой. Именно тут его политические инстинкты, которые так хорошо слу-

жили ему в решении международных проблем и во внутривнутриполитических вопросах, изменили ему. Он не очень представлял себе, как работает современная экономика. Он боялся, что кардинальная реформа вызовет массовые волнения. Он колебался между предложенными ему вариантами, и в конце концов не поддержал ни один из них. Его преемник Ельцин, который разбирался в экономике хуже, чем Горбачев, просто взял быка за рога и пошел напролом. Реформы Ельцина были непоследовательными. Они создали огромные трудности для простых людей. Они привели к скандальному обогащению меньшинства, способствовали коррупции. Но эти реформы сдвинули с места процесс, который необходим для того, чтобы Россия со временем стала современным государством.

Когда Горбачев потерял поддержку либералов и демократов, переметнувшихся на сторону Ельцина, ему стало гораздо труднее противостоять силам реакции. К концу 1990 года стало казаться, что ему не на кого опереться. Партия, военные и КГБ начали интриговать против него. Поэтому ему пришлось и маневрировать, и недоговаривать правду, и уговаривать, и задирать, и не в меру ораторствовать. Он пришел к предельно возможному компромиссу с теми, в чьем распоряжении было оружие и подслушивающие устройства. Лишь в последний момент ему удалось избежать кооптации в их лагерь. Если бы он это допустил, то сегодня его место в истории было бы совершенно иным. Я считаю, что все беды 1990 и 1991 годов произошли в не меньшей мере из-за непоследовательности и политической слепоты либералов и интеллигенции, чем из-за колебаний и просчетов Горбачева.

То, что Горбачев не сумел предвидеть подъем национальных настроений в союзных республиках и не отреагировал на них должным образом, составляет одно из главных обвинений в его адрес в глазах тех, кто сожалеет о распаде Советского Союза и возлагает ответственность за это на Горбачева. Эти люди не остановились бы ни перед чем — даже перед кровопролитием, чтобы сохранить Союз. В начале 1991 года именно они стояли за стрельбой в Вильнюсе и в других городах. Для большинства же из нас независимость прибалтов, украинцев и других народов является благим делом. Критикуя национальную политику Горбачева, сожалеем ли мы, что его попытки удержать эти народы в составе Союза посредством мирных переговоров не увенчались успехом? Или хотим сказать, что ему с самого начала следовало поощрять их к выходу из Союза, несмотря на большой риск спровоцировать ответную реакцию со стороны правых сил? Или мы просто демонстрируем крайний образчик «ретроспективной мудрости»?

Вряд ли разумно корить Горбачева за то, что он не предвидел, что его политический курс приведет к распаду Советского Союза. Такого исхода

событий до последнего момента, в сущности, не мог предвидеть никто — ни на Востоке, ни на Западе.

Горбачев сохранил веру в то, что, по его мнению, составляет основные принципы «социализма». Задолго до его отстранения эти принципы эволюционировали в сознании Горбачева в нечто гораздо более близкое к западной социал-демократии, чем к грубому и беспросветному облику советского коммунизма. В этом он отличается от тех членов КПСС, кто всю жизнь повторял «святые» плоские истины [коммунизма], а потом ничтоже сумняшеся бежал с корабля. На мой взгляд, стремление Горбачева сохранить верность своему прошлому и хоть какую-то интеллектуальную последовательность делает ему честь. Может быть, дело в том, что я, в отличие от г-жи Тэтчер, полагаю, что социал-демократия является вполне уважаемой частью европейской политической традиции.

Величайшая заслуга Горбачева состоит в том, что он облегчил России переход на путь глубокого исторического преобразования. Он порвал с дискредитировавшей себя советской системой и сделал первые шаги к превращению страны в более демократичный и более эффективный организм. Он сделал решающие шаги к прекращению холодной войны. Если бы в Советском Союзе у кормила власти оказался другой человек, возможно, он попытался бы противодействовать поступи истории. Это сделало бы решение задачи гораздо более тяжелым, более кровопролитным и более опасным для всех нас.

После того, как Горбачев выполнил свою историческую задачу, уже его преемникам предстояло выводить Россию на следующий этап развития. Трудно сказать, получилось ли у них лучше, чем у Горбачева. Путь России к истинной политической и экономической стабильности, к системе, которая впервые в истории должна отвечать интересам простых людей, а не богачей и людей власти, наверняка будет долгим. Должны не просто пройти десятилетия. Должны смениться поколения. На этом пути наверняка будут неудачи, но будет и успех. Это самое определенное предсказание, на которое могут отважиться те, кто считает, что будущее в принципе невозможно предсказать.

Ничто из сказанного выше не умаляет того факта, что люди в родной стране Горбачева многим ему обязаны. И вряд ли приходится удивляться, что они не торопятся признать это. Терять империю больно, но ядерная война была бы еще больней. Будущее, может быть, неопределенно, но Горбачев дал россиянам шанс, которым, в конечном счете, только они смогут воспользоваться. Место в истории ему обеспечено. Даже его соотечественники и даже те на Западе, кто выдает последующее знание за дар безошибочного предвидения, в конце концов поймут это.

Продолжение должно последовать

Вадим Загладин

Лично для меня перестройка стартовала в воскресный вечер 10 марта 1985 года. Был я дома, готовился ко сну. Телефонный звонок из общего отдела Центрального Комитета партии. Сообщили, что я срочно должен явиться в Кремль, в зал заседаний Политбюро, что машина за мной уже вышла. Сборы не заняли много времени. И вот я — в Кремле.

В зале заседаний — Михаил Сергеевич Горбачев. Он сидел за столом председательствующего, чуть вправо от центра. Перед ним — бумаги, в руке — телефонная трубка. Положив ее, он как-то отрешенно посмотрел на меня. Что случилось, — был мой вопрос. Михаил Сергеевич махнул рукой: «Опять...». Все стало ясно: скончался уже давно больной Константин Устинович Черненко, Генеральный секретарь ЦК партии.

Горбачев продолжал: надо готовиться к Пленуму ЦК, решено, что он состоится уже на следующий день. Времени немного. На мой вопрос о том, каковы пожелания к материалу, который должен быть создан, последовал краткий, но четко определенный ответ. Я тогда же мысленно выделил основное: во-первых, подтвердить генеральную линию партии; во-вторых, сразу же обозначить идею обновления (тут Горбачев произнес фразу, которая потом не раз им повторялась: преемственность должна сочетаться с обновлением, одно должно быть неразрывно связано с другим). Конечно, заметил он, сформулировать все это надо аккуратно, что-

Загладин Вадим Валентинович — Советник Президента Горбачев-Фонда, доктор философских наук, профессор; в годы перестройки — член ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, секретарь Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР, Советник Президента СССР.

бы смысл этот был понятен, но не вызывал ощущения сенсации. И затем, отдельно, Горбачев добавил: с этой точки зрения обрати особое внимание на международную часть, — ведь Пленум состоится в канун нового раунда переговоров с американцами по ядерным и ракетным делам...

Пока я слушал, подошли и другие приглашенные (они ехали с дач, из загорода). Это были Вадим Андреевич Медведев, Георгий Лукич Смирнов, Андрей Михайлович Александров. Нас отвели в помещение для работы. Обсудили задание, начали обрабатывать — каждый свою «делянку». Определенным подспорьем нам послужила речь, которую Михаил Сергеевич произнес несколькими днями раньше — на совещании секретарей Центральные Комитетов братских партий социалистических стран по идеологическим вопросам. По стилистике речь эта была выдержана в духе предшествующих времен, но по идеям она уже содержала элементы новых акцентов. Элементы, которые потом развивались, включались в концепцию начинавшихся перемен.

Хорошо помню реакцию участвовавших в совещании. Поразило — они были молчаливы, немногословны. В каких-то случаях старательно фиксировали сказанное, в каких-то — просто слушали, кивая головами: «Понятно... Это нам знакомо». Внимание вызвали (как рассказывали они уже потом, в беседах с нашими работниками) такие тезисы, как «ускорение социально-экономического развития страны», «развитие и совершенствование социализма как общественной системы», «совершенствование политической системы», особенно — значение гласности в работе партийных, советских и государственных организаций... Наверное, каждый из присутствовавших по-своему понимал все эти формулы. Но, видимо, в большинстве случаев они ждали вслед за формулами каких-то новых шагов, новых поворотов в политике КПСС. Кто — с интересом, а кто и с опасениями...

Позднее, уже после Пленума ЦК, на котором Михаил Сергеевич был единодушно избран Генеральным секретарем Центрального Комитета партии, произнесенная им речь со всем вниманием изучалась и обильно комментировалась. Отклики на нее в целом были доброжелательными, но с оттенком выжидания: а что все это будет значить?

Подобные вопросы задавал сам себе и я. Ожидал ли я тогда каких-то серьезных, глубоких поворотов в политике страны?

О настроениях М.С. Горбачева, о его глубокой неудовлетворенности ходом дел, я знал. Знал от него самого, да и от тех, кто вместе с ним работал над составлением аналитических документов о ситуации в стране задолго до марта 1985 года. Летом предыдущего, 1984 года Горбачев летал в Рим — проститься с безвременно (вот уж действительно безвременно!) скончавшимся секретарем Итальянской Коммунистической партии Энрико Берлингуэ-

ром. Я был там вместе с ним. Путь в Рим и обратно — время поговорить было. Говорили на самые различные темы. Горбачев был откровенен, говорил обо всем напрямую. А я с огромным удовольствием слушал из уст второго (тогда) человека в партии то, о чем мы дискутировали только с самыми близкими и надежными друзьями...

В принципе, удивлен услышанным я не был. Дело в том, что познакомился я с Михаилом Сергеевичем задолго до перестройки — в 1971 году. Тогда он, в составе делегации партийных работников должен был ехать на отдых в Италию по приглашению руководства компартии этой страны. По принятому тогда обычаю, такого рода делегации перед отъездом принимались в Международном отделе ЦК, с ними встречались заместители заведующего отделом, отвечавшие за связи с соответствующими партиями. К каждой такой встрече для отъезжающих товарищей готовились необходимые справочные материалы — о стране, куда предстояло ехать, о партии, оказывавшей им гостеприимство. Так было и в этот раз.

Беседа была традиционной, немного формальной, хотя и не слишком официальной, — все-таки люди ехали на отдых. Возникали какие-то обычные в таких случаях вопросы, больше протокольного характера. Разговор довольно быстро иссяк. Но тут Горбачев сказал, что он хотел бы немного задержаться, затронуть какие-то вопросы, как он сказал, «местного характера» (он был в ту пору первым секретарем Ставропольского краевого комитета КПСС). Такие вопросы действительно случались, — Ставропольский край нередко принимал иностранных гостей, в том числе и делегации братских партий. Там было что показать, да и гостеприимство всегда было отменным. Но на этот раз Горбачева интересовали вопросы совсем не «местного характера».

В отличие от многих товарищей, выезжавших на отдых, Михаил Сергеевич внимательно проштудировал все подготовленные справки. Почитал и другую литературу, — в частности, некоторые издававшиеся издательством «Прогресс» в переводе с иностранных языков книги, распространявшиеся по спискам для ответственных работников. В том числе работы, посвященные истории КПСС, прошлому и настоящему Итальянской компартии. И вопросы, которые он задавал, были совсем не протокольными. Суммарно говоря, его интересовало одно: насколько точно, объективно наши справки отражали положение дел, характер и содержание отношений между КПСС и итальянскими товарищами, в чем была суть имевшихся между нами разногласий.

Сначала я, приученный, как все мы тогда, к осторожности, задумался: насколько откровенно должен и могу говорить? Но, сам себе удивившись, сомнения отбросил, — ведь разговаривают два члена Центрального Коми-

тета, — чего тут сомневаться? К тому же и внешность Горбачева, его внимательные глаза, открытая манера поведения (которая, как я понял уже значительно позднее, подчас скрывала как раз его закрытость в некоторых личных или деликатных вопросах) убедили меня — надо говорить все как есть. Задача облегчалась тем, что подготовленные материалы в целом были достаточно объективными, хотя и не полностью раскрывали все нюансы межпартийной дипломатии. Проговорили мы достаточно долго. И я понял, — этот человек искренне интересуется, хочет вникнуть во все по делу, ему можно и нужно верить. Скажу сразу — я и потом не изменил этого вывода.

Так что к началу 1985 года я уже имел представление о новом Генеральном секретаре, о его идеях, его устремлениях. Тем не менее не могу сказать, что тогда, в начале 1985 года, я питал какие-то особые надежды, был исполнен каких-то радужных ожиданий. Понимал: намерения Горбачева похвальны и заслуживают самого глубокого уважения. Но удастся ли ему их реализовать? Тут уверенности не было. Прежде всего потому, что не был убежден — получают ли эти намерения поддержку других членов партийного руководства. Лично зная их, общаясь с ними то на заседаниях Политбюро и Секретариата, то при личных рабочих контактах, я был убежден, скорее, в обратном.

Идеи Горбачева, казалось мне, очень далеки от настроений и планов большинства руководителей партии. Они привыкли ко всему существующему. Главная идея многих состояла в том, чтобы ничего не менять, спокойно доживать свой век в руководящих креслах. Утвердившаяся с 70-х годов теория «стабильности кадров» ясно отражала эти настроения, а с другой стороны, была хорошим прикрытием для противников любых серьезных перемен.

Горбачев, конечно, понимал все это гораздо лучше и глубже, чем я и мои коллеги по отделу. Большинство наших работников с пониманием и поддержкой отнеслись к осуществленным затем переменам в партийном и государственном руководстве. Сожаление у некоторых оставалось только в связи с тем, что перемены эти не дошли до необходимого завершения. А также в связи с тем, что новые кадры черпались в системе «номенклатуры», которая поставляла «новые» кадры, лишь в полной мере обладавшие качествами старых. Что позднее и дало о себе знать взрывным образом в дни августовских событий 1991 года.

Так что больших ожиданий у меня тогда, в начале перестройки, не было. Определенная доля скептицизма присутствовала и далее, хотя, конечно, мои ожидания менялись. Энергичные шаги Горбачева, проявления его решительности вызывали рост ожиданий. Какие-то определявшиеся

трудности — их спад. Но что всегда оставалось неизменным — вера в искренность намерений и чистоту замыслов первого и последнего Президента Союза.

Вопрос о перспективах перестройки, о нашем будущем сразу же стал неизменной темой моих встреч (по должности) с представителями зарубежных политических партий и государств. Горбачев, понятно, знал об этих встречах. Требовал, чтобы они использовались для разъяснения наших позиций. И сам он активнейшим образом участвовал в этой работе, которая шла у него с неизменным успехом.

Скажу больше, — в беседах с зарубежными гостями Горбачев был нередко более ярк и убедителен, чем в своих публичных выступлениях дома, особенно в первое время после избрания. Здесь, дома на него давило прошлое, унаследованные стереотипы «руководящих» выступлений, как правило, не отличавшихся ни яркостью языка, ни свежестью идей. Правда, очень скоро Михаил Сергеевич понял: этот стиль отнюдь не соответствует духу перестройки, ее динамике. И начал его менять. А вот в беседах с зарубежными деятелями Горбачев был более раскован, старался довести до собеседников смысл своих идей. И это получалось весьма убедительно. Что не проходило незамеченным.

Получилось так, что буквально на следующий день после похорон К.У. Черненко я должен был лететь в Германию, а затем — во Францию. Перед отлетом Горбачев сказал: постарайся сделать так, чтобы твои собеседники поняли смысл сказанного на Пленуме ЦК, направленность наших намерений.

Уже 15 марта я, прилетев из Бонна, встретился с Эгоном Баром, этим ярким человеком, близким к Вилли Брандту. В обстановке домашнего уюта, на квартире Бара, мы с ним обстоятельно поговорили о событиях в Москве, о планах и надеждах на будущее. Собеседник слушал, обрадованно-удивленный. Ему, очевидно, и хотелось надеяться на позитивные перемены, и не верилось в их возможность: годы застоя у нас (а Бар, часто бывавший в Москве, хорошо чувствовал настроения, не внушавшие ему особых иллюзий) воспитали даже у тех, кто вполне дружески относился к нашей стране, предельную осторожность, устойчивые сомнения в возможности серьезных перемен.

Бара, — а он был в СДПГ ведущим экспертом по проблемам разоружения, — особенно заинтересовала формула выступления Горбачева на Пленуме ЦК, в которой говорилось о намерении нового советского руководителя ориентироваться на достижение конкретных результатов в ходе переговоров с США. До того в беседах с нами Бар часто критиковал позиции советских переговорщиков (да и МИД заодно) за отсутствие гибкости,

возможных вариантов поведения. «Неужели все это кончится? Тогда ведь можно будет рассчитывать на хоть какой-нибудь успех», — вопрошал он.

Вскоре после этого в Москве появилось интервью Горбачева, в котором он сообщил: размещение ракет средней дальности прекращается. Бар позвонил мне домой и буквально прокричал: «Теперь я начинаю верить!».

В понедельник 18 марта я был принят Вилли Брандтом, с которым был знаком уже давно, с начала 70-х годов. Бар уже рассказал ему о нашей беседе. Брандт снова и снова дотошно расспрашивал: чего можно ждать? Естественно, я не мог сообщить ему ничего определенного — новые позиции еще «варились». Но даже то, что я мог сказать, пусть в самой общей форме, было для него «глотком кислорода». Естественно, Брандт дотошно расспрашивал меня о Горбачеве — как о политике, как о человеке. Старался понять — с кем ему придется иметь дело? Здесь я мог быть более определенным, — опираясь на собственные впечатления, о которых уже шла речь.

Брандт и Горбачев лично познакомились друг с другом позднее. Но они быстро нашли общий язык, — сперва по общим международным проблемам, а затем, спустя еще некоторое время, и по концепции социализма, его ценностном, а не доктринерско-формальном толковании. Брандт до конца жизни относился к Горбачеву с неподдельным уважением, как к ценному партнеру и другу. И Горбачев высочайше ценил отношения с патриархом немецкой социал-демократии.

Такие отношения возникли — и, наверное, с обеих сторон, — в результате долгих размышлений, даже сомнений. Ибо ведь от прошлого оба могли унаследовать только взаимную неприязнь. У нас социал-демократию десятилетиями представляли как врага, а иногда (в сталинские времена) и главный враг. Отголоски этого периода давали о себе знать и в первые годы перестройки. Горбачев, во всяком случае, в 1985-1986 годах в беседах с представителями западных компартий пару раз проговаривал мысль о том, что у социал-демократов учиться, мол, нечему, что для коммунистов очень важно не скатиться на социал-демократический путь. Но затем, по мере углубления взаимного знакомства, соприкосновения с реальной политикой Социнтерна, взгляды стали меняться. В реальной жизни Горбачев и Брандт, эти близкие по духу, но вместе с тем очень разные политики оказались не только совместимыми, но в чем-то даже взаимодополняющими. Уход Брандта из жизни был пережит Горбачевым как тяжелая личная потеря.

Из Бонна я перелетел в Париж. Там — беседа с Жоржем Марше, Генеральным секретарем ЦК Французской компартии, затем завтрак с руководителем Социалистической партии Пьером Моруа и прием у старого знакомого — Президента Франсуа Миттерана. Были и другие встречи, — число

интересующихся тем, «что происходит в Москве», явно превосходило мои возможности задержаться в Париже. Но интерес во всех случаях был совершенно искренним. Хотя и не одинаковым — по оттенкам и содержанию.

Марше интересовался, — будет ли Москвой и теперь соблюдаться «классовый подход» к международным делам. Подспудно он явно опасался сближения КПСС с руководством социалистов, с Президентом Миттераном. Ведь, хотя между ФКП и ФСП на протяжении ряда предыдущих лет периодически возникали какие-то попытки наладить сотрудничество, соперничество все-таки преобладало. Лидер коммунистов понимал, конечно, что в государственном плане отношения между двумя странами необходимо улучшать, — по этому вопросу линия ФКП всегда была очень ясной. Но ревность к возможным соперникам все-таки давала о себе знать.

Миттеран, который после избрания его на пост Президента, видимо, сознательно несколько отдалился от контактов с Москвой, в 1984 году вернулся к активизации отношений. Он совершил тогда поездку в Союз, «разморозил» некоторые старые идеи. И очень интересовался тем, что сулят ему изменения в советском руководстве. Горбачева он «заметил» уже во время своего путешествия — по его достаточно раскованным репликам в ходе обеда, данного советским руководством в честь французского гостя. И еще в Москве расспрашивал меня о нем. Понятно, с нужной осторожностью, но все же я постарался укрепить интерес Миттерана к новому, молодому члену Политбюро. Миттеран спрашивал: а не сможет ли он занять кресло первого лица? Ответ мой был уклончивым, хотя я и не исключил такой возможности. Годы спустя, когда Горбачев был с визитом в Париже уже в качестве руководителя созданного им Фонда, Миттеран напомнил ему о той своей поездке в Москве. «Загладин уже тогда указал мне на Вас, как на человека будущего», — сказал он. Меня порадовало, что Президент не забыл об этом, хотя в то же время я был и смущен его репликой, — ведь Миттеран «раскрыл» совершенно частный разговор...

Вернувшись в Москву, я, естественно, через помощника М.С.Горбачева передал ему свои впечатления от поездки. Но обсуждение с зарубежными партнерами происшедших перемен на этом не закончилось. Каждый день в Москву приезжал кто-то из них. Среди прочих побывали у нас тогда один из руководителей Христианско-демократического союза ФРГ Лотар Шпэт, председатель Социалистической партии Бельгии Ги Спитальс. На это же время пришелся и визит делегации Палаты представителей США, — переговоры с ней в Верховном Совете заняли два дня. И в каждом случае возобновлялись вопросы: «Что нас ожидает?...» Европейцы, пожалуй, более заметно проявили свой интерес к переменам в Москве, чем американцы. При этом немцы и бельгийцы, прежде всего, расспрашивали о перспекти-

вах переговоров о разоружении, американцы же — о правах человека.

Так или иначе, судя по собственным впечатлениям, я мог заключить: мир полон ожиданий. Ожиданий чего-то. Но чего? Каждый по-своему. И, пожалуй, никто не ждал, во всяком случае тогда, в первые месяцы после избрания нового Генерального секретаря, таких перемен, как те, которые заполнили собой последующие годы. Надеющиеся на них были, но они сами себе не верили. Большинство же сомневалось...

Со временем накапливалось все больше реальных признаков перемен. Но, особенно в первые пару лет перестройки (да, впрочем, и не только в эти первые годы), сигналы общественному мнению, внешнему миру поступали достаточно противоречивые. Менялась и реакция на них.

В 1985 году много разговоров и внутри страны, и вне ее вызвало проведенное в ЦК в начале июня совещание по экономическим вопросам, точнее — по проблемам научно-технического прогресса. По сути дела то была реализация в несколько урезанном виде давным-давно планировавшегося Пленума ЦК по научно-техническому прогрессу. Его проведение долго откладывалось (под самыми различными предлогами). Но теперь проблема эта подверглась, наконец, серьезному обсуждению. Конечно, совещание не было равноценно Пленуму ЦК. Но значительный шаг вперед, во всяком случае в осознании серьезности ситуации, был сделан. Упоминаю здесь об этом потому, что доклад М.С.Горбачева на совещании, последовавшие за этим прения вызвали весьма заинтересованную реакцию за рубежом.

На совещании Горбачев впервые выступил с острым критическим анализом положения дел в совершенно конкретных и жизненно важных для страны сферах. Был публично, на самом высоком уровне признан факт прогрессирующего отставания Советского Союза в научно-техническом отношении от стран Запада. Об этом отставании за рубежами страны до перестройки писали много. И многих из тех, кто специализировался на критике социализма, совещание воодушевило: как же, теперь первое лицо в Москве признает, что они были правы!

Меня крайне заинтересовала своеобразная реакция левых кругов западной общественности, которые разделились тогда на две группы. Одни, привыкшие занимать охранительно-консервативные позиции, возмутились: зачем Горбачеву понадобилось говорить об этом! Пусть это правда, но она ... вредит социализму. Такие настроения существовали и у некоторых из наших специалистов, хотя их было и не много. Приятная ложь, конечно, не так раздражает, как нелюбимая правда. Но такая ложь — мощнейший тормоз развития. Другая же группа, напротив, приветствовала правду, видя в самом факте ее раскрытия признак выздоровления, стимул прогресса.

К этой второй группе принадлежали товарищи из Итальянской коммунистической партии. Их давнишняя и можно сказать постоянная позиция состояла в том, чтобы, приветствуя любые успехи Советского Союза, все его шаги, которые реально служили упрочению мира и разоружению, критически относиться ко всему, что, по их мнению, противоречило идеалам социализма, создавало помехи на пути его развития. Свое мнение итальянские товарищи без дипломатии высказывали вслух. Эта их линия поведения не встречала понимания в советском руководстве, которое нередко воспринимало любую критику, как враждебное нашей стране действие. Отсюда — множество недоразумений, которые весьма драматически воспринимались обеими сторонами.

Практически незадолго до перестройки возникли даже разговоры о возможном «разрыве» между КПСС и ИКП. Это было в немалой степени связано с публичным заявлением секретаря Итальянской компартии Энрико Берлингуэра о том, что, в свете предшествовавших событий (вторжение советских войск в Афганистан, политический кризис в Польше и т.д.), «притягательная сила Октябрьской революции исчерпывает себя». Указанные события, да и сам процесс застоя в нашей стране производили крайне неблагоприятное впечатление на зарубежную общественность, в том числе, а быть может в особенности, на левый ее сегмент, включая коммунистов. Образу Советского Союза был тогда нанесен значительный ущерб.

Горбачев все это прекрасно понимал. Как я уже упоминал, он и раньше пытался вникнуть в суть сложностей в наших отношениях с ИКП. В критическом подходе итальянских друзей к советской действительности он, в принципе, не видел криминала, — даже наоборот, внутренне считал именно такой подход верным, способствовавшим преодолению трудностей в нашем развитии. Возникавшие осложнения он явно не считал трагедией. И был убежден: надо оставить прошлое прошлому и идти дальше по пути реального сотрудничества. Он, безусловно, понимал, что не все в руководстве КПСС могли согласиться с таким подходом. И был очень осторожен.

В ходе поездки на похороны Э.Берлингуэра летом 1984 года Горбачев попытался пробить первую брешь в выростающей стене, способной разобщить КПСС и крупнейшую коммунистическую партию Западного мира. Он несколько раз говорил друзьям: «Вы сто раз повторили — ИКП самостоятельна и независима. КПСС тысячу раз признавала вашу независимость. Что же теперь? Так и будем повторять эти истины? Нет, надо закрыть эту страницу». Во время пребывания делегации ИКП на похоронах К.У.Черненко, Горбачев условился с новым Секретарем компартии Алессандро Натта встретиться и обстоятельно поговорить обо всем, что интересует обе стороны. Это и было сделано в начале 1986 года, в канун XXVII съезда КПСС.

Подробная запись этой беседы сохранилась. И, думаю, она до сих пор представляет интерес. Не столько как документ межпартийной дипломатии, — дипломатии там по сути дела если и было, то немного. А как, с одной стороны, свидетельство эволюции взглядов самого Горбачева в ходе выработки концепции перестройки, а с другой — как пример реального подхода к преодолению взаимного недопонимания к налаживанию действительно дружеских отношений.

В ходе бесед, о которых идет речь, и которые продолжались два дня, стало совершенно очевидно: нас разделяет именно и только взаимное недопонимание, во многом связанное с привязанностью советской стороны к стереотипам и мифам коминтерновского прошлого. В реальности речь идет именно о товарищах, о единомышленниках. Впоследствии, вспоминая о тех беседах, Горбачев говорил: а ведь товарищи были правы, концентрируя внимание, например, на национальном вопросе. А мы, вроде бы все понимая, сильно запоздали с его решением... Национальный вопрос, в конце концов, оказался одним из тех опасных рифов, о которых, в конечном счете, и разбился общесоюзный корабль.

Затрагивались в тогдашних беседах и экономические дела. Товарищи высоко оценили выступление Горбачева на совещании по научно-техническому прогрессу. И, в очень деликатной форме, интересовались: какие реформы надо провести, чтобы преодолеть возникшие трудности? Потом, за импровизированным обедом, в неформальной обстановке, они говорили, что, по их мнению, здесь очень важно соблюдать последовательность, не допускать отступлений от намеченного курса. А такие отступления возможны, — говорили друзья, — поскольку по некоторым кардинальным вопросам пока что нет ясности — в какую сторону пойдут преобразования? И, в частности, будет ли дана действительная свобода экономическому творчеству масс? Во всех этих вопросах не было ни капельки чего-то враждебного. Но в них прослеживался реальный интерес к происходящему и желание, чтобы все пошло как надо. После встреч в январе 1986 года путь к развитию отношений с итальянскими друзьями был расчищен.

Осенью 1986 года я был приглашен на праздник газеты «Унита» в Милан. Сам по себе праздник, как всегда, был впечатляющим. Но для меня, пожалуй, наиболее интересным было участие по предложению руководства ИКП в публичной дискуссии на тему «Поговорим о Горбачеве». Друзья предупредили, — интерес к теме огромен. Все так и оказалось, — зал был сверхполон.

Сначала слово дали мне. Попытался рассказать о намерениях Горбачева, о решениях, принятых партией, о сумме проблем, которые предстоит решать. Упор делал на сочетание преемственности и обновления. Перечис-

тав теперь стенограмму своего тогдашнего выступления, заметил существенную неточность, допущенную вполне сознательно. Я говорил о безусловной поддержке идей Горбачева всеми членами тогдашнего руководства КПСС. Здесь уже сказалась так называемая политкорректность, — иначе говорить было не принято, хотя тезис был безусловным преувеличением.

Затем выступила член руководства Итальянской компартии, председатель Палаты депутатов Нильда Йотти. Ее речь была подчеркнута теплой, даже сердечной. Йотти говорила: Советский Союз великая страна и ее нынешнее руководство полностью отдает себе отчет в своей ответственности. В Москве понимают всю серьезность ситуации и проявляют твердую волю к крупным изменениям внутри страны и на международной арене, к изменениям, отвечающим интересам советского народа и всего человечества. Конечно, намеченные структурные изменения в экономике и политике не смогут сразу дать всех необходимых результатов. Но уже сейчас влияние этих, предстоящих изменений ощущается повсюду, в том числе и в Италии. Зал реагировал заинтересованно, живо, эмоционально.

Размышляя вслух, Йотти остановилась на вопросе, который долгое время вызывал дискуссии между КПСС и ИКП. Итальянские товарищи всегда упирали на необходимость политического плюрализма, многопартийности. КПСС отвергала саму эту идею в принципе, ссылаясь на отсутствие у нас соответствующих традиций. Йотти попыталась найти компромисс. А может быть, — говорила она, — в СССР, где однопартийная система возникла исторически, путь состоит не в том, чтобы искусственно формировать многопартийность, а в том, чтобы создать систему более полного учета различных взглядов и настроений внутри одной партии? Интересно было, что ей тут же ортодоксально возразил другой участник дискуссии — член руководства ИКП Клаудио Петруччоли. Третий участник вечера — редактор популярного еженедельника «Эпока» Карло Роньони, занял нейтральную позицию...

А потом на меня обрушился шквал вопросов. По инициативе организаторов вопросы задавались в письменном виде. Враждебных среди них не было. Любопытства же было — хоть отбавляй. И были, особенно со стороны молодежи и ветеранов, вопросы такого рода: «А не грозит ли КПСС социал-демократизация?», «А нет ли опасности, что в СССР возродится капитализм?» Отвечал всем, постоянно подчеркивая верность КПСС идеям социализма, марксизма-ленинизма. Но при этом сказал: социализм — не хрестоматия, не канонический список рецептов для спагетти. Это научная теория, имеющая творческий характер. Это — теория, позволяющая осуществлять грандиозные социальные эксперименты. Это — теория, которая должна не только изучаться, но и развиваться. Исходя именно из этого, мы

Вадим Загладин • Продолжение должно последовать

вместе с Горбачевым и говорим: у нас должно быть не меньше социализма, а больше социализма. Аплодисменты большинства. А потом, в кулуарах, вопросы — не слишком ли я гибок в подходе к социализму? Не отступаю ли от его принципов? Желающих еще поговорить, еще задать вопросы было столько, что выйти из зала тем, кто сидел на сцене, удалось только с помощью полиции...

Было все это, повторю, в Милане 12 сентября 1986 года. А через три года, в конце октября 1989 года, в Милан приехал Горбачев собственной персоной — в ходе своего государственного визита в Италию. Что тогда творилось в этом городе! Не буду описывать происшедшее заново — об этом визите и о миланской его части было написано уже много. В том числе и самим Михаилом Сергеевичем. Но скажу: старожилы, вспоминая события тех дней, говорят — ни до, ни после ничего подобного Милан не видел.

Миланцы тогда встречали уже признанного автора перестройки, — само имя которой уже вошло во все языки мира. К ним приехал человек, возглавивший грандиозную политическую реформу в крупнейшей стране мира. Человек, добившийся, вместе с американскими партнерами, первых реальных шагов по пути ядерного разоружения. Италия, в свою очередь, стала страной, первой из зарубежных государств продемонстрировавшей признание перестройки, выразившей искреннюю признательность ее автору за изменения, принесенные в мир инициированной им политикой. Там, в Италии, люди, простые граждане и руководители страны уже составили свой ответ на вопрос: чего можно ждать от Горбачева...

Не могу в этой связи обойти один, на мой взгляд, весьма принципиальный вопрос. Тема «Что такое Горбачев и чего можно было (или нельзя было) от него ждать» остается дискуссионной и в наши дни. Как отношение к Михаилу Сергеевичу, так и ответы на этот вопрос менялись, подобно волнам — прилив, затем отлив. Легенд о нем порассказано и понаписано множество. Его пытались обвинять во всех смертных грехах — крупных и мелких, даже мельчайших. Безуспешно. Конечно, он мог ошибаться — и делал ошибки. Когда удавалось, когда хватало времени и сил — сам устранял их. Но что главное — хотел и всегда стремился без колебаний следовать принципам морали. Горбачев на практике попытался соединить политику с моралью. И, по большому счету, это ему удалось. Хотя это было (и не может не быть) чрезвычайно трудно.

Проблема эта, — соотношение морали и политики, — занимала Горбачева всегда. Я не раз слышал от него вопрос: а совместимо ли одно с другим? Впервые еще в 1985 году, когда во время подготовки его первого зарубежного визита во Францию в узком кругу обсуждался вопрос о сокращении ядерных вооружений, конкретно — о том, что можно было бы

изложить в беседе с Президентом Ф.Миттераном. Тогда Михаил Сергеевич рассуждал на тему о том, морально ли без конца затягивать дискуссии по разоружению, оставляя, тем самым, свободу гонке ядерного оружия. А потом, — потом этот вопрос возникал у него практически на каждом повороте перестроечной судьбы. И каждый раз он стремился находить решения, оправданные с моральной точки зрения.

Последний раз в годы перестройки я слышал от Горбачева этот же вопрос, — совместима ли мораль с политикой, — когда он, вернувшись из Фороса, готовился встретиться с делегацией Социалистического интернационала. Но интонация его на этот раз была скорее саркастической. «Так что же скажешь теперь, — совместима ли политика с моралью?» И сам он ответил: «Теперь я более чем когда-либо убежден — да, политика должна быть моральной. Иначе это уже не политика, а ...».

Прошло немного времени. И горький конец 1991 года, мужественное прекращение Горбачевым его полномочий Президента СССР, сделанное им при этом случае благородное заявление еще раз подтвердили: Горбачев остается верным своему жизненному принципу. Может быть, именно это и стало приметой его образа, краеугольным камнем его подвига, как одного из крупнейших политиков нашей сложнейшей, драматичной и неповторимой эпохи.

В начале этих заметок я упоминал о том, что в начальные годы перестройки не питал каких-то особых надежд на будущее. Они появились у меня лично, как я сегодня вспоминаю, скорее всего после январского Пленума ЦК КПСС 1987 года. Именно там Горбачев произнес речь, более полно, чем даже доклад на XXVII съезде партии, раскрывавшую его намерения. Тот, съездовский доклад был еще в значительной степени выдержан (по словам и выражениям) в духе «старого времени». Да к тому же принятые съездом документы — новая редакция Программы партии и резолюция по политическому докладу ЦК — чересчур заметно отличались друг от друга. Как будто их принимали разные люди. Программа слишком буквально повторяла прошлые формулы, резолюция же отличалась заметной свежестью мысли и даже слов. Но январский Пленум ЦК 1987 года проходил уже не только в ином духе, но и в ином составе. XXVII съезд внес немалые перемены в состав Центрального Комитета (как оказалось весьма скоро — далеко недостаточные). После съезда обновился состав Политбюро и секретариата (тоже, даже на тогдашний мой взгляд, недостаточно). Словом, перестройка начинала давать о себе знать как реальность.

Все это и внушало надежды. И несмотря на все трудности перестройки, на то, что ей не удалось достичь поставленных целей, эти надежды не оставляют меня и сегодня. Да, десятилетие после перестройки оказалось в значительной степени потерянными. Да, и сегодня наш путь не прост. Но, как мне

кажется, все, что пришлось пережить за истекшие годы, отнюдь не говорит об ошибочности избранного двадцать лет тому назад маршрута. Напротив. Думается, что многие вопросы сегодняшнего дня смогут найти должные ответы именно на пути его продолжения (преемственность с обновлением!).

О том, почему реформы восьмидесятых годов не дали ожидавшегося результата, уже говорилось немало. Анализировались и объективные трудности, и субъективные моменты, достижения и ошибки. Но главное, на мой лично взгляд, в полной неготовности общества и даже большинства тех, кто называл себя его авангардом, к серьезным переменам, продиктованным новым состоянием мира и страны. Эта мысль впервые возникла у меня и затем быстро утвердилась под впечатлением сперва от XIX конференции КПСС, а затем — от работы Съезда народных депутатов 1989 года. Раскол общества, растерянность страны были очевидными. Раскол не был чересчур острым, катастрофическим, — это и хорошо. Но с другой стороны, это же говорило, скорее, о том, что осознание глубины и серьезности перемен еще не проникло глубь общества. Ораторы произносили слова, термины, слишком часто не понимая, что они означают, и даже не пытались вдумываться в смысл произносимого...

В начале 1991 года, а точнее — 21 января, будучи в Париже, я должен был выступить в сенате Франции с сообщением о ситуации в СССР. Дни были горячие — события в Вильнюсе, истерические комментарии местной печати, обвинения в адрес Горбачева со всех сторон... Понимал, что какие-то заявления, разъясняющие ситуацию, со стороны Президента последуют. Но их еще не было. Что говорить? На свой страх и риск сделал заявление: все происшедшее — это не результат воли и указаний Президента, а проявление маневров, направленных против него. И — в сенат.

Настроение там — не ахти. Взгляды сумрачные. Повторил свою позицию. Вопрос (не помню, чей) — «А Вы верите в то, что говорите?». Внутренне возмутился, но ответил сдержанно. Снова вопрос: «И сколько же все это может продолжаться?». Наверное, надо было и на этот раз сказать, что-то в самом общем плане. Но прорвалось то, о чем думал: «Задуманные у нас перемены — процесс долгосрочный. Мы сами к ним еще не вполне готовы. И продолжаться этот процесс будет еще как минимум на протяжении жизни двух-трех поколений». Публика разочарована. Я продолжаю: «А сколько поколений сменилось во Франции после Великой революции прежде чем ее идеалы восторжествовали?» Молчание...

Я и сегодня верю: идеалы перестройки в конце концов восторжествуют. Ее устремления созвучны вызовам истории. Но мы и сегодня еще не вполне «дозрели». И процесс этого созревания — смена еще пары поколений. Эпохальные повороты требуют терпения...

*Что бы там ни говорили,
новое мышление основательно поработало
на мировой арене*

Новое мышление: вчера и на будущее

Анатолий Черняев

Не вдаваясь в историю и не соблазняясь полемикой, попробую пунктирно обозначить свои представления о перестройке как «эпохообразующем» явлении. Обхожу и конъюнктурные зигзаги, и личностные факторы. Не трону и извечную — в общем тривиальную — проблему несовпадения замысла и результата.

Двадцать лет... Время юности новой эпохи или мучительное умирание старой? Если эпоху мерить по критериям большой культуры как источника совершенствования человека и общества, то скорее — умирание. А что касается мировой политики как пространства и мотора для международной деятельности, то это «юность» — со всеми ее нелепостями, глупостями, претензиями, с высокомерным отношением к прошлому... Ее, понятно, отличает и появление новых правил, взаимозависимостей и т.п.

Перестройка отняла цель у мировой политики XX века. Заодно — и смысл участия в ней огромного числа государств по обе стороны конфронтации. Смысл этот предстал, в конце концов, как бессмыслица (опасная и античеловечная)... Стоило лишь одному из главных фигурантов заявить, что в такой смертельной рулетке участвовать больше не хочет и не будет.

Такова метафора того, что сделал Горбачев. Можно не признавать, клеймить, вменять в вину, клеить ярлыки. Но незабываемый исторический факт состоялся, и отменить его уже никто не в состоянии. Международная система холодной войны обрушилась. И то, что созревало под ее крышей

Черняев Анатолий Сергеевич — сотрудник Горбачев-Фонда, руководитель проекта; в годы перестройки — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС по международным вопросам, потом помощник Президента СССР, член ЦК КПСС.

и что вскоре было названо «глобализацией», прорвалось через обломки Берлинской стены на новые просторы, приобрело новую скорость и новый размах. Стремительно формируется новая международная система взамен — подчеркиваю — системы холодной войны. Весь мир вынужден приспособляться ...причем в условиях небывалой свободы выбора.

В прежней системе главным «пунктом» была угроза ядерной войны. А явление, которое тогда, увы, было далеко не главным, быстро — в «бронном движении» переходного этапа — превратилось в основание новой системы. То, что именовалось «Север–Юг», теперь обозначается как «международный терроризм и борьба с ним». Что лучше — холодная война с ее межгосударственным террористическим порядком или глобализация с нынешним терроризмом (тоже ведь — страх и ужас)? Это даже не риторический вопрос, а что-то вроде: «что было бы, если бы было то, чего не было на самом деле?»

А вот что имеет действительно реальное историческое значение для XXI века, это то, что единственная сверхдержава, которая определяет мировую политику на повороте мира к какому-то новому порядку, положила в основу своей внешней стратегии ведение именно войны против в самом деле глобальной террористической опасности.

Катастрофический результат логики холодной войны удалось предотвратить в русле цивилизованного поиска. Решение было найдено, потому что достигнутый к концу XX века, по истечении тысячелетий, уровень зрелости (и опытности международного сообщества) позволил, там где нужно, понять, что цивилизационная трансформация впредь может происходить иначе — в рамках нормального человеческого здравого смысла. Понимание это проникло даже в очень идеологизированные умы. В том числе, к счастью, овладело человеком, который получил в свое распоряжение такой рычаг реализации своих намерений, как мощное государство.

Не собираюсь подробно рассказывать о внешней политике перестройки.

Ограничусь некоторыми проблемами, к которым — исходя, прежде всего, из национальных интересов и во избежание ядерной катастрофы — не могло быть иного подхода, разумеется, ответственного подхода.

Итак:

Надо ли было прекращать гонку вооружений? Надо. И для снятия угрозы мировой войны, и для сокращения бремени ВПК, которое давило на все отрасли хозяйства, калечило экономику, снижало и так позорно низкий уровень жизни. Закостеневшие формы функционирования экономики и рычаги управлению ею уже за 30–40 лет до этого обнаруживали свою неэффективность. Страна шла в тупик.

Мало того, в самой гонке вооружений нас стали обгонять по причине нашего общего отставания. Таким образом, она теряла свое политически устрашающее значение.

Ядерное оружие. Горбачев предложил ликвидировать его к 2000 году. Не получилось. Может быть, впрочем, потому, что за 10 лет до этой даты исчез Советский Союз. Тем не менее, идея Горбачева оказалась плодотворной, востребованной и она работает.

Названные задачи нельзя было решать, не выходя на новые отношения с Америкой, ибо мировая политика определялась отношениями двух сверхдержав, а стержнем и импульсом ее была как раз гонка вооружений.

Вместе с тем это означало перемену отношений с Западом вообще, прекращение нашей самоизоляции от наиболее развитой части международного сообщества. Отсюда — открытость миру. Установка на включение страны не только в мировую экономику, но и в мировой цивилизационный процесс вообще, и не в качестве антагониста, а органичной составной части. Отсюда и интеграция в Европу. Горбачев реанимировал общеевропейский процесс на новой основе. Его идея «общеевропейского дома» — предмет нескончаемых насмешек — пустила — таки корни. Туго, нехотя, с трудом, но «процесс пошел».

Таков был ответ перестройки на стремительно растущую взаимосвязанность и взаимозависимость всех частей международного сообщества.

В противном случае мы были обречены на деградацию во всех смыслах (она, впрочем, все равно случилась, «в отложенном», правда, варианте, потому что была заложена в недрах советской системы, которой история отвела определенный срок, а срок этот давно истек).

Нормальные и по возможности добрые отношения по всем азимутам. Несомненны заслуги Горбачева здесь — и по новизне идей, и по конкретным шагам. Он первый у нас оценил роль Азиатско-Тихоокеанского региона и наметил пути сближения страны с этой великой и перспективной частью мира. Он положил начало новым отношениям не только практически со всеми западноевропейскими государствами, но и с Индией, Китаем, Японией, Индонезией и некоторыми другими странами Азии, а также Латинской Америки. Все это была политика с дальним прицелом. И начатое им востребовано и продолжает работать.

Нужно было уходить из Афганистана? Нужно. И потому, что за 6 лет обнажился полностью преступный и нелепый замысел этой интервенции. Уходить по материальным соображениям — 6 млрд. руб. в год. И главное, — по моральным причинам: жертвы и потери ничем нельзя было оправдать. Уходить нужно было и потому, что иначе никто всерьез не поверил бы и не принял нашего курса на перемены. И не возник бы один из важнейших

побудительных мотивов идти нам навстречу.

Объединение Германии. Какую иную позицию можно было занять, когда немецкий народ (и прежде всего в лице наших союзников ГДРовцев) заявил о нетерпимости далее сохранять «стену» и делить нацию по-живому? Пустить танки, повторить «1968-й год»? Это означало бы европейскую войну и крах всех намерений вывести собственную страну на путь современного прогресса.

Тормозить этот процесс, принимавший обвальный характер, шантажировать, «драть семь шкур» с немцев? Многие предлагали такое и до сих пор держатся этой точки зрения. Но в этом случае (если, конечно, не идти на вооруженный конфликт) объединение произошло бы все равно, произошло бы без нас и против нас. И мы получили бы в лице объединенной Германии не дружественную, а враждебную державу, еще более мощное, чем прежде, орудие холодной войны.

Объединение Германии (при решающей роли СССР) ликвидировало «железный занавес». Холодной войне пришел конец, — величайшее событие XX столетия, сопоставимое с победой во Второй мировой войне. И именно Горбачев внес здесь главный вклад.

Восточная Европа. В принципе ситуация такая же, что и с ГДР. Но с большой разницей в конкретике. Достаточно поставить вопрос: а нужны ли нам были послушные, принудительно удерживаемые союзники, фактически сателлиты в условиях прекращения холодной войны и конфронтации? Наверное, правильно рассуждал Горбачев, сказав однажды: «Мы им поднадоели, и они нам поднадоели. Поживем по-новому, ничего страшного».

Подразумевалось, правда, что в благодарность за свободу «друзья» вернуться к нам своим новым социалистическо-демократическим лицом. Но это оказалось заблуждением и коренилось оно, конечно, в великодержавном самомнении, в идеологической зашоренности, которые, кстати, на протяжении многих лет и десятилетий мешали нам правильно оценивать то, что происходит у наших соседей и что неизбежно произошло.

Реакция на нападение Ирака на Кувейт и война в Персидском заливе. Совместная акция международного сообщества во главе с США и СССР вместе с ООН по обузданию агрессии Хусейна явилась важным прецедентом мировой политики новой эпохи, по сути новой эры — политики сотрудничества, взаимодействия, солидарности ради общих ценностей цивилизации. Горбачев занял единственно достойную позицию. Его усилия покончить с агрессией мирным путем не увенчались успехом, но это не отменяет принципиальной правильности его поведения.

В контексте прекращения холодной войны и колоссальных трудностей на пути реформирования собственной страны потеряла смысл и имперская политика в зоне так называемого «национально-освободительного движения». Идеологический компонент ее выдохся давно, еще до Горбачева. В ЦК и в Правительстве давно понимали, что нам морочат голову, изображая из себя твердых марксистов-ленинцев, строящих социализм. Действовали мы там в сугубо стратегических соображениях и в рамках холодной войны.

Горбачев (а не Ельцин, как утвердилось в нашей пропаганде) вышел на «большую семерку» и участвовал в ее Лондонской сессии летом 1991 года.

Горбачев первый установил формальную связь с Международным Валютным Фондом и подписал с Камдессю соответствующий документ в 1991 году.

Именно Горбачев начал размывать жупел НАТО — организации, которая, как нам долго внушали и нас убеждали, вот-вот устроит нам либо «41-й год», либо «Хиросиму». При Горбачеве впервые генсек НАТО (Манфред Вернер) посетил Москву в июле 1990 года, а министр иностранных дел СССР выступал в Брюсселе на Совете НАТО.

Потом, правда, сколько было вздорной полемики и безнадёжных ультиматумов, просто комичного шантажа по поводу расширения НАТО! Хотя никто толком — ни политики, ни профессионалы-военные, ни журналисты — так и не объяснили, почему приближение НАТО, скажем, на 100 км ближе к границам создает смертельную угрозу нашей стране при наличии и у них, и у нас ракет, которые с одинаковой точностью летают на тысячи километров.

Пришли же теперь, при Путине, к тому, что с самого начала было ясно по окончании холодной войны: никакой угрозы Альянс для нас не представляет, он не носитель инициативной агрессии, с ним не только можно, но и нужно сотрудничать.

Таковы наиболее значительные моменты внешней политики Горбачева, которые инициировали коренное изменение всей ситуации на мировой арене.

С позиций подлинно национальных интересов, в контексте XXI столетия, невозможно доказать, что все это было вредно для страны, для нашего народа (а некоторые шумят и о «преступлении»). Имперским «интересам» (вернее, имперской идеологии) это действительно противоречило. Но эра империй кончилась.

«Новое мышление» Горбачева явилось в мировой истории в время и послужило, в свою очередь, толчком для преодоления рубежа, за которым

появилась (объективно впервые) возможность обустроить прогресс в более гуманном варианте, в более «человечном обличье». Политика «нового мышления» была необходима и оправдана, несмотря на все то, что произошло потом и что предотвратить было не в силах ни для какой ультравеликой личности, ни для какого ультрамогущественного и совершенного государства.

Принципы и критерии «нового мышления», которые я перечислю, могут прозвучать банально. Но повороты в истории случаются, как правило, тогда, когда банальности, т. е. здравый смысл, становятся слишком очевидными. Итак, каковы они, эти принципы и критерии, составляющие концепцию нового мышления? Она, правда, не сразу отформировалась в ходе перестройки. Это:

- отказ от конфронтации по идеологическим мотивам, поскольку любые противоречия можно преодолевать, признав наличие теперь общих ценностей у международного сообщества;
- деидеологизация внешнеполитической практики;
- диалог и переговоры, личностный контакт на высшем и высоком уровне как предпочтительный метод межгосударственного общения и международных взаимосвязей;
- отказ от применения вооруженной силы как главного средства в отстаивании национальных интересов (неизбежно эгоистических по сути);
- недопустимость вмешательства в дела других государств, за исключением случаев, когда оно международно санкционировано;
- суверенное общение и взаимодействие каждого государства с любым другим, исходя из принципа взаимной выгоды, если это не грозит безопасности третьих стран (согласно общепризнанным нормам безопасности);
- уважение самостоятельности и особенностей любого государства, признанного независимым по нормам международного права на данный момент;
- многостороннее, региональное и иное взаимодействие в соединении усилий по решению проблем, порождаемых глобализацией и общими вызовами природного и «человеческого» происхождения, будь то экологический, демографический, энергетический, ядерный, космический, продовольственный, медицинский и т.д.;
- оптимальное сочетание внешней политики с моралью, т.е. с гуманистическими нормами, которые, так или иначе, отражены во всех мировых религиях...

Может, что-то еще...

Понятно, что ничто из перечисленного не является «изобретением» Горбачева. Новизна в том, что взятые на вооружение руководством одной из сверхдержав, некоторые из названных принципов и методов вошли в обиход политической практики, дипломатии, заметно проявили себя в межгосударственных отношениях. Понятно также, что нигде и никогда в целостном виде вся их сумма не нашла применения. Однако отказ от конфронтации и замена ее диалогом создали некую «матрицу». Ею и общественность, и журналистика, частично и политические круги стали пользоваться в оценке достоинств и результативности той или иной политики, поведения того или иного деятеля. Благодаря этому, между прочим, атмосфера политических взаимоотношений между большинством стран современного мира, разительно отличается от того, что было, скажем, 20 лет назад.

Значит, порожденное Перестройкой «новое мышление», — как бы ни иронизировали по его поводу, — основательно поработало на мировой арене. И даже если его роль часто сводится к «политической корректности» — это тоже много значит в наше время, облегчает поиск взаимопонимания и приемлемых решений.

Теперь, что имеем, как быть сейчас? Применимо ли «новое мышление» к нынешней ситуации, когда упомянутый главный «пункт» новой мировой системы по сути разворачивается в третью мировую войну (многие считают, что она уже идет). Вопреки, казалось бы, очевидному ответу, я считаю, что «да». Истоки этой пока виртуальной войны — не в «третьем мире». Сам этот мир образовался по вине «первого» и почившего в бозе «второго». Глубинные предпосылки современного внеевропейского терроризма — в давнем прошлом Европы, в многовековом колониализме, а потом в столь же цинично-эгоистичных методах его ликвидации.

Не о покаянии речь, а о практических и ответственных действиях в мировой политике и экономике. Цивилизованный мир выдержит оборону, которую он сейчас воздвигает против международного терроризма. Но не опоздать бы столь же активно и с той же озабоченностью готовить наступление. А его придется отмеривать историческими масштабами и оно может быть, в конечном счете, успешным, только если руководствоваться «новым мышлением». Иначе, я считаю, у человечества вообще нет будущего.

Что за словом?

Павел Палажченко

Габриэль Гарсия Маркес назвал перевод самым внимательным способом чтения. Профессиональный переводчик, волею судьбы оказавшийся свидетелем и участником исторических событий, вольно или невольно воспринимает их и как текст, он просто обязан — или, как сейчас модно говорить, обречен — уделять слову повышенное внимание. И, может быть иногда неожиданным образом, в результате не только решает свои специальные переводческие задачи, но и приходит к собственному пониманию того, что стоит за словом, за текстом.

Для меня причастность к международным событиям 1985-1991 года, ознаменовавшим окончание холодной войны, была довольно случайной и, конечно, незапланированной — такие вещи вообще нельзя планировать, а свое участие в них тем более. В начале 1980-х годов в Министерстве иностранных дел СССР было совсем немного выпускников моей «альма матер» — московского иняза. И если бы не расширение в те годы отдела переводов МИД СССР, то, закончив в конце 1979 года пятилетний «срок» работы синхронным переводчиком в ООН (установленные ЦК КПСС правила предусматривали обязательную ротацию советских сотрудников международных организаций, заключение «пожизненных контрактов» не допускалось), я скорее всего вернулся бы в свой институт и занялся преподавательской работой, тем более что опыт такой работы у меня был.

Создание в мидовском отделе переводов резерва для работы в международных организациях и на переговорах по разоружению изменило не только мои планы. В МИД пришла довольно большая группа людей, имевших опыт работы в Нью-Йорке и Женеве, большинство из них — со специальным лингвистическим образованием. Это, надо сказать, привело

Палажченко Павел Русланович — руководитель Службы международных связей и контактов с прессой Горбачев-Фонда. В начале перестройки — сотрудник Отдела переводов МИД СССР.

к значительному улучшению качества работы отдела переводов. Наша тогдашняя «команда» не уступала никому.

Конечно, я никогда не пожалел, что моя судьба совершила такой поворот. Даже если бы впоследствии мне не выпал «счастливый билет» в Женеву, Рейкьявик, Вашингтон, на Мальту, в Хельсинки, моя мидовская работа в первой половине 80-х годов была интересной и требовательной в профессиональном отношении. И если пять лет работы в секретариате ООН сделали меня крепким профессионалом синхронного перевода, работа на переговорах по разоружению дала очень много для совершенствования навыков, если можно так выразиться, «переговорного перевода» — хотя такого термина нет, но занятие это, безусловно, существует и требует не только лингвистического умения, но и серьезной специальной и психологической подготовки, умения разбираться не только в словах, но и в людях. В этом отношении «анонимная» работа в кабине синхронного переводчика ООН намного проще.

Переговоры по разоружению велись в тот период совершенно безрезультатно, считалось, что сам факт их — уже достижение (в конце 1983 года, как известно, рухнуло и оно). Но вели эти переговоры выдающиеся профессионалы, контакты с которыми запомнились и многому меня научили. Среди наших дипломатов выделялись такие крупные и даже «культовые» в своей среде фигуры, как Ю.А. Квицинский, В.П. Карпов, О.А. Гриневский (с каждым из них я работал и всем им благодарен), среди американцев это был, безусловно, Поль Нитце — человек с огромным опытом и редкой эрудицией.

Но переговоры по разоружению — не «школа дипломатического искусства» и не курсы усовершенствования переводчиков, от них ждут чего-то реального, а с этим было очень туго. Проходили бесконечные заседания — пленарные, в рабочих группах, встречи в неформальной обстановке, коктейли и ужины (выпито было, надо сказать, очень много и, к сожалению, не без последствий для некоторых талантливых людей, не сумевших справиться с главной русской бедой), а прогресса не было. Причины этого были, конечно, политические и, стало быть, неустранимые методами дипломатии и тем более лингвистики. Чтобы сдвинуть дело с места, надо было совершить хотя бы небольшой политический прорыв — что и попытались сделать летом 1982 года Поль Нитце и Ю.А. Квицинский во время своей знаменитой «прогулки в лесу» (недалеко от местечка Сен-Серг в окрестностях Женевы).

В Москве предложенный Нитце и слегка подкорректированный Квицинским вариант отказались даже обсуждать, более того — устроили нашему дипломату что-то вроде выволочки. Конечно, психологически нашему

руководству нелегко было втягиваться в обсуждение варианта, предусматривавшего одновременную ликвидацию значительной части наших новых ракет «Пионер» (СС-20) и развертывание американских крылатых ракет (но не баллистических «Першингов»). Мне этот вариант тоже казался хуже рейгановского «нулевого варианта», но тот вообще был тогда для советского руководства абсолютной анафемой («Это для нас дырка от бублика», — сказал на одной из первых встреч делегаций Квицинский, и на перевод этой фразы американцы отреагировали с полным пониманием юмора). Так или иначе, когда через год с небольшим в Европе стали появляться «Першинги», в Москве — даже, наверное, в Генштабе — не могли не пожалеть об отказе «с порога» обсуждать ту альтернативу.

Несоизмеримый с затратами «нулевой результат» наших переговорных усилий и реально повысившаяся угроза нашей безопасности наводили на грустные мысли. Но политика — и даже ее словесное оформление — не менялись. Мы не заметили, как лозунги «разрядке нет альтернативы», «сделать разрядку необратимой», «дополнить политическую разрядку военной» стали от частого повторения и явного противоречия реальности звучать бессмысленно и даже порой гротескно. Да и само слово «разрядка», столь милое сердцу Л.И. Брежнева, было не самым удачным выбором для обозначения долгосрочной политики. В самом деле, по-русски слово «разрядка» (сначала говорили полностью — «разрядка международной напряженности», потом под влиянием французского слова *d tente* сократили) напоминает о чем-то вроде передышки между приступами напряженности, но это бы еще ничего. Хуже то, что принятый английский эквивалент (та же *d tente*) звучал для большинства американцев как иностранное — диковинное и вычурное — слово, и работая в США в конце 70-х годов, я видел, как в наступлении на эту политику ее американские противники использовали этот факт.

Наверное, это слово стало обозначением советской политики в отношении Запада не случайно, а отчасти потому, что брежневское руководство хотело чем-то заменить термин «мирное сосуществование», ассоциировавшийся с Хрущевым. И хотя он не был полностью списан в архив, его употребляли все реже, вводя в обиход «разрядку». Уверен, что можно было найти другую формулировку, и это нужно было сделать, когда стало ясно, что понятие разрядки дискредитировано на Западе, особенно в США. Но, конечно, слово не всеильно. Кстати говоря, речи Брежнева на международные темы писали люди выдающиеся, в том числе А.Е. Бовин, В.В. Загладин, Г.А. Арбатов, а министр иностранных дел А.А. Громыко, хоть и не имел таких «речевиков», иногда выдавал очень эффектные реплики. И все же, при любом словесном оформлении, советская внешняя политика до-

горбачевского периода не могла стать основой для прорыва в международных отношениях и прекращения холодной войны. Для этого нужна была готовность к ее демилитаризации и деидеологизации, а у руководства, двинувшего войска в 1968 году в Чехословакию, а в 1979-ом — в Афганистан, такой готовности быть не могло.

Периоды, подобные нашему «застою», для общества становятся временем «накопления сил», а для отдельного человека — профессионального поиска, нахождения пусть технических, но, может быть, важных для будущего решений. Мне и моим коллегам хотелось, чтобы наши переводы вырвались за пределы того суконного, тяжеловесного «госстандарта», который был характерен для публикаций на английском языке ТАСС и АПН. В англоязычной печати над этими переводами часто посмеивались, приводя совсем уж одиозные примеры. Но справедливости ради надо сказать, что порой у переводчиков не было выбора, ибо начальство строго следило за тем, чтобы переводчик «не отходил от текста». Как говорится, «шаг влево, шаг вправо...» Нередко плохое качество самого исходного текста и буквализм в переводе давали в результате взрывоопасную смесь. Чтобы избежать этого, переводчик должен хотя бы иногда проявить профессиональную, да и человеческую смелость, а она не у всех есть.

К счастью, в МИДе «госстандарт» определял такой человек, как В.М. Суходрев, который обладал непререкаемым авторитетом и к которому мы, молодые переводчики, могли иногда апеллировать. Вообще воспоминания о работе с ним относятся к самым ярким — уверен, не только у меня, но и у всех моих тогдашних коллег. Собственно, биография этого человека — доказательство того, что высокий профессионализм возможен и необходим в любое время. Не говорю уже о его обаянии и человеческих качествах — просто потому, что это не совсем «в тему».

Общее настроение в те годы, как в стране в целом, так и в МИДе — и об этом стоит напомнить, ибо многие, и особенно некоторые люди, претендующие на историческое и стратегическое мышление, об этом как-то «подзабыли» — определялось ожиданием перемен. Эти перемены должны были иметь политический характер и могли начаться только сверху. Они начались с приходом на высший пост в стране М.С. Горбачева, и автор этих строк — один из тех, кто считает, что, несмотря на все промахи и издержки, эти перемены были благотворны для нашей страны и для мира. Это было время, когда менялись и слова, и дела — и текст, и то, что за ним стоит.

Оказавшись основным переводчиком советского лидера в силу стечения обстоятельств, я стал и остался сторонником его политики. Ее внутренний и внешний аспекты взаимосвязаны, но здесь речь, разумеется, прежде всего о результатах на международной арене. В 1985 году у СССР

были плохие отношения с США и Западной Европой, наши войска увязли в тяжелой и бесперспективной войне в Афганистане, нам дорого — в прямом и переносном смысле обходилась наша вовлеченность в дела ряда стран «третьего мира», ненормальными на протяжении целых десятилетий оставались наши отношения с Китаем. Список болевых точек в наших международных отношениях этим не исчерпывался. В близкой мне сфере разоружения положение было едва ли не катастрофическим, и справедливость требовала признать, что в этом была большая доля нашей вины. Когда на переговорах о ракетах средней дальности Поль Нитце говорил: «Вы хотите иметь столько же оружия, сколько все ваши потенциальные противники вместе взятые», с этим — во всяком случае в применении к этому классу оружия — нельзя было «про себя» не согласиться.

Всего за несколько лет ситуация изменилась разительно. К началу 90-х годов мы имели нормальные отношения со всеми великими державами, в том числе и прежде всего с США и Китаем, наши войска ушли — а не убежали — из Афганистана, мы вышли из конфронтации в других странах третьего мира, находящихся за тридевять земель от наших границ, — Анголе, Камбодже, Никарагуа, начали процесс реального сокращения ядерных и обычных вооружений, переломили отношение к нашей стране в мире. Позитивным я считаю и то, что мы «отпустили» страны Восточной Европы, которые были нашими союзниками чисто номинально, на уровне слов и утративших всякое значение ритуалов.

Нужно ли об этом напоминать? Думаю, нужно. Внешняя политика Горбачева подвергается сейчас не меньшим нападкам, чем внутренняя, обросла огромным количеством негативных мифов, основанных либо на непонимании, либо на фокусах памяти, либо на элементарном вранье. Особенно критикуют Горбачева за объединение Германии, одни — за то, что он «допустил» его, другие — за то, что «не взял цену». Особенно часто стали вспоминать ему это, когда у нас поднялась истерия по поводу расширения НАТО. Тогда даже вроде бы серьезные комментаторы (в частности, Алексей Пушков в одной из своих больших статей в «Независимой газете») стали писать, что Горбачев должен был добиться «кодификации» обязательства о нерасширении НАТО. Что тут сказать? «Кодифицировать», как можно убедиться, посмотрев в словарь, можно только право, законы, а получить у любой организации обязательство о замораживании ее членского состава — это не «кодификация», а несбыточная иллюзия, во всяком случае прецедентов этому, насколько мне известно, нет. Не получилось это и у преемников Горбачева, попытавшихся было поставить вопрос о «недопустимости» вступления в НАТО бывших республик Советского Союза (имелись в виду, конечно, страны Балтии).

Случаются и совсем недобросовестные выдумки. Так в феврале 1997 года генерал КГБ, а ныне профессор Н. Леонов опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Кремлевские секреты хорошо идут под водочку». В ней он утверждал, что беседы Горбачева с иностранными политиками «не фиксировались в записях», что «о подобных переговорах в стране никто не знал» и что Горбачев, бывало, прибегал к услугам лишь «чужих переводчиков». Все это, конечно, просто вздор, и вместе с бывшим помощником президента СССР А.С. Черняевым мы отправили в «Комсомольскую правду» небольшую заметку, где ответили по всем позициям: что помощник Горбачева по международным вопросам присутствовал на всех беседах, что не было ни одного случая, когда такие беседы велись без нашего переводчика, что все беседы, в частности с американскими президентами и госсекретарями, записывались в тот же день и рассылались членам политбюро. «Комсомолка» отказала нам в публикации ответа. Слава богу, его удалось опубликовать в «Московских новостях».

Несколько иной характер имеют домыслы в статьях некоторых представителей нового поколения наших международников. Причина чаще всего — в недостаточных знаниях и чисто инерционной привычке «укусить» Горбачева. Недавно мне пришлось полемизировать с редактором международного отдела «Известий». Приведу здесь полностью свою реплику (газета ее опубликовала):

«В статье «Конкретное джентльменское соглашение» (23.11.2002) Георгий Бовт делает вывод о том, что президенты Путин и Буш договорились: Путин «расслабляется» относительно американского удара по Ираку и в обмен получает «гарантии того, что США не забудут об интересах России в Ираке». Думаю, для такого вывода недостаточно оснований. Но речь не об этом. Походя автор бросает ритуальный камешек в Горбачева: «...Буш не намеревался живописать Путину утопическую картину дружбы Америки и России на манер той, что живописали американцы, скажем, Горбачеву в период президентства Буша-отца — в «награду» за роспуск Варшавского договора, «похороны» ГДР и поддержку в первой войне с Ираком. Да и Путин — не Горбачев».

Видимо, автор проник в намерения президента США. Мне они неизвестны. Но я был на всех переговорах Горбачева и Буша-старшего и точно знаю, что никакие «утопические картины дружбы» не живописались. Да и за что нас было «наградить»? Страны, переставшие быть нашими союзниками, сами ушли из Варшавского договора, и уж тем более не мы «хоронили» ГДР, а ее граждане.

Чуть ниже автор пишет: «...Путин с Бушем-младшим играет куда в более прагматическую игру, чем Горбачев с Бушем-старшим: не надо нам никаких

глобальных альянсов и головокружительных планов российско-американского братства от Европы до Марса. Давайте договариваться конкретно».

О «глобальных альянсах» тоже речи не было и быть не могло, хотя бы потому что мы тогда еще только выходили из холодной войны и тональность разговоров была соответствующая. Не было и «планов российско-американского братства». Зато были конкретные соглашения — договор о ликвидации ракет средней дальности, полностью выполненный, и договор СНВ-1, подтвержденный президентами России и США в новом договоре о стратегических ядерных потенциалах.

Что «Путин — не Горбачев», спорить не приходится. Видимо, это намек на то, что ни президент, ни министр иностранных дел не заявляют о преемственности российской внешней политики с внешней политикой Горбачева. В действительности, однако, такая преемственность налицо. И в ориентации на включение страны в мировую экономику, и в курсе на сотрудничество с Западом, и в стремлении установить отношения доверия с лидерами ведущих государств, и в прагматической готовности не цепляться за позиции, удержание которых бессмысленно и вредно для страны».

(Добавлю по ходу, что, как подтвердилось впоследствии, оказалось полностью несостоятельным и предположение-прогноз автора известинской статьи о «джентльменском соглашении» Путина и Буша — тут он явно принимал желаемое за действительное, а журналистам это так же противопоказано, как политикам).

В последние годы и особенно месяцы президентства Горбачева моя лояльность ему только усиливалась при виде того, как люди, еще вчера «с придыханием» произносившие его имя, быстро меняли ориентиры и переходили к поношениям его и его политики. Часто за этой метаморфозой было желание вскочить на подножку поезда и оказаться в «команде победителей». И тогда, и позже многие из этих людей по-разному обосновывали свое бегство, но интересно, что среди их «претензий» к Горбачеву фигурировали и «лингвистические» или «стилистические» аргументы. И до сих пор они время от времени с удивительной для меня (но «подсознательно» вполне обоснованной) агрессивностью проезжаются по поводу особенностей южнорусского выговора Горбачева, неправильно поставленных ударений в двух-трех словах и т.п. (сказал же Набоков: «...мысли, манеры, говор где-нибудь во времени и пространстве непременно наткнутся на роковую неприязнь толпы, которую бесит именно это»). Иногда это даже приобретает совершенно абсурдную форму «комплимента» в адрес переводчика: дескать, Горбачев что-то там «несет», разобраться совершенно невозможно, но, слава богу, переводчик его спасает. Попытаюсь ответить на эти «обвинения» и «комплименты».

Действительно, речь Горбачева гладкой не назовешь. Советский руководитель, впервые за много лет заговоривший на глазах миллионов людей не по бумажке (и давший этим миллионам возможность, не боясь, говорить то, что они думают) часто оказывался в напряженных ситуациях политической борьбы, в которых он не хотел отмалчиваться и безоглядно бросался в бой. Тут было не до стилистики, не до грамматики. Да и в более спокойной обстановке он постоянно хотел объясниться с людьми, и, как это бывает в человеческом разговоре, его «мысли вслух» выглядели иногда сумбурно. Думаю все же, что это было неизмеримо лучше, чем герметическая закрытость его предшественников, чисто формальные отговорки или малосодержательная «гладкопись». И могу со всей ответственностью сказать: хотя в моем переводе его фразы приобретали грамматическую правильность и некоторую стилистическую отделку, я никогда не позволял себе ничего придумывать или редактировать содержание сказанного. К сожалению, на определенном этапе наша интеллигенция не захотела понимать Горбачева, а если бы захотела — то «несоответствие формы и содержания» не стало бы препятствием. Решала политика, а не стилистика. И западные партнеры поняли Горбачева не потому, что его речи были хорошо переведены. Если нет содержания, никакой переводчик не поможет. У Горбачева оно было.

Вообще достоинства «говорения как по писанному» часто преувеличиваются. Никак не сближая и не сопоставляя Горбачева и Гоголя, приведу все-таки (как «информацию к размышлению») цитату из воспоминаний Л.И. Арнольди о великом русском писателе: «Гоголь очень часто употреблял слово «слишком». Это была одна из особенностей его слога, часто неправильного, иногда запутанного, но в котором было зато так много крупного, сильного и мало той легкости, с которой пишутся некоторые русские фельетоны, заботящиеся не о силе слога, верности, меткости, а только о правильности языка».

Еще одной претензией к Горбачеву была его приверженность «социалистической риторике». И здесь опять уместно задать вопрос: что за словом? Политик, ставший во главе страны, на протяжении десятилетий декларирующей свою «социалистичность» (и к тому же генсек коммунистической партии), никакого выбора не имел — социалистическая риторика была единственным политически приемлемым для него словарем. Отказ от нее был бы равносителен переходу на идиш или суахили, и с таким генсеком «разобрались» бы задолго до августа 1991 года и без помощи ГКЧП. А «за текстом» был постепенный демонтаж системы, унаследованной Горбачевым и не сильно изменившейся со сталинских времен (как называть ее — для меня до сих пор не ясно; по разным причинам не совсем подходит

ни определение «социалистическая», ни «тоталитарная»). К началу 1990-х годов были убраны или размыты все основные опоры этой системы — проведены альтернативные выборы, разрешена частная собственность (сначала в виде кооперативов, а затем под лозунгами разгосударствления и приватизации), объявлена гласность, быстро переросшая в свободу слова, изменено отношение к религии и церкви, разрешен свободный выезд из страны, положен конец конфронтации практически со всем остальным миром. Причем происходила не только быстрая эволюция реальной идеологии самого Горбачева в направлении социал-демократии — был открыт простор и для гораздо более правых идейных течений (помню, как один англичанин сказал мне в 1990 году: «Ваши молодые экономисты — большие тэтчеристы, чем сама Тэтчер»).

Эти годы были для меня буквально калейдоскопическими по объему впечатлений. Работая и с Горбачевым, и с Э.А. Шеварднадзе (чью роль в прекращении холодной войны сейчас либо забывают, либо искажают — в основном по чисто конъюнктурным соображениям), я не пропустил ни одного советско-американского саммита, участвовал практически во всех переговорах на уровне министров, где в многочасовых обсуждениях отрабатывались конкретные, иногда очень сложные в техническом отношении вопросы, переводил беседы с руководителями и министрами Великобритании, Индии, Канады, Израиля, Иордании, Австралии, Филиппин, Нигерии, ЮАР и многих других стран. Все это было непросто в профессиональном отношении и иногда даже физически тяжело, но помогала мотивация — я верил, что участвую в исторически необходимом для страны и мира деле.

Горбачев и Шеварднадзе имели дело с достойными партнерами. Конечно, больше всех мне запомнились американцы. Сначала это были Рейган и Шульц — люди разные, воплощающие разные стороны американского национального характера и очень хорошо дополнявшие друг друга. Шульц, между прочим, был первым, кто предложил использовать в ходе переговоров синхронный перевод, Шеварднадзе, несмотря на сомнения некоторых из своих замов, согласился, и первый эксперимент синхронного перевода на встрече американской и советской делегаций в Хельсинки в июне 1985 года был вполне успешным, хотя наш недавно назначенный министр волновался на удивление заметно. Потом принятый тогда вариант закрепился — синхрон на переговорах в составе делегаций, а во время бесед один на один — последовательный перевод.

В сентябре того же года во время поездки Шеварднадзе в США на сессию генеральной ассамблеи ООН состоялась его встреча с президентом Рейганом. Я тоже впервые оказался рядом с этим человеком, и должен

сказать, что впечатление было довольно неожиданным: автор известных высказываний об «империи зла» был любезен, излучал гостеприимство и даже, я бы сказал, желание понравиться. Потом я убедился, что это действительно было особенностью его характера — и мне она кажется очень симпатичной. Но, конечно, Горбачев и Рейган были очень разными людьми, более разных нелегко себе представить: бывший голливудский актер, потом губернатор Калифорнии, в круге общения которого преобладали «богатые и красивые», и уроженец ставропольских степей с огромными ручищами комбайнера, прошедший все этажи советской системы. Анткоммунистические убеждения Рейгана были пусть несколько примитивными, но вполне искренними, а Горбачев поначалу был изрядно «нагружен» советскими идеологическими и политическими стереотипами. То, что эти люди нашли — хотя не сразу и не просто — общий язык и не дали себя сбить с пути сближения СССР и США, делает им честь как политикам и историческим личностям. Потому что ухабов на этом пути, подножек, срывов, по-человечески понятных промахов, недоразумений было множество.

Не все мы тогда знали, некоторые вещи представляли себе неверно или неточно. Была, конечно, и дезинформация. Может быть, она сыграла какую-то роль в том, что сложно складывались отношения Раисы Максимовны Горбачевой и Нэнси Рейган. Я не присутствовал при их личном общении, но возникло впечатление, что они поначалу не поняли друг друга. Потом, из разговоров с Джеком Мэтлоком, который тогда был помощником Рейгана, а потом стал послом в СССР, мы узнали, что Нэнси активно подталкивала Рейгана к сближению с Горбачевым и даже помогала преодолеть сопротивление тех в администрации, кто этого не хотел. Конечно, и Раиса Максимовна во всем поддерживала Михаила Сергеевича, ее роль в выходе нашей страны из изоляции трудно переоценить. Когда Горбачевы и супруги Рейган встречались впоследствии — во время визита Горбачева в США в 1990 году и после отставки, когда Рейган пригласил их на свое ранчо, контакт был теплый, человеческий.

Никто так не помог нахождению общего языка (еще раз подчеркну: в той мере, в какой это было возможно в период, когда мы только выходили из холодной войны) между высшими руководителями СССР и США, как государственный секретарь Джордж Шульц. Моя последняя встреча с ним была, если не ошибаюсь, в 1997 году. Шульц выступал на одной из конференций, в которой я участвовал. Увидев меня и руководителя отдела печати МИД в годы перестройки Г.И. Герасимова, он тут же пригласил нас на ланч, во время которого мы оживленно обсуждали перипетии тогдашних российско-американских отношений. Бывший госсекретарь высказал тогда одну интересную мысль, которая мне запомнилась. Взаимодействуя

с вами, сказал он, мы стремились доказать вам, что несмотря на все разногласия относимся к вам с уважением. Мы с Герасимовым подтвердили, что это чувствовалось. И особенно со стороны Шульца. Надо отдать должное Горбачеву и Шеварднадзе: они в полной мере оценили его позицию и человеческие качества.

Но дело было не только в «уважении». Из мемуаров самого Шульца и других участников тогдашних событий выяснилось, какие битвы шли в администрации Рейгана вокруг проблематики отношений с Советским Союзом. Не все из них Шульц выиграл. Но главный бой — вокруг договора о ликвидации ракет средней дальности — выиграли те, кто остался верен слову президента (ведь «нулевой вариант», объективно выгодный нашей стране, но отвергнутый догорбачевским руководством, был предложен Рональдом Рейганом), здравому смыслу и тому, что я назвал бы принципом международной порядочности. Когда мы приняли этот вариант, не было недостатка в желающих торпедировать подписание и ратификацию договора. Приведу лишь несколько имен: на разных этапах против него так или иначе выступали Генри Киссинджер, Brent Скоукрофт, Маргарет Тэтчер, Франсуа Миттеран. Думаю, именно настойчивость Шульца и Рейгана в продвижении этого договора убедили Горбачева в том, что определенный уровень доверия в наших отношениях достигнут, а значит — надо быстрее идти на решения по таким проблемам, как вывод наших войск из Афганистана.

В своей книге «Мои годы с Горбачевым и Шеварднадзе», вышедшей в США в 1997 году, я рассказал об эпизоде, когда я оказался «один на один» в автомобиле с Михаилом Сергеевичем, возвращавшимся в советское посольство после подписания договора о ракетах средней дальности в Белом Доме в декабре 1987 года. Горбачев был в приподнятом настроении. Не знаю, как я решился в этой обстановке спросить его (все-таки генсек по тем временам был очень высокой, почти «запредельной» фигурой): «А как все-таки с Афганистаном, Михаил Сергеевич?». — «Будем решать», — коротко ответил Горбачев. И действительно, вскоре войска были выведены — с достоинством и без «драпа», которого Горбачев, как он потом не раз говорил, обязательно хотел избежать.

К сожалению, вырванные из контекста фрагменты воспоминаний Шульца и сменившего его на посту госсекретаря Джеймса Бейкера дали некоторым нашим исследователям, в том числе довольно серьезным, например профессору А.Уткину, основания сделать вывод о том, что наши руководители слишком доверились американским партнерам, вели себя недостаточно твердо и чуть ли не сентиментально, чего никогда не допускали американцы. В общем, «потеря бдительности». На эти обвинения мне тоже уже пришлось отвечать. Как свидетель фактически всех советско-

американских встреч, могу сказать, что ничего подобного не было. Переговоры шли очень конкретно и достаточно жестко с обеих сторон, не говоря уже о том, что наша позиция на них определялась выработанными заранее директивами, утвержденными политбюро, которые Горбачев никогда не нарушал (более того, иногда, как, например, в Рейкьявике, он шел по более жесткому варианту, чтобы прощупать партнера и оставить возможность для «конкретизации прорыва» на более позднее время, «когда пыль осядет». Что и произошло).

Конечно, личные отношения, человеческое доверие между руководителями государств сыграли свою роль в прекращении холодной войны. В случае Горбачева и Дж.Буша-старшего можно говорить об укрепившейся, особенно в послепрезидентские годы, взаимной симпатии, чему я был свидетелем во время их встреч. Когда 15 сентября этого года они встретились в Москве в «Горбачев-фонде», это действительно была встреча друзей. Оба хорошо информированы (Буш, как все бывшие президенты США, получает от администрации регулярную информацию, в том числе закрытого характера), и это чувствовалось в разговоре. Но каждый воспринимает происходящее через свою призму, и, как и прежде, мнения не всегда совпадают. Мне показалось, однако, очень существенным согласие двух бывших президентов по одному пункту: сейчас, после иракских событий, самое главное — восстановить диалог и сотрудничество великих держав по ключевым проблемам международных отношений. Возможности содействовать этому у Горбачева и Буша сейчас, конечно, не те, что прежде, но они есть.

Обвинения в излишнем доверии, но уже к Горбачеву, в недостаточной жесткости на переговорах сначала имели активное хождение в новой, сменившей рейгановскую, администрации США. Конечно, новые люди, пусть даже представляющие ту же партию, всегда хотят «сделать по-другому» — по-человечески это вполне понятно. Но в результате администрация Буша затеяла «стратегическую переоценку» отношений с СССР, которая не дала ничего, кроме потери времени. Впоследствии это косвенно признал даже инициатор этого предприятия, помощник Буша по национальной безопасности Brent Scowcroft.

Это тот случай, когда за словом — в данном случае «стратегический обзор» — по сути дела ничего не стоит. Работая тогда уже в отделе США МИДа, я в наших внутренних дискуссиях отстаивал терпеливую линию в отношении американцев; как и многие (но не все) мои коллеги, я говорил, что надо дать им время и не обвинять их в затягивании переговорного процесса — правда, на пропагандистском уровне это иногда все-таки делалось. Сейчас, задним числом, ясно, что потеря темпа в наших отношениях имела негативные последствия, особенно с учетом стремительности внутренних

процессов в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Жаль, что первая встреча с Бушем на высшем уровне произошла лишь в конце 1989 года, потому что вполне возможно, что, если бы новый уровень доверия и взаимодействия наших стран был продемонстрирован раньше, это способствовало бы более постепенному, нормальному и упорядоченному развитию всех тогдашних процессов, в том числе наших внутренних. Доказать эту гипотезу, конечно, невозможно, к тому же факт остается фактом: новая администрация уже к маю 1989 года достаточно верно разобралась в ситуации, и визит госсекретаря Дж. Бейкера в Москву положил начало вполне успешному взаимодействию.

Слова и тем более лозунги — не самое главное в отношениях между государствами, но думаю, что выдвинутый тогда лозунг «от конфронтации — к сотрудничеству и партнерству» был вполне адекватным ситуации и реальным возможностям сторон. И если бы не «пошедшая вразнос» внутренняя ситуация в Советском Союзе, сделать можно было бы очень много. Готовность к этому была у обеих сторон. Фактически это означало конец холодной войны. Вряд ли можно обозначить его конкретную дату, но где-то в период между июльским 1988 года визитом Рейгана в Москву, когда, стоя у Царь-пушки в Кремле, он сказал, что не считает горбачевский Советский Союз «империей зла», и заявлениями Горбачева и Буша в 1989-1990 гг. о том, что наши страны больше не рассматривают друг друга как врага, холодная война сошла на нет, «рассосалась». Попытки приравнять окончание холодной войны и распад Советского Союза, кстати, сделанные впервые у нас — некоторыми политологами и мидовскими деятелями «раннеельцинского» периода, несостоятельны. Ясно и аргументировано их опроверг в своих работах бывший посол США в Москве Дж. Мэтлок: холодная война, говорит он, окончилась еще до распада СССР, и окончилась не как капитуляция одной из сторон, а на достойных, взаимоприемлемых условиях. То, что произошло потом, — саморазрушение и самобичевание России — уже на совести людей, любой ценой рвавшихся к власти и добившихся ее.

И, конечно, не надо забывать, что само понятие «холодной войны» — не более чем метафора. Те, кто с легкостью необыкновенной повторяет «мы проиграли третью мировую войну», просто не отдают себе отчет в том, что говорят. Условное употребление слова «война» не отменяет того факта, что, каким бы противоречивым ни был этот период, едва ли не главной его сутью были усилия по предотвращению войны, которая могла принести человечеству невиданные бедствия. И войну удалось предотвратить. В это внесли свой вклад тысячи людей, и к ним мы должны испытывать благодарность — особенно к тем, кто в моменты наибольших обострений

(например, во время кубинского ракетного кризиса, по традиции называемого у нас «карибским») настойчиво искал выход из положения, в которое по инерции «военных» подходов ставили себя СССР и США. Как мне кажется, оценка периода холодной войны — и не только вопроса о том, когда она началась и когда кончилась, но и ее содержания — это проблема, которой стоит заняться. За словом здесь стоит гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, и неправильные, демагогические оценки чреваты опасными последствиями.

Вернусь к последним двум годам существования СССР. Психологически это был трудный для меня период. Я тяжело переживал отставку Шеварднадзе. Конечно, я чувствовал, что в его отношениях с Горбачевым возникли осложнения, но я работал с ними обоими, симпатизировал и тому, и другому и искренне надеялся, что все как-то обойдется. Получилось иначе. Шеварднадзе (со второй, кстати говоря, попытки) все-таки ушел, и мои размышления по этому поводу были очень нерадостными. Через пару недель после своего заявления об отставке (а он продолжал работать еще около месяца, пока не решился окончательно вопрос о его преемнике и А.А.Бессмертных приступил к работе) Эдуард Амвросиевич принял меня в своем кабинете. Мы разговаривали около часа, и хотя я просил о встрече в основном чтобы обсудить свое будущее, он счел нужным объяснить причины своего решения уйти в отставку. После беседы я записал ее довольно подробно, и когда-нибудь обязательно опубликую эту почти дословную запись. Сейчас скажу только, что он меня не вполне убедил в правильности своего решения, и это было одной из причин, по которым я не только продолжал поддерживать Горбачева, но и принял его предложение (сделанное за несколько месяцев до того) перейти на работу в формирующийся тогда аппарат президента. Еще одной причиной моего согласия было то, что группу консультантов президента по международным вопросам должен был возглавить Анатолий Сергеевич Черняев, к которому я испытывал огромное уважение и с которым хорошо сработался во время встреч на высшем уровне. Это был новый поворот в моей биографии — как выяснилось, не последний и не надолго.

Работа в аппарате президента была очень интересной, хотя происходила она на фоне сложной ситуации 1991 года, когда внутренние события — с постоянной сменой надежд и разочарований, ударами и контрударами «под дых», по голове и ниже пояса — сменяли друг друга с головокружительной быстротой. В своей книге я рассказываю о запомнившихся мне профессиональных вехах — они связаны прежде всего с подготовкой к первому участию Горбачева в саммите «семерки» в Лондоне и с самим этим саммитом, а также со встречей Горбачев-Буш в Москве и подписанием договора СНВ-1.

Конечно, приглашение Горбачева на «семерку» было важнейшим прорывом, обозначившим поворот к интеграции нашей страны в мировую экономику. Но само его участие было не совсем удачным (хотя совсем неудачным его тоже не назовешь). Особенно это почувствовала Маргарет Тэтчер, к тому времени уже «отставленная» и пришедшая навестить Горбачева в посольство СССР, где он остановился. Я не относил себя к ее самым горячим поклонникам, но в тот день не мог не оценить проницательность и быстроту ее суждений. «Они подвели вас,» — сказала «железная леди» о членах «семерки». — «Как же они не поняли, что сейчас самое главное — по-настоящему поддержать Горбачева, пойти на крупные шаги, чтобы закрепить то, что вы начали в СССР». Мне кажется, что мысль Джорджа Буша начинала работать в этом направлении, и некоторые его высказывания во время московской встречи и посещения затем Киева об этом свидетельствуют. Но, как выяснилось через несколько недель, было уже поздно. Августовский путч, организованный людьми, полагавшими, что они спасают СССР, предопределил обвальное и, самое главное, неправовое разрушение страны.

Ни тогда, ни впоследствии у меня не было никаких подозрений в том, что Горбачев «сам стоял за путчистами». На мой взгляд, эти подозрения совершенно абсурдны. Не буду перечислять все аргументы, но об одном скажу: в то время как члены ГКЧП выдвигали сначала одну, потом другую, потом третью версию событий, Горбачев своей никогда не менял и не отказался ни от одного своего слова. Для меня достаточно уже этого.

Декабрь 1991 года был для всех нас — и в первую очередь для Михаила Сергеевича — тяжким испытанием. Он вынес его с большим достоинством, что я наблюдал тогда буквально каждый день. Последние его телефонные разговоры с руководителями государств, разговор с Джорджем Бушем в день западного Рождества и затем выступление по телевидению с последним обращением к стране (толком не выслушанным большинством людей, не понятым и должным образом не оцененным) — на шкале исторического драматизма все это будет стоять очень высоко. Наши личные проблемы и предположения о своей дальнейшей судьбе, конечно, выглядели мелко по сравнению с этой драмой, и все-таки все мы пытались проникнуть в туманную перспективу будущего и увидеть в ней себя. Но не очень получалось.

Примерно 20 декабря мне позвонил заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Авдеев. Мы, сказал он, сейчас предлагаем всем мировым сотрудникам, перешедшим в аппарат президента и оставшимся в резерве МИДа, вернуться в министерство. Но действовать надо быстро — МИД СССР доживает последние дни и скоро мы с нашими нынешними должностями распрощаемся. Если вы решите вернуться, то мы все оформим в максимально быстрые сроки.

Конечно, за такие вещи принято благодарить, и я действительно был благодарен Александру Алексеевичу. Но хотя никаких особых планов у меня не было, я сказал ему, что воспользоваться этим приглашением не могу (я никак не видел себя в антураже президента Ельцина). А через пару недель я получил в кадровых структурах Кремля трудовую книжку, в которой было сказано, по какой статье я был уволен из аппарата президента СССР (что-то вроде «в связи с прекращением существования работодателя»). Закончился большой, насыщенный событиями этап моей жизни, начинался новый, и потом я никогда не пожалел о своем решении.

Все последующие годы я работал в Горбачев-Фонде. Об этой организации и о многочисленных проектах неугомонного Михаила Сергеевича надо писать отдельно — сейчас скажу только, что забот хватало, а моя работа — международные связи Фонда и пресса — оказалась очень интересной и к тому же оставляла достаточно времени для продолжения практики синхронного переводчика. Таким образом решилась и финансовая проблема, поначалу беспокоившая меня и мою семью.

Теперь я наблюдал за российской внешней политикой и дипломатией со стороны и, конечно, я понимал, что наши преемники неизбежно захотят что-то изменить — это вполне естественно, иначе нигде не бывает. Однако быстро обозначившееся пренебрежительное отношение к достигнутому предшественниками, попытки сделать вид, что настоящая внешняя политика, настоящее сотрудничество с Западом начинаются только сейчас, когда с «империей зла» (кое-кто у нас употреблял и это подзабытое к тому времени выражение Рейгана) покончено, охаивание нового мышления и противопоставление ему национальных интересов России — все это вызывало у меня и не только у меня раздражение. И опять-таки, дело не только и не столько в словах: нежелание признавать и реализовывать на деле преемственность внешней политики перестроечного Советского Союза и независимой России привело к ошибкам и промахам и, кстати говоря, не прибавило руководителям России уважения в глазах зарубежных партнеров. На практике же преемственность во многом сохранялась, да иначе и быть не могло. Признание взаимосвязанности и взаимозависимости мира, линия на интеграцию страны в мировую политику и экономику, сотрудничество перед лицом реальных глобальных вызовов всему человечеству, курс на демократизацию международных отношений — все то, с чем связано понятие «нового мышления», не было конъюнктурной «придумкой», а отражало реальные потребности мира и нашей страны.

Опыт показал, что попытки отойти от этой линии, судорожные дергания в одну или в другую сторону до добра не доводят. То «бросок на Запад»,

клятвы в верности «западным ценностям» в ущерб отношениям с Югом и Востоком, то откат в противоположную сторону, создание нового «образа врага» в лице Запада и особенно США. Как правило, наши руководители рано или поздно возвращались в международных делах на горбачевские рельсы, даже тогда, когда фамилия бывшего президента не только не упоминалась, но была чуть ли не в «проскрипционном списке» — совсем как имя Хрущева при Брежневе. Слово — в данном случае имя — не произносилось, но на деле внешнеполитическое наследие Горбачева продолжало работать на Россию. И сегодня его позитивная инерция во многом предопределяет невозможность возврата к конфронтационному курсу. Но, как стало особенно ясно в конце 2004 года, внешняя политика сегодняшней России является сферой не менее проблемной, чем внутренняя. На ней не может не лежать печать той своеобразной «российской системы», которая сложилась у нас в стране в последнее десятилетие и которая довольно далека от нормальной демократии.

Конечно, наша система отличается от советской по формальным и некоторым существенным признакам (частная собственность, выборы). Но у нее есть особенности, которые коренятся в не преодоленном до сих пор советском и российском прошлом. Это прежде всего монополизм и безальтернативность нашей власти. Все мы помним парламентские выборы в 1999 году и те «технологии», которые использовались для того, чтобы не произошло реальной ротации власти даже внутри сформировавшейся к тому времени элиты. Передача президентских полномочий в канун 2000 года тоже имела мало общего с нормальным демократическим процессом.

События того периода закрепили сложившуюся ситуацию: усталое, озабоченное в основном собственным выживанием общество, интеллектуально слабая, деморализованная элита и возвышающийся над всем глава государства, наделенный огромными полномочиями. В такой системе не может быть реальной, эффективной дискуссии по основным проблемам внутренней и внешней политики. И даже когда президент принимает, на мой взгляд, правильные решения — как, например, решения, принятые им после 11 сентября и в период, предшествовавший американскому вторжению в Ирак — сам механизм их выработки остается закрытым, а их корректировка, хотя бы тактическая, оказывается невозможной.

То, что такая корректировка бывает необходима, доказал иракский кризис. В принципе Россия вела себя правильно. Тактически же — безупречно. Как только стало ясно, что американцам нужно не «разоружение Ирака», а «смена режима», надо было искать варианты действий в этом направлении без войны. Возможно ли это было, сейчас трудно сказать, но попробовать стоило. Довольно неприглядное зрелище представляла собой

наша пропаганда того периода, и это, безусловно, результат той системы «информационной безопасности» и «управляемых СМИ», которая была выстроена — особенно на нашем телевидении — в последние годы.

Решения по критически важным внешнеполитическим вопросам, как правило, — трудные решения, это обычно выбор не между хорошим и лучшим, а между не очень хорошим и совсем плохим. И если политическая элита и пресса вместо того, чтобы реально участвовать в поиске оптимального варианта, пытаются лишь угадать, как рассудит президент, то найти ответ ему будет не легче, а труднее.

В ближайшие годы выработка внешней политики России не станет более легким делом. Осложняющих факторов много, и, пожалуй, главный из них — особое положение США в современном мире. Для нас, выросших в большинстве своем на антиамериканских дрожжах, принять это положение как факт — нелегко. К тому же мы сами усугубляем это положение тягучими и совершенно ненужными дискуссиями на тему «Однополярность или многополярность». Опять забываем, что эти слова — не более чем условные обозначения, метафоры, которые не надо понимать буквально.

Если посмотреть, что за словом, то ситуация ясна: Соединенные Штаты Америки действительно занимают в сегодняшнем мире особое положение, у них огромные возможности, и не существует ни одной страны, которая не нуждалась бы в как можно более хороших отношениях с США. Нужны такие отношения и России. Но надо видеть и другое: США могут очень многое, но они не всесильны. И, скажем, разговоры о том, чтобы «наказать Францию», которыми совсем недавно была полна американская пресса, просто несерьезны. По большому счету США не могут «наказать» и Россию, при всех наших нынешних проблемах. И это, может быть, самый серьезный наш козырь — более важный, чем ядерное оружие (которое вообще является козырем только в руках опасных, авантюристических режимов типа северокорейского) или заинтересованность США во взаимодействии с Россией против международного терроризма.

Мы вступили в эпоху, в которой конечные национальные интересы фактически всех государств едины или однотипны. Вымучивать нечто «специфически наше», вроде «неплохо бы нам прижать X, Y или Z», не имеет смысла. А вот создание демократической системы международных отношений определенно отвечает правильно понятым интересам России, но оно, безусловно, отвечает и интересам других стран, в том числе США. И нынешняя мощь американской сверхдержавы либо будет использована в интересах этой конечной цели, либо уйдет в разные военные и идеологические авантюры, не имеющие разумной цели. И хотя путь к новой, демократической международной системе будет, скорее всего, долгим и

мучительным, вектор движения будет именно таким, ибо невозможно представить себе, как неизбежная демократизация внутренней жизни стран может сочетаться с недемократичной системой межгосударственных отношений.

Интеллектуальный потенциал России позволяет ей полноправно участвовать в поисках действительно нового мирового порядка. Последние события подсказывают, что потребуются серьезное переосмысление международного права, выработка новых механизмов безопасности, учет относительного веса государств в международной системе. Предстоящие изменения будут болезненными едва ли не для всех. В том числе для американцев, которых ждет еще много сюрпризов. Но для нас не это главное. Наша способность участвовать в создании нового мирового порядка будет зависеть прежде всего от того, сможем ли мы вырваться из тисков «российской системы», реально демократизировать наше государство и общество.

Выскажу несколько «кощунственную» мысль: демократический механизм принятия внешнеполитических решений важнее их конкретного содержания. «Процесс важнее результата». Потому что ошибочное решение, принятое в рамках устойчиво демократического механизма, будет рано или поздно скорректировано, зато правильное решение, принятое пусть даже просвещенным авторитарным правителем, может быть рано или поздно опрокинуто либо им самим (ибо человеку свойственно ошибаться), либо просто ходом событий, оставляющих государства, не способные к постоянной модернизации, на обочине. Мне кажется, что именно об этом должны постоянно думать творцы нашей внутренней и внешней политики.

ДОСПОРИТЬ С ИСТОРИЕЙ

Андрей Грачев

События, с которыми связана Перестройка, возглавленная Михаилом Сергеевичем Горбачевым, необратимо преобразовали прежнее советское общество и оказали важнейшее воздействие на развитие ситуации во всем мире в конце XX века. Этот уникальный опыт включает исторические достижения, в значительной степени обеспеченные энергией, политическим мужеством и приверженностью ее инициатора М.С.Горбачева избранным целям: демократии, верховенству закона и неприятию насилия в международных отношениях. Однако в прожитом нами всеми и немало разочарований, политических и психологических потрясений, последствия которых драматическим образом сказались на судьбах миллионов людей в бывшем Советском Союзе и во многих странах мира.

После распада Советского Союза и отставки М.С.Горбачева с поста его Президента сменился век и даже тысячелетие. Мир живет новыми проблемами, и их приходится решать следующему поколению политиков, которые годятся в дети Горбачеву. Почти все бывшие коллеги Горбачева, написав мемуары, удалились от дел, а их имена переместились из газет в исторические справочники, и только он не хочет уходить из активной политики. Создается впечатление, что Горбачев, верный девизу, который он начертал на своем щите и вынес в заголовок книги, написанной еще в 1987 году, — «Перестройка для нашей страны и для всего мира», в меру оставшихся у него времени и сил пытается во что бы то ни стало довести до конца главное дело своей жизни, начатое двадцать лет назад.

Упорная приверженность Горбачева идее перестройки — это не одержимость, не одно только естественное желание защитить свое детище и, хотя бы задним числом, доказать свою правоту, а стремление доспорить с

Грачев Андрей Серафимович —
Председатель Научного комитета
Форума мировой Политики (Турин,
Италия), журналист, политолог; в
прошлом — помощник и пресс-секретарь
Президента СССР.

Историей. И все это в условиях, когда, казалось бы, нынешняя ситуация в постсоветской России и обстановка в мире не дают, увы, поводов ни для благодушия, ни для оптимизма. В самом деле, разве о такой — сначала ельцинской, а потом путинской России, о подобном ли мире, ставшем ареной многочисленных конфликтов и уже нескольких войн, мечтали Горбачев и его соратники в первые годы перестройки, когда они прорубались через завалы тоталитарной системы и предлагали своим западным партнерам рецепты нового политического мышления?

Сегодня многие из тех, кого он увлек за собой, пеняют ему за то, что он не предупредил, что за дверьми их ждала не Земля Обетованная, а все тот же жестокий мир людских страстей, корысти, нетерпимости, национальной ограниченности и конфликтов властных интересов. Конечно, Горбачев может с чистой совестью сказать, что он надеялся на лучшее. К тому же, оказавшись у власти в Кремле, он сделал, что мог, избавив страну от несвободы, а мир — от вполне реальной угрозы ядерной войны. Большого, наверное, он сделать не мог, а кто-то другой на его месте не только вряд ли добился бы таких результатов, но и, скорее всего, к этому и не стремился бы. Но, похоже, этого ему мало. Вопросы о том, надо ли было все это затевать в 1985 году, с которым к нему периодически обращаются журналисты, для него не существует. Он убежден: нельзя было обрывать начатое.

* * *

На первый взгляд, проще других итогов своей деятельности на посту Генсека и Президента Нобелевскому лауреату мира Михаилу Горбачеву защитить свой вклад в укрепление международной безопасности. Ясно, что мир обязан ему многим: уходом советских войск из Афганистана и Восточной Европы, разрушением Берлинской стены и объединением сначала Германии, а вслед за этим и большей части Европы. И, главное, — беспрецедентным в истории поворотом от логики состязания в гонке вооружений, включая самые опасные — ядерные — к реальному разоружению: уничтожению сотен советских и американских ракет и тысяч ядерных боеголовок.

Наконец, в более широком плане — мир обязан ему не только разрушением «железного занавеса», но и устранением политического раскола мира, воссоединением мировой истории, раздвоившейся на два русла в начале XX века после русской революции. Но, как это нередко бывает и с другими человеческими заслугами, с течением времени их ценность в глазах современников стирается, как тускнеет блеск медалей ветеранов в руках их потомков.

Сегодня мало кто может себе представить, что Бранденбургские ворота в Берлине были «ничьей землей», окруженной колючей проволокой и простреливаемой из автоматов, а американских школьников инструктировали в случае советского ядерного удара по Америке прятаться под партами. Дело не в изъянах человеческой памяти и не в том, что людская признательность подчиняется мировому закону энтропии, а в том, что эйфория примирения Востока и Запада постепенно спала, уступив место новым комплексам недоверия и новому противостоянию. На смену мировой «холодной войне» пришла реальность локальных «горячих войн», актов террора и геноцида, жертвами которых стали уже миллионы людей. Казалось бы, при чем тут Горбачев — ведь он уже не несет ответственности за этот новый мир?

Увы, все в нашем бренном мире, включая добрые дела, не говоря уже о благих намерениях, имеет свою цену. Ценой, которую против своей воли уплатил Горбачев за преобразование мировой политики, стала кончина Советского Союза. Даже за рубежом оценки последствий этого события разнятся. Одни восхваляют бывшего президента, считая его заслугой то, что распад последней мировой империи произошел на удивление мирным путем, избавив ее жителей и окружающий мир от кошмара гиганской «Югославии» с ядерным оружием. Другие обвиняют Горбачева в том, что, позволив развалиться СССР, он лишил мир одной из важнейших опор, что подорвало стабильность международных отношений. Поведение на мировой арене единственной сверхдержавы, оставшейся без противовеса, подкрепляет их позицию.

Уклоняясь от похвал одних и обороняясь от нападок других, сам Горбачев продолжает и сейчас настаивать на том, что роспуск Советского Союза был исторической ошибкой, и что единое государство можно было сохранить, если бы не два путча: один, организованный в августе 1991 года КГБ и реваншистски настроенной партийной номенклатурой, второй — заговорщиками в Беловежской пуще.

Но, справедливо обличая августовских и декабрьских путчистов и напоминая об их ответственности, Горбачев не вправе забывать о своей. По прошествии почти пятнадцати лет стоит, может быть, признать очевидное: попытка реформы советского общества помогла разрушить прежний «Союз нерушимый». И если психологически трудно этим гордиться, то, по крайней мере, нет необходимости этого стесняться, ибо всякий раз, когда надо было выбирать между спасением бюрократического государства и демократическим процессом, Горбачев, пусть и не без колебаний, выбирал демократию, предпочитая свободу принуждению.

Перед этим непростым для любого государственного лидера выбором Горбачева не раз ставила не только реформа, вышедшая, а, точнее говоря, выведенная им из под контроля Политбюро, но и вся предыдущая советс-

кая, и даже российская история. Дело в том, что продлить жизнь Российской империи в XX веке, когда остальные империи взрывались и распадались на национальные обломки, большевики смогли, только превратив Советскую Россию в идеологический проект, в инструмент тотальной войны за создание особой, альтернативной цивилизации. Покоилось это Государство-Партия на своих трех китах: мессианизме коммунистического проекта, безжалостном репрессивном режиме и атмосфере «осажденной крепости», которую создавала в стране партийная пропаганда. Начав внутреннюю перестройку этой отлаженной боевой машины, Горбачев стал разбирать одну за другой ее несущие элементы.

Он не побоялся поставить под сомнение «божественное», или говоря языком Агитпропа, «научное» обоснование коммунистической доктрины. Решительно размежевался со сталинизмом и таким образом лишил номенклатуру, а значит, и самого себя инструмента государственного насилия, которым, как уздой, многие века управляли Россией ее правители. Наконец, политикой военной разрядки с Западом и началом процесса разоружения выбил из-под ног второй мировой сверхдержавы ее главную подпорку — страх, который она внушала внешнему миру.

Главное же, допустив свободные выборы, он оборвал династическое правление партийных жрецов. Из-за этого сегодняшние археологи советской цивилизации имеют все основания отнести дату реальной кончины Советского государства с декабря или августа 1991 года на март 1990, когда Съезд народных депутатов проголосовал за изменение 6 статьи Конституции, лишив КПСС бессрочной лицензии на монопольное правление страной. Был ли настолько наивен Горбачев, что не понимал, чем рискует? Конечно, нет. Просто он видел, что, если вовремя не сменить курс, и Советский Союз, и мир могут ждать две катастрофы: кровавый коллапс СССР и возможный ядерный конфликт. Если и ставить ему что-то в вину, так это избыток оптимизма.

Сегодня, оглядываясь в прошлое, можно сказать, что Горбачев явно переоценил ряд важных моментов, характеризовавших внутреннюю ситуацию в тогдашнем Советском Союзе и влиявших на обстановку в мире. Во-первых, степень демократической зрелости советского общества и особенно готовность партийной номенклатуры послушно подняться вслед за ним на эшафот подлинно демократической реформы. (В наши дни это подтверждается тем восторгом, с которым бывшая партийная бюрократия и ее молодежная поросль торопятся вернуться в привычный статус ревностной прислуги при режиме единоличной власти).

В отличие от романтично настроенного Генерального секретаря и нескольких его сподвижников, его остальное угрюмое окружение вовсе не

горело желанием придать человеческое лицо «реальному социализму», то есть, повторить двадцать лет спустя плачевный, с ее точки зрения, опыт Пражской весны. Не случайно, вновь встретившись в 1993 году, два университетских друга, Горбачев и Млынарж, познавшие к этому времени оба и горечь разочарований, и одиночество фактической ссылки (Млынарж в Австрию, а Горбачев на подмосковную дачу), задавали друг другу одни и те же вопросы. Надо ли было начинать реформу, у которой было так мало шансов на успех? Стоило ли браться за попытку реформирования (то-есть, спасения) того, что так или иначе было обречено на крах?

И хотя их объединяет схожая судьба — их замыслы оборвали советские танки, в 1968 году пришедшие в Прагу, а в 1991 — блокировавшие крымскую дачу Горбачева, на эти вопросы друзья отвечали по-разному. «Исторический оптимист» Горбачев готов был даже в путче увидеть подтверждение своей правоты: «Мои противники поняли, что политическими методами они не могут справиться с Горбачевым — им осталась только сила». Исторический «реалист» Млынарж, напоминая о том, что оба, в конечном счете, не смогли довести задуманное до конца, призывал критически проанализировать все сделанное, чтобы определить, где и в чем были допущены ошибки.

Второй иллюзией стала убежденность Горбачева в том, что, если не партийный аппарат, то большинство советского (российского) общества уже созрело для демократических перемен и радикального разрыва с десятилетиями (а точнее сказать, веками) существования в условиях фактически феодального подчинения авторитарному бюрократическому государству, и что при этом СССР располагает подлинно развитым современным экономическим потенциалом, способным перейти на саморегулирование и выжить в условиях отказа от административно-приказного управления, ликвидации военного заказа и выхода на мировой рынок под настильный огонь безжалостной конкуренции.

Это заблуждение, роковым образом отозвавшееся на политической судьбе перестройки, обернулось потерей Горбачевым и его командой их главного ресурса: массовой поддержки со стороны населения, которое, устав ждать обещанных плодов перемен, начало отворачиваться от туманного демократического проекта еще до того, как он оказался под гусеницами танков августа 1991 года.

На самом деле Горбачев оказался редкой птицей среди российских реформаторов — человеком, убежденным в том, что по-настоящему глубокие перемены достигаются не «железной рукой» и путем принуждения, а высвобождением внутренних сил самого общества. Прийти к такому выводу бывшему комсомольскому вожаку и партийному функционеру было, надо думать, непросто. Белорусская писательница Светлана Алексиевич как-то

сказала: «Типичный советский человек — Homo sovieticus — стал продуктом воздействия двух главных воплощений советского государства: тюрьмы и детского сада.» Горбачеву-реформатору выпала тяжелейшая задача — освободить своих сограждан от наследия того и другого, и, как выяснилось, распахнуть ворота тюрьмы оказалось легче, чем закрыть двери детского сада.

Но не надо забывать, что и ему самому пришлось пройти весь путь внутреннего освобождения. Во многом этому способствовало то, что по мере реализации своего проекта он открывал для себя все новые пласты проблем. Франсуа Миттеран, зачарованно следивший за «смертельным номером», который генсек ЦК КПСС выполнял без страховки под куполом советского цирка, как-то сказал своему близкому другу Ролану Дюма: «Горбачев напоминает мне человека, решившего закрасить грязное пятно на стене своего дома. Но, начав зачищать стену, увидел, что шатается один из кирпичей. Попробовав его заменить, он обрушил всю стену, а принявшись ее восстанавливать, обнаружил, что сгнил весь фундамент дома».

Интенсивная внутренняя работа происходила и в самом главном строителе, который изменялся вместе со своим проектом. Войдя в перестройку тем ставропольским секретарем, за которого имели все основания единодушно проголосовать и бывшие члены брежневского Политбюро, и будущие путчисты, он в отличие от них вышел из нее, по существу, другим человеком. «Когда я начинал перестройку, — пишет Горбачев в предисловии к своей книге диалогов с Млынаржем, — главное, что меня заботило, была политика. Я считал необходимым радикально изменить политику КПСС, которая завела страну в тупик и подталкивала мир в сторону ядерного противостояния». Может быть, Горбачев (и мы вместе с ним) заплатил даже слишком дорогую цену за то, чтобы, пройдя в поисках «гуманного социализма» весь путь, убедиться, что в конце его — роковой выбор: либо ГУЛАГ, либо путч.

В результате ему пришлось отказаться от первоначально заявленной цели. Уже не «очеловечивание» большевизма и даже не слом прежней системы, а выход из нее, преодоление, «выдавливание» коммунизма из прежнего Homo Sovieticus стали амбицией перестройки. Задача уже не столько политическая, сколько психологическая, экзистенциальная. Так перестройка из проекта назревшей политической реформы стала превращаться для Горбачева в замысел подлинной *культурной революции*. Характеризуя этот замысел сегодня, он говорит то, что не мог позволить себе сказать, будучи Генсеком и Президентом: «Чтобы принести задуманные результаты, сроки перестройки надо измерять 1-2 поколениями». Ясно, что такой график не мог удовлетворить общество, нетерпеливо ожидавшее перемен к лучшему.

Как написал в своей книге «Похвала черепахе», французский журналист Бернар Гетта, «для Горбачева, речь шла не о том, чтобы проклясть коммунизм, а чтобы из него выйти. Не вести за собой людей на костер, а избежать того, чтобы от догоравшего пламени коммунизма не занялся новый пожар». Однако в условиях, когда одни подносили хворост, а другие нетерпеливо играли со спичками, пожара в еще недостроенном здании перестройки избежать не удалось.

Наконец, еще один пример не оправдавшегося оптимизма Горбачева относится уже не к реальности собственной страны, а к поведению его западных партнеров. Они оказались не более надежными союзниками, чем его бывшие партийные соратники, предавшие его (хотя, с другой стороны, вряд ли стоило ждать от них большей лояльности). Заглядывая за спину Горбачеву и угадывая там силуэт Ельцина, лидеры «большой семерки» не сочли новые политические и финансовые вложения в перестройку и в ее лидера, ослабленного внутренними кризисами, рентабельными инвестициями. Правда, потом, потратив неизмеримо большие средства на ельцинскую Россию, некоторые из них об этом пожалели.

Сегодня, уже после своей отставки, Горбачев упрекает Запад не в том, что его лидеры в свое время недостаточно помогали ему (он знает, что не от них зависела судьба перестройки), а в том, что они не смогли разумно распорядиться тем уникальным шансом, который открывала миру его новая политика. В том, что восприняли порыв советского общества к демократии всего лишь как проявление внутренней слабости и готовность сдаться на милость победителя.

Не успев разгрести обломки Берлинской стены, западные политики, как считает Горбачев, начали сооружать новые стены и барьеры. Вместо того, чтобы направить средства, высвободившиеся от гонки вооружений на борьбу с бедностью, помощь «третьему миру» и решение экологических проблем, западный мир и, прежде всего, Америка под водительством Буша-младшего, вновь вернулись к «старым эгоизмам» и временам, когда политику определяет военно-промышленный комплекс. В результате, после долгожданного окончания «холодной войны» вместо единого гармоничного мира, о котором мечтали Горбачев и его соратники, мы получили хаос нового мирового беспорядка, где царят не новое политическое мышление и не сила права, а право сильного и насилие экстремистов.

Новая война против Ирака, начатая Америкой, вызвала у Горбачева, который в свое время поддержал Буша-отца во время первой войны в Персидском заливе, глубокую тревогу не только из-за того, что он увидел в ней фиаско дипломатии, но и тяжелейший удар по авторитету ООН. «Эта война не только не имеет оправдания, но и представляет собой серьезнейшую по-

литическую ошибку. Когда не считаются с Советом безопасности, — говорит он, — значит, не считаются с международным сообществом. Это пахнет возвращением к «холодной войне» и ее методам решения мировых проблем. Вспомните, сколько времени продолжалась «холодная война». Казалось, она никогда не кончится, но ведь мы же смогли найти из нее выход!»

Придя к выводу, что мировая политика «блуждает в потемках» и что существующие международные инструменты и структуры отстают от развития событий в мире, Горбачев в мае 2003 года выступил с инициативой создания Форума мировой политики. Его цель — «противостоять стихийности мировых процессов и адаптировать политику и ее институты к новым реальностям и вызовам современного мира». «Небольшая порция перестройки», как продолжает считать Горбачев, пойдет только на пользу «заблудившейся» мировой политике.

«В свое время я объяснял моим западным коллегам, что им тоже придется меняться. Не сделав правильных выводов из окончания «холодной войны», они совершили большую ошибку, возобновив сразу после исчезновения Советского Союза обычные геостратегические маневры. Многие решили, что, если прежняя советская система рухнула, значит — да здравствует либерализм без границ. Однако мы видим, что 10 лет либеральной глобализации не разрешили проблем бедности и отсталости, а только усугубили их. Запад показал, что на самом деле он не готов к глобальному миру», — заявил Горбачев, выступая на открытии Форума.

Сегодня ответы на новые проблемы, считает Горбачев, следует искать уже за границами традиционной дихотомии между социализмом и капитализмом.

При этом он не хочет расстаться с убеждениями и надеждами своей молодости, даже если признает, что у истоков сегодняшнего варианта его социалистической идеи стоял, скорее, Иисус, чем Карл Маркс. Разочаровавшись в упрощенном идеологическом подходе, доминировавшем в прошлом веке, он не готов записать себя в категорию всего лишь прагматичных политиков, потому что не намерен жертвовать ни идеями, ни идеалами. Как же сделать так, чтобы идеалы не застывали в идеологических формулах, которые становятся фундаментом тоталитаризма? У Горбачева есть свой ответ: человечеству нужна иная стратегия, открывающая дорогу к подлинно интегрированному обществу, к истинной глобализации. Может быть во внешнем мире, который ему удалось преобразить радикальнее и успешнее, чем собственную страну, у него найдется больше слушателей и единомышленников, чем у себя дома.

*Давно замечено: всегда найдутся люди,
готовые опровергать даже таблицу умножения,
если сочтут, что она затрагивает их интересы...*

Новое начало, казалось бы, неподъемного дела (Субъективные заметки о перестройке в России)

Георгий Остроумов

Вот уже двадцать лет в стране и мире не прекращаются острые дискуссии о смысле и значении перестройки — о беспрецедентных общественно-политических переменных, начатых во второй половине 80-х годов Михаилом Горбачевым.

Пожалуй, нет в России другого имени, которое столь дружно и шумно предавалось анафеме и «левыми», и «правыми» политическими противниками. Клеймили, брали в заложники вместе с семьей, пытались объявить «неадекватным», запугивали судилищами, тиражировали самые нелепые и изощренные вымыслы, не выпускали в зарубежные поездки. «Горбачев-отказник» — это не анекдот, а реальность ельцинских времен.

Порой горбачевскую перестройку пробуют замалчивать: «Ну что опять говорить о перестройке? Она, слава Богу, кончилась и все мы избавились от Горбачева». Но в умах новых поколений молодых людей вновь и вновь возникают проклятые вопросы: «А почему и ради чего все-таки началась перестройка?», «А что она такое в истории российского государства и

Остроумов Георгий Сергеевич — сотрудник Горбачев-Фонда, руководитель проекта «Горбачев после Кремля»; в 1989-1990 гг. — референт Генерального секретаря ЦК КПСС, в 1991 г. — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, заведующий Секретариатом Президента СССР.

общества?». Наиболее содержательные ответы, что называется из первых рук, можно найти в трудах М.С.Горбачева, в книгах таких его соратников и помощников, как В.А.Медведев, А.С.Черняев, Г.Х.Шахназаров. Но, думаю, могут оказаться небезынтересными и скромные заметки одного из неименитых участников команды, который пришел в нее по своим убеждениям, сложившимся во времена Никиты Сергеевича Хрущева.

Поколение XX съезда

В жизни людей моего поколения, чье детство и юность пришлось на военные и первые послевоенные годы, огромным событием, кроме, разумеется, начала войны и Победы, была смерть Сталина. Первый тогда вопрос у всех моих друзей и знакомых: «А как же без него?». С середины 50-х годов все чаще стало звучать новое многозначительное слово — «реабилитированные». Они довольно скупо рассказывали о жизни и смерти тысяч и тысяч «политических» в лагерях и тюрьмах. Их свидетельства проливали новый свет на события и факты, о которых по собственному опыту многое знали люди старших поколений, удерживавшие нас молодых от публичных дискуссий о том, откуда взялись и чем так опасны «безродные космополиты», как «там на самом верху» могли оказаться «врачи-убийцы», почему у нашего народа, внесшего решающий вклад в освобождение мира от фашизма, до сих пор так много недоброжелателей и врагов?

Первые авторитетные и потрясающие своей открытостью ответы на эти и другие острые вопросы мы получали, узнавая сначала из пересказов, а потом из официальных сообщений о докладе Хрущева XX съезду партии «О преодолении культа личности Сталина и его последствий». Уже позднее, размышляя над обстоятельствами сталинской кончины, о том, как тяжело заболевший всемогущий вождь на своей сверхохраняемой «ближней» даче оказался в течение многих часов совершенно один, без какой-либо медицинской помощи, о том, что к нему так долго не могла попасть даже собственная дочь, я поразился собственной мысли о том, насколько же жестоки, бесчеловечны порядки «там, на самом верху».

Когда во второй половине 50-х годов начался так называемый «хрущевский призыв», я по рекомендации моих товарищей и коллег по работе в академическом институте китаеведения, в том числе Юрия Левады, вступил в партию. Призыв в партию новых, молодых людей нужен был Хрущеву для укрепления своих позиций в борьбе с той частью высших партийных иерархов, которые противились преодолению наследия сталинского произвола.

Главных противников в Президиуме ЦК Хрущев при мощной поддержке маршала Жукова тогда вроде бы победил. Но в конечном счете те самые

люди, которых он выдвинул в руководство партии и государства, сговорившись за его спиной, «разобрались» с ним, отправив фактически под домашний арест, изолировав от страны и мира семидесятилетнего человека, вся сознательная жизнь которого проходила в постоянном общении с тысячами и миллионами людей.

Убежден, что при всех действительно крупных ошибках и тактических промахах Первого секретаря ЦК КПСС главным, чего не могло ему простить консервативное большинство партийно-государственной номенклатуры, была резкая и открытая критика преступлений Сталина, а по сути дела — сталинской системы властвования. В течение ряда лет Хрущева сознательно «подставляли», исподволь, а то и открыто дискредитировали политические противники в партаппарате, армии, госбезопасности, которые были недовольны многими его начинаниями и кадровыми решениями. В этом я не раз убеждался, встречаясь и беседуя с самыми разными людьми — от партийных и советских работников до учителей, студентов и шахтеров — во время поездок с публичными лекциями по городам и весям от Белоруссии и Украины на Западе до Красноярского и Алтайского краев на Востоке. Чиновникам от искусства и завистникам удалось перессорить Хрущева с творческой интеллигенцией. Хотя именно при Хрущеве в «Новом мире» Твардовского был впервые опубликован «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, который тогда же в газете «Правда» был выдвинут кандидатом на Ленинскую премию.

Вопреки некоторым своим противоречивым высказываниям, нередко чисто конъюнктурного характера, Н.С.Хрущев оставался убежденным противником культа Сталина и обеления его преступлений. В июле 1964 года на митинге в Москве в честь венгерской партийно-правительственной делегации во главе с Яношем Кадаром, он публично на весь мир заявил: *«Сталин стрелял по своим. По ветеранам революции. Вот за этот произвол мы его осуждаем. Напрасны потуги тех, которые хотят руководство изменить в нашей стране и взять под защиту все злоупотребления, которые совершил Сталин...»* В одной этой фразе отражена вся суть продолжавшейся «там на самом верху» борьбы за власть. «Черного кобеля не отмоешь добела», — припечатал Никита Сергеевич для полной ясности. И всего через три месяца (!) пал жертвой заговора своего собственного политического окружения при активном участии председателя КГБ при Совете Министров СССР В.Е.Семичастного.

Начавшиеся при Хрущеве процессы демократизации в партии и государстве были после его отставки приостановлены, фактически прекратилась реабилитация жертв сталинских репрессий. В СМИ была запущена кампания по дискредитации выступлений Хрущева против культа Стали-

на, сводившая суть дела к чисто личностным мотивам обиды и мести. На политической сцене разыгрывался своего рода ремейк культа личности, который в последние годы жизни Леонида Ильича являлся широкой публике в трагифарсовых формах.

В кабинете Андропова на Лубянке

Всю глубину кризиса в руководстве страны я почувствовал, когда в апреле 1982 года член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности СССР Юрий Владимирович Андропов пригласил к себе в кабинет на Лубянку небольшую группу консультантов аппарата ЦК, в которую входил и я. Мы работали над материалами к докладу об очередной годовщине со дня рождения Ленина, выступить с докладом было поручено Андропову. Это, как мы полагали, было проявлением особого расположения к нему со стороны Леонида Ильича¹.

На дачу, где мы трудились, наезжал помощник председателя КГБ Виктор Шарапов. Беседы с ним помогали лучше понять замысел и стиль заказчика. Правда, заключительная часть доклада сочинялась без консультации с Шараповым, над ней во всю постарались товарищи из Отдела пропаганды.

На Лубянке я оказался в первый и, надеюсь, в последний раз. В приемной председателя не заметил какого-либо особого лоска. Быстро, но бесшумно входили и выходили, как мне показалось, ничем не приметные люди, может быть, лишь чуть более собранные и озабоченные, чем тысячи прохожих, спешащих по улицам Москвы. Юрий Владимирович выглядел осунувшимся, вероятно ему нездоровилось, но встретил нас приветливо и сразу расположил к себе шутливым вопросом: «Ну, что вы сами-то думаете о том, что насочиняли?». Затем уже вполне серьезно и неожиданно для нас весьма резко раскритиковал заключительную часть доклада, где содержались, в общем-то, ритуальные хвалы Леониду Ильичу и «ленинскому Центральному Комитету». В итоге Андропов определенно высказался в том смысле, что «образцом творческой работы для всех» называть ни Леонида Ильича, ни ЦК КПСС нельзя, поскольку реальное положение дел и вся обстановка не дают для этого никаких оснований. Поэтому надо от всех хвалебных оценок решительно уйти. Говорил это, выбирая и взвешивая слова, чувствовалось, что сказал минимум того, что мог бы сказать. Впечатление от той встречи осталось навсегда. Наиболее осведомленный и в силу профессии самый закрытый человек в стране откровенно, доверительно говорил с нами, по сути дела, о ненормальности и неприемлемости того, что происходит «там, на самом верху».

Через семь месяцев, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Андропов начал далеко идущую работу по оздоровлению положения в партийных и государственных верхах. Но развернуть ее не успел. Многие ждали тогда, что начатое дело продолжит Горбачев, которого, как мы знали, Андропов ценил и продвигал. Но Горбачева, вопреки ожиданиям, «придержала» старая брежневская гвардия, часть которой андроповские начинания задели и напугали. Возглавивший ее тяжело больной Константин Устинович Черненко был известен своими совершенно правильными призывами «внимательно работать с письмами и заявлениями граждан», что, однако, само по себе абсолютно ничего не меняло, сводилось к чисто бюрократической канители. Терялось драгоценное время.

Горбачев, как и Хрущев, пришел весной

Весна 1985 года, принеся перемены в верховной власти, вспоминается и сегодня как светлое время новых надежд на обновление жизни в стране. В самом деле, рассуждал я тогда, как полагаю и сейчас, в кои-то веки в России, — а Советский Союз и был Большой Россией — на вершину власти, наконец, пришел нормальный, хорошо образованный, полный сил человек из трудовой крестьянской семьи, пришел не в результате кровавых переворотов и дворцовых заговоров, но, в общем-то, хорошо известным и понятным народу путем.

Как и Хрущева, Горбачева десятилетиями формировала и выдвигала наверх жесткая монополярная партийно-государственная система. И тот, и другой служили ей верой и правдой, разумеется, сообразно своему времени. Но и тот, и другой, отнюдь не случайно оказавшись на вершине этой системы, сумели понять необходимость ее основательного изменения и преодоления. В чем причина такой, казалось бы, удивительной метаморфозы? Только очень уж недалекие, сильно замороченные умы или готовые на все политические противники дают на это свой простой ответ — «изменник», «вероотступник», «предатель», «иностранный агент» и т.п. Но зачем становиться изменником тому, кто достиг наивысшей власти? И как бы люди с такими задатками могли оказаться «там, на самом верху» помимо особой, заложенной еще при Сталине многоканальной системе отбора и спецпроверок руководящих кадров?

На мой взгляд, ответ совсем в другом. И Хрущев, и Горбачев, как ни пафосно это звучит, в самом деле — плоть от плоти народа со всеми его достоинствами и слабостями. В каждом по-своему, глубоко и ярко воплотился мощный народный характер и неистребимо свойственное ему стремление к справедливости. Думаю, ни номенклатурные этажи и перегородки, ни

железобетонные идеологические догмы, ни славословия льстецов не смогли замутить природный здравый смысл, заслонить изначальную близость и Хрущева, и Горбачева к реальной жизни «простых людей». Это и помогло одному подняться до освободительных идей XX съезда партии, а другому, за которым не было груза причастности к репрессиям сталинских времен, — эти идеи возродить и, развивая их, начать, казалось бы, неподъемное в России дело — основательное демократическое обновление государства и общества.

Горбачев, конечно, хорошо знал, на что посягал Первый секретарь ЦК КПСС на XX съезде и то, как с ним в итоге расправились. Но новый генсек в полной мере ощущал острую потребность страны и мира в переменах, обновлении. Он хорошо знал, что такое общественно-политический застой, как он губителен для развития страны. И он решился.

За призывами учиться демократии, которые поначалу воспринимались как давно привычное чисто ритуальное словоговорение, неожиданно для многих впервые последовали невиданные реальные перемены — гласность, ослабление, а затем и отмена цензуры, освещение в печати ранее запретных тем, положения в «закрытых зонах». Стали широко издаваться недоступные доселе для советского читателя художественные, исторические, философские произведения российских и иностранных авторов. Кстати сказать, именно в эти годы впервые была опубликована столь известная теперь сатирическая повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце», написанная еще в середине двадцатых годов.

Возобновилась прерванная при Брежневе реабилитация жертв сталинских политических репрессий. Начали освобождать политических заключенных уже послесталинских лет. Существенно расширились права предприятий и трудовых коллективов, распространялись институты подряда, аренды, активизировались старые и вновь появившиеся кооперативы. В партийную, государственную практику стали входить альтернативные выборы.

Горбачев, часто выступая в самых разных аудиториях, свободно общаясь с людьми, *разговаривал народ*. На страницах газет, журналов, на публике, а не на кухнях, как прежде, начались неслыханные ранее дискуссии о прошлом и настоящем страны, о красных и белых вождях, открыто стало проявляться инакомыслие. Пробивал себе дорогу идеологический и политический плюрализм. И это уже нравилось далеко не всем.

«Его ждет судьба Хрущева»

Весной 1988 года с появлением в «Советской России» статьи Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами» стало очевидным, что консервативная часть номенклатуры поднимается на открытую борьбу против горбачевской перестройки.

Помню, как хвалили эту статью в советском посольстве в Чехословакии, а затем, естественно, и среди сотрудников Василя Биляка. Статью, ставшую манифестом антиперестроечных сил, перепечатали в «Нойес Дойчланд» по указанию Хонеккера. Было ясно, что за Ниной Андреевой стоят весьма влиятельные люди «там на самом верху». «Его ждет судьба Хрущева» — так начали поговаривать даже среди сторонников генсека в аппарате ЦК КПСС. Я не исключал такого исхода, но считал, что Горбачев сумеет его избежать, поскольку сравнения с участием Хрущева возникают все чаще и он не может этого не знать и не понимать.

В начале 1989 года Михаил Сергеевич неожиданно пригласил меня к себе и сразу предложил поработать с ним в качестве референта генсека. Незадолго до этого начатая мною работа в должности заместителя заведующего Международным отделом ЦК позволяла мне заниматься рядом вопросов, которые были мне хорошо знакомы и интересны. Однако я согласился с предложением Горбачева. От возможности поработать с ним в такое горячее время я отказаться не мог, тем более, что в аппарате Горбачева трудилось несколько давно знакомых мне товарищей — специалистов высшего класса, отношения с которыми отличались взаимным доверием.

Времена все горячее. Секретари ЦК в кабинете референта генсека

А времена становились все горячее. Горбачеву все чаще приходилось сталкиваться со все более острым давлением левых и правых на возглавляемую им реформаторскую часть руководства партии и страны, да и в самом руководстве шло размежевание. И консервативное крыло КПСС, и радикальные демократы начинали действовать по принципу: «чем хуже — тем лучше». В собственных политических целях те и другие использовали углубившиеся объективные трудности в экономическом положении страны. И те, и другие нещадно эксплуатировали и без того достаточно сложный национальный и, прежде всего, русский вопрос.

Горбачев между тем, скорее, не столько защищался, сколько наступал. Вместо сталинской модели социализма он выстраивает демократическую политическую систему со свободными, альтернативными выборами,

разделением властей, реальным парламентаризмом, идеологическим и политическим плюрализмом, признанием приоритета прав человека, соревнованием различных форм собственности. Власть, монопольно принадлежавшая КПСС, переходила к Советам народных депутатов. Страна шаг за шагом открывалась миру, утверждалась неслыханная с дореволюционных времен свобода выезда и возвращения граждан в свое Отечество.

На конференции коммунистов России в июне 1990 года генсек, прямо и твердо отвергая призывы к покаянию партии, заявил, что КПСС без всяких оговорок, недомолвок и компромиссов отвергает идеологию и практику сталинизма, растоптавшего духовные и нравственные идеалы социализма. Поддержки общества в реализации социалистических ценностей партия будет добиваться убеждением, политической работой в массах, участием в парламентской дискуссии, деятельностью в рамках Конституции и законности.

Эти принципиальные выводы Горбачева, как и закреплявшие их решения XXVIII съезда партии стали результатом начатых после XX съезда долголетних поисков ответов на давно назревшие и перезревшие в стране общественно-политические проблемы нового времени.

Формально соглашаясь с решениями съезда, которые подтверждали отказ КПСС от монополии на власть, большая часть партийных функционеров, особенно высшего и среднего — областного и городского звена, не была готова к их восприятию. Достаточно сказать, что, по опросам участников XXVIII съезда, 85% из них считали, что частный сектор экономики допустим лишь в небольшом объеме, либо его вообще не должно быть. Треть опрошенных была против развития кооперативного движения в стране.

Однажды в мой скромный кабинет вдруг пожаловала целая делегация секретарей ЦК КПСС (человека три-четыре) во главе с Олегом Дмитриевичем Баклановым. Я едва смог рассадить всех. Разговор, начатый Баклановым, сводился к одному — необходимо повлиять на Михаила Сергеевича с тем, чтобы он не останавливался перед самыми решительными, чрезвычайными мерами по наведению порядка и обузданию так называемых демократов, ибо они рвутся к власти любой ценой, а захватив ее, никого не пощадят и прежде всего самого Михаила Сергеевича.

Я сказал, что «влиять» на Горбачева не считаю возможным. Вот он на меня, сказал я им, влиять может. С тем и расстались. Контакты с этими товарищами стали довольно прохладными. Думаю, заходили они не только ко мне...

Руцкой предлагает помирить Горбачева и Ельцина

Весной 1991 года по инициативе депутатов из фракции «Коммунисты России» было принято решение о созыве чрезвычайного съезда народных депутатов РСФСР, где они рассчитывали добиться отставки Ельцина с поста Председателя. Упреждая такой ход событий, «ДемРоссия» решила накануне открытия съезда провести в Москве грандиозный массовый митинг. О накале страстей говорила и поступившая Президенту СССР информация о том, что участники демонстрации готовятся осадить Кремль, штурмовать его ворота и даже стены, для чего заготавливаются веревочные лестницы с крючьями и т.п. Моссовет вопреки Указу Президента и постановлению Верховного Совета СССР о проведении митингов за пределами исторического центра Москвы подтвердил свое разрешение на созыв митинга на Манежной площади. Для предотвращения массовых беспорядков в центре города были введены дополнительные подразделения МВД с водометами, установлено оцепление вокруг Кремля, усилен пропускной режим.

На Старую площадь 27 марта явилась группа депутатов от «ДемРоссии» и потребовала встречи с Горбачевым. Он был занят неотложными делами и их направили ко мне. Депутация, в которой были близкие к Ельцину люди, была встревожена появлением в Москве подразделений МВД, заверяла в мирных намерениях организаторов митинга и категорически опровергала версию о подготовке к штурму Кремля, заявляя, что это — чисто провокационный слух. Со своей стороны, я убеждал, что Горбачев отнюдь не заинтересован в каком-либо обострении ситуации и поэтому главное сейчас — всем соблюдать сдержанность, правопорядок и тем самым исключить любые провокации.

В это время позвонил Михаил Сергеевич и, услышав о беспокойстве депутатов, просил передать им, что если не будет нарушения правопорядка, то никому опасаться не надо.

Митинги на площади Маяковского и Пушкинской были бурными, но обошлось без эксцессов. Меры милицейского усиления были сняты, водометы и дополнительные силы МВД выведены из города. Но, как говорится, «осадак остался».

В первый же день работы съезда Александр Руцкой, разыскивая по телефонам Горбачева, позвонил мне на Старую площадь. В приподнятом настроении он приглашал Горбачева на российский съезд — «мы его очень хорошо и тепло встретим, хватит их — Горбачева и Ельцина — сталкивать и ссорить, пусть Михаил Сергеевич приезжает к нам, и все пойдет путем!».

Горбачев, который вел Совет Безопасности в Кремле, узнав о предложении Руцкого, попросил меня срочно приехать и подробно рассказать об

этом. Помню, Крючков и Павлов отнеслись к этому предложению весьма скептически, считая его то ли несерьезным, то ли уловкой, рассчитанной на завоевание дополнительных очков в пользу Ельцина. В итоге Горбачев решил на российский съезд не ехать...

Замысел «Коммунистов России» отправить Ельцина в отставку не удался. Но и Ельцин, еще в феврале громогласно требовавший немедленной отставки Президента СССР, выступил на съезде уже совсем в ином ключе — говорил о диалоге и сотрудничестве с Центром, о заключении нового Союзного договора. Появился шанс на взаимопонимание и сближение с демократами. Горбачев умело использовал этот шанс, начав подготовку к новоогаревскому процессу, который строился на взаимопонимании и сотрудничестве Президента СССР с главами девяти союзных республик.

«Смоленский заговор»

В апреле 1991 года из редакции «Правды» мне принесли письмо с пометкой «срочно», с примечанием «в руки Горбачеву или помощнику». Внештатный корреспондент газеты сообщал о том, что во время встречи в Смоленске секретарей горкомов ряда крупных городов России, Украины и Белоруссии, формально посвященной обмену опытом подготовки к 50-летию начала Великой Отечественной войны, на самом деле речь шла совсем о другом. Первые и вторые секретари горкомов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Бреста, Керчи, Мурманска, Новороссийска, Одессы, Севастополя, Тулы без огласки договаривались об устранении с поста генсека Горбачева. Особо заметную активность в этом проявлял член Политбюро, первый секретарь Московского горкома КПСС Юрий Прокофьев.

В этих целях уславливались на предстоящем апрельском Пленуме ЦК провести решение о срочном созыве чрезвычайного съезда партии. Собственно, то, что секретари горкомов собирались вместе для обсуждения волнующих их вопросов, не было ничего необычного, но когда это происходило, по сути дела, тайно, за спиной Политбюро и генсека, то не могло не вызывать тревожных вопросов.

Горбачев в те дни находился с визитом в Японии, где вел сложные переговоры с премьером Кайфу о возможности привлечения крупных японских инвестиций в Сибирь и на Дальний Восток. На «партийном хозяйстве» оставался Олег Шенин. Я поделился с ним полученной информацией и просил при первой же возможности срочно передать ее генсеку. Шенин, как бы успокаивая меня, пробормотал нечто невнятное — вроде того, что это «все Юра Прокофьев» и ничего, мол, особенного здесь нет.

По возвращении Горбачева я сразу рассказал ему о «смоленском заговоре», тем более что оставалось всего несколько дней до апрельского Пленума ЦК, где как раз и могла разыгаться крупная баталия. Но Горбачева уже остро занимала предстоящая встреча с руководителями девяти союзных республик, где намечались важные компромиссные решения.

Однако на Пленуме развернулась нешуточная драма. Разносные выступления Мельникова, Гуренко, Малофеева и других, смысл которых сводился к одному — срочно необходимы чрезвычайные меры, настолько «достали» Горбачева, что он заявил о немедленном уходе в отставку с поста генсека. Такого поворота событий никто не ожидал. В объявленный перерыв срочно собравшемуся Политбюро едва удалось убедить его не возражать против предложения снять с обсуждения вопрос об отставке. Сторонники Горбачева, в том числе Н.А.Назарбаев, дали основательный отпор абсолютно деструктивным нападкам на генсека. Смешать планы заговорщиков и спасти положение удалось в значительной мере, благодаря достигнутому накануне пленума важным договоренностям Президента СССР с руководителями союзных республик о мерах по преодолению политического и экономического кризиса и продвижению к новому Союзному договору.

Главные заговорщики на апрельском Пленуме не засветились. Они временно затаились, похоже решив действовать совсем другими методами².

Коммунисты проигрывают Россию Ельцину

В мае-июне 1991 года по поручению генсека я регулярно связывался с руководителями обкомов РКП, интересуясь их оценками хода предвыборной борьбы и возможного исхода выборов Президента РСФСР. В большинстве случаев ответы сходились в одном — всех коммунистов (а среди них были Н.И.Рыжков, В.В.Бакатин) обходит Ельцин. Реальную конкуренцию ему мог бы составить, по мнению собеседников, Анатолий Лукьянов, но он среди кандидатов не значился.

Ельцин же, выступая перед избирателями, обещал всем столько суверенитета, сколько каждый сможет проглотить, обещал заметное повышение уровня жизни уже через пару лет за счет освобождения от иждивенцев, которых Россия кормит... В итоге ему поверили, он получил большинство голосов и стал Президентом РСФСР. Как бы ни отреклись многие потом от итогов этих выборов, они стали тогда реальным выражением настроений российских избирателей. А поддержанные КПСС кандидаты на пост Президента России проиграли во всех крупных городах, то есть там, где имеется наибольшая концентрация рабочего класса и интеллигенции.

Это был провал ползковской РКП и тех в Политбюро, кто ее направлял и поддерживал. Единственно правильный вывод, который мог сделать Горбачев из результатов выборов, был такой — раз Президентом РСФСР избран Борис Ельцин, я как Президент СССР буду с ним сотрудничать.

Танки как аргумент политической слабости

Июльский пленум ЦК, в отличие от апрельского, прошел довольно спокойно, хотя обсуждавшийся на нем проект новой программы партии по сути дела превращал ее уже в другую — социал-демократическую партию.

Страсти, бушевавшие на самом вершине, вроде бы улеглись, казалось наступило время компромиссов. 4 августа Горбачев, отправляясь в отпуск, где собирался готовиться к назначенному на 20 августа подписанию нового Союзного договора, подбадривая в аэропорту провожавших и самого себя, говорил, что теперь, когда, наконец, согласованы антикризисная программа, текст Союзного договора и проект новой программы партии, всем можно уверенно, широким фронтом работать по этим основным направлениям.

Проводив шефа, оставшаяся на хозяйстве верхушка высших государственных и партийных чинов пошла совсем в другом направлении — начала оперативную подготовку к практическому введению чрезвычайного положения. Горбачев был убежден, что введение чрезвычайного положения в стране означало бы на деле отступление к доперестроечным порядкам, к административно-командной системе, перечеркиванию всех начинаний перестройки. Поэтому он отвергал настойчивые советы и требования о ЧП, с которыми неоднократно обращались к нему многие, в том числе премьер Павлов, предлагавший наделить чрезвычайными полномочиями главу правительства.

Ультиматум гэкачепистов, предъявленный Горбачеву 18 августа в Форосе, был грубой и, на мой взгляд, заранее обреченной на провал попыткой вынудить его согласиться на введение ЧП теперь уже путем силового давления и шантажа. Президент СССР был оставлен без связи, изолирован от внешнего мира, то есть фактически лишен власти. Взяв под свой колпак Горбачева и его семью, заговорщики, широко объявили о его неспособности из-за тяжелой болезни выполнять обязанности Президента СССР, что обещали подтвердить медицинскими документами. Нетрудно догадаться, каким образом это могли бы сделать «компетентные органы», освобождавшиеся в условиях ЧП от какого-либо контроля. Эту угрозу, пожалуй, первой наиболее остро почувствовала супруга Президента, что оказалось роковым для ее здоровья и всей оставшейся жизни. Горбачев

на шантаж не поддался и отказался от любого содействия заговорщикам. Аргументы силового давления на Президента СССР не сработали. Думаю, это был первый и во многом решающий удар по заговору.

Свою силу и непреклонность ГКЧП решил продемонстрировать, выведя ранним утром 19 августа на улицы и площади Москвы сотни танков, БМП, бронетранспортеров, полки десантников. До сих пор нередко задают вопросы: почему и зачем они это сделали? Очевидно, они решили опереться на авторитет этой военной мощи прежде всего потому, что не были уверены в собственном политическом весе. ГКЧП по сути дела обратился к известному со времен «пражской весны» методу, согласно которому танки на улицах — самый сильный политический аргумент.

В Праге августа 1968 года это на какое-то время сработало и, к счастью, обошлось без большой крови, хотя по собственному опыту общения в те дни с пражанами и нашими танкистами знаю, что все могло бы повернуться совсем иначе. Видимость успеха в Чехословакии позволила Брежневу и некоторым военачальникам считать этот метод политически действенным. Как рассказывал мне советский посол в Румынии, министр обороны Гречко сожалел, что Москва не решилась одновременно с Чехословакией «нормализовать» и Румынию. «Нормализовали бы в два счета в белых перчатках и никто бы пикнуть не успел», — будто бы сказал маршал.

Соблазн использовать в политических целях бронетанковые силы в Афганистане обернулся известно чем. Горбачеву с большим трудом и далеко не сразу удалось вернуть советские войска домой. И вот, спустя всего два с половиной года, ГКЧП решает ввести сотни танков в Москву. Похоже, на более убедительные аргументы и не очень-то рассчитывали. Заявлениям членов ГКЧП мало кто поверил, во всяком случае сколько-нибудь заметной массовой поддержки ГКЧП ни в Москве, ни в Питере, ни в других городах не получил. Не смогли обеспечить даже видимость поддержки со стороны «широких масс». И это при том, что в обкомах партии, как выяснилось позднее, получали из Центра секретные указания о необходимости поддержать ГКЧП.

Весьма примечательно, что аналитики КГБ, говорят, предсказывали подобную реакцию. Но наши начальники обычно верят тем прогнозам, которые не противоречат их желаниям. Среди армейских генералов и офицеров, да и в КГБ и МВД оказалось немало тех, кто осознавал авантюристичность планов и действий заговорщиков, чреватых кровопролитием и непредсказуемыми последствиями. Массовый протест и первые жертвы в Москве, отказ Ельцина подчиниться ГКЧП и сотрудничать с ним, на что, судя по всему, был какой-то расчет, отсутствие реальной поддержки в Санкт-Петербурге, все это отрезвило руководство Министерства обороны, заговор-

щики заколебались, перессорились и в итоге потерпели закономерный провал.

Путч сорвал согласованную перспективу обновления Союза и эволюционного продолжения реформ, нанес тяжелейший удар по перестройке. Но в то же время стало очевидным, что перестройка породила необратимые глубокие перемены в общественном, политическом сознании. Массы людей стали ощущать и вести себя как граждане. Несмотря на все трудности перестроечных лет, граждане России в своем большинстве не приняли предлагающуюся путчистами возможность вернуться в доперестроечное прошлое.

Августовская революция или контрпереворот?

22 августа Горбачев, вернувшийся ночью из Фороса, встречался с членами Совета Безопасности и советниками Президента в Кремле. В это время на Старой площади у здания ЦК собралась толпа, в которой было немало людей явно возбужденных алкоголем. Раздавались угрожающие крики: «Долой!», «Выходите!», «Убирайтесь!» и т.п. Кто-то пытался сбить крупные рельефные буквы «ЦК КПСС» над главным подъездом. Особенно яростно бушевала толпа у подъезда с вывеской «МГК КПСС». Собравшиеся старались пробиться внутрь, дело явно шло к погромному штурму. Из окна моего кабинета все это было хорошо видно. Гул, стоявший в толпе, волнами долетал через стекло. Как раз в это время мне позвонил Юрий Афанасьев, его интересовало — подписал ли Михаил Сергеевич указ о передаче здания Академии общественных наук при ЦК КПСС гуманитарному университету, организованному на базе Историко-архивного института. Я обратил внимание Юрия Николаевича на то, что назревает погром у здания ЦК, и заметил, что вряд ли это украсит праздник демократии, о котором уже вовсю говорили демократы по всем раскрепостившимся радиостанциям. Юрий Николаевич ответил, что «Демократическая Россия» не имеет никакого отношения к тому, что происходит на Старой площади, и там имеет место стихийное проявление возмущения народа.

Между тем, прямо перед моим окном остановился еще один специальный автобус с очередной группой «стихийных» протестантов; они раз-вертывали заранее заготовленные транспаранты, на которых вполне профессионально были выведены лозунги «Долой КПСС!», «К ответу!» и т.п. Толпа все росла и достигала критической массы. Попытки связаться с Горбачевым не удались, в Кремль дозвонился только до Георгия Шахназарова, а затем позвонил Руцкому. Поскольку он отсутствовал, просил его помощника немедленно передать, что, если начнется штурм, я выйду

к погромщикам, которые уже разъярились не на шутку, и, когда они меня затопчут, это будет уже не тот праздник демократии, о котором шумят по радио. Совсем не уверен, что эти мои звонки на кого-то подействовали, но факт в том, что вскоре у здания ЦК появился один из лидеров демократов и по его призыву толпа начала перетекать в сторону площади Дзержинского, где попыталась сбросить с пьедестала памятник «железному Феликсу» и намеревалась штурмовать здание КГБ. Где-то через час поступила информация со ссылкой на Горбачева о том, что здания ЦК в целях сохранения имущества и документов берутся под охрану, входы и выходы опечатываются, а сотрудникам предлагается покинуть рабочие помещения.

Заглянув в кабинет Александра Дзасохова, увидел там Петра Лучинского и других членов Политбюро и секретарей ЦК, не причастных, насколько я знаю, к сотрудничеству с ГКЧП. Настроение у всех было подавленное. Вновь и вновь пытались куда-то дозвониться — в Кремль, в Моссовет, в Прокуратуру, домой... И никому не приходило в голову, что политический штаб мощной партии, которая три четверти века управляла огромной страной, мог бы рассчитывать на поддержку и защиту тысяч партийных организаций и сотен тысяч коммунистов в одной только Москве. Но не было политического штаба мощной партии. ЦК и его аппарат давно уже — со сталинских времен — стал профессионально отлаженной, высококвалифицированной, но бюрократизированной партийно-государственной управленческой структурой. Даже радикальные демократические начинания Горбачева не успели ее существенно изменить. В этой структуре неизбежно отражались, ослабляя ее, глубокие противоречия, накопившиеся за многие годы во всем советском государственном и общественном организме...

Между тем, группа молодых ребят из боевого кольца, защищавшего Белый дом, с трудом, как мне рассказывали, спасла от остававшейся у подъезда московского горкома разъяренной полупьяной толпы члена Политбюро, секретаря Московского горкома КПСС Юрия Прокофьева, того самого, который всего за четыре месяца до путча выступал за отстранение Горбачева с поста генсека и, говорят, был не прочь занять его место.

Одни участники путча оказались в Матросской тишине, другие исчезли и сидели где-то тихо-тихо. Заговор и его последствия стали роковыми для системы. Высшую меру мужества, достоинства и совести проявили два человека — маршал Сергей Федорович Ахромеев и министр Борис Карлович Пуго, сами вынесшие себе непоправимо тяжелый беспощадный приговор.

Между тем, несмотря на возвращение в Кремль Президента СССР, в союзных министерствах и ведомствах, в финансовых и банковских учрежде-

дениях продолжали действовать уполномоченные Президента РСФСР, направленные туда в дни путча с полномочиями вести контроль и отстранять от дел лиц, замешанных в заговоре. Ослабленный путчем и обезглавленный в результате его провала союзный государственный аппарат фактически переходил под начало государственного аппарата РСФСР, который находился под контролем российского Президента.

Горбачев уже не мог сам без согласования с Ельциным принимать решения по ключевым для страны кадровым вопросам. Ему пришлось в первые же дни пересматривать и отменять свои первоначальные решения об исполняющих обязанности премьер-министра, министра обороны, председателя Комитета государственной безопасности и т.д. Это двоевластие фактически было началом контрпереворота. Но и в этих условиях Горбачев сделал все, чтобы спасти Союз уже на конфедеративных началах и вопреки всему был близок к цели. На этот раз этому помешал тайный сговор Ельцина, Кравчука и Шушкевича в Беловежье.

Режим Ельцина — отрицание перестройки

Мне часто приходится слышать от коммунистов и от демократов, что Ельцин продолжил то, что начал Горбачев. И те, и другие имеют при этом в виду разрушение социалистических начал и распад Советского Союза. Только первые за это хулят Горбачева наравне с Ельциным, а вторые, считая горбачевскую политику нерешительной, непоследовательной, все-таки изредка его снисходительно похваляют за то, что он начал перестройку.

Такая интерпретация событий крайне выгодна противникам Горбачева, но резко расходится с российской реальностью. Изначальный социально-философский замысел и практика перестройки — это очеловечивание государства и общества, переход от состояния, при котором люди, народ уподобляются управляемому пастухом стаду, к гражданскому самоопределению, к реальному участию в решении собственной судьбы и судеб своего государства. Перестройка — это прежде всего демократический проект, рассчитанный на сохранение уже имевшихся и умножение новых социальных достижений. Отсюда — линия на развитие собственных российских национальному сознанию начал справедливости и солидарности, линия на гуманный, демократический социализм, на социал-демократизацию КПСС, на социализм с «человеческим лицом», т.е. на идеи, в общем-то, созвучные европейской социал-демократии.

Путчисты, принадлежавшие к высшей номенклатуре КПСС, сорвали эту перспективу. Радикальные антикоммунисты из окружения Ельцина воспользовались этим и взяли курс на тотальный антисоциализм, в на-

дежде на успешное применение в России праволиберальных социально-экономических моделей американских апологетов «свободной игры рыночных сил».

Придя к власти под лозунгами свободы и демократии, режим Ельцина принимал все крупные решения, затрагивающие коренные интересы народа, за его спиной. Это вылилось в «шоковую терапию» и грабительскую приватизацию, в расстрел и разгон парламента в 1993-м, в начало чеченской войны в 1994 году. И так — вплоть до дефолта в 1998 году. Оправившись от катастрофических последствий этого провала лишь с помощью правительства Примакова, сам российский президент и его «Семья» стали искать возможность безопасной для себя передачи власти. Было чего опасаться. В результате правления Ельцина большинство населения вместо обещанного через два года роста благосостояния оказалось на грани нищеты, месяцами и годами не выплачивались зарплаты, нищенские пенсии и пособия. А немногочисленная верхушка вывозила многомиллионные капиталы за рубеж. Российское общество оказалось как никогда разорванным и поляризованным.

Под прикрытием и с участием ельцинской бюрократии на самый верх вырывались, как правило, теневые дельцы и, наглея, баснословно обогащались, действуя рука об руку с криминалом. Так называемые олигархи стали фактическими хозяевами национального достояния, оказывали решающее воздействие на Президента России через его семью, превратили бюрократический государственный аппарат в инструмент, обслуживающий их интересы, весьма далекие от интересов абсолютного большинства населения и страны в целом. Все это не имело и не имеет ничего общего с горбачевской перестройкой и явилось ее циничным отрицанием.

Что касается обвинений Горбачева и перестройки в распаде Советского Союза, то ответственность за это несет далеко не только Президент СССР и даже в первую очередь не он. Горбачев как раз обосновал реалистический путь объективно назревшей демократической трансформации СССР в реальную федерацию, а уже после путча — в конфедеративное союзное государство. Он, как никто другой, сделал все от него зависящее для продвижения по этому пути и до последней возможности боролся за реализацию этой перспективы. Ему мешали в этом, можно сказать, синхронно — прежде всего радикальные демократы и бюрократические «коммунистические» верхи на союзном и российском республиканском уровне. Первый съезд народных депутатов РСФСР в 1990 году при участии фракции «Коммунисты России» проголосовал за приоритет республиканских законов перед союзными. Это явно антиконституционное, антигосударственное решение было далеко идущим шагом к расшатыванию и подрыву союзной

государственности. Оно стало основой практической политики руководящих структур РСФСР. Путч, который организовала и поддерживала значительная часть высшей номенклатуры КПСС, сорвал заключение нового Союзного договора.

И, наконец, в декабре 1991 года депутаты Верховных Советов союзных республик опять же при участии коммунистов (за редчайшими исключениями) проголосовали за беловежские соглашения, а не за представленный на их рассмотрение согласованный под руководством Горбачева проект Союзного договора, предусматривавший создание конфедеративного союзного государства.

Все это факты, подкрепленные неопровержимыми документами. Опровергнуть их не может никто. Поэтому главные виновники развала Советского Союза обращаются к издавна применявшемуся в известной среде приему — как можно громче кричать: «держи вора!».

Секрет «оглушительного» успеха этой долгоиграющей пропагандистской пластинки в том, что в ней сливаются, совмещаются голоса и интересы левых и правых радикалов, которые нуждаются друг в друге для оправдания и поддержания своего политического бытия. Самый очевидный пример такого слияния интересов — циничный сговор о взаимной амнистии членов ГКЧП, участников событий в Москве 3-4 октября 1993 года, а также об отказе о привлечении к ответственности лиц, отдавших приказ о расстреле и штурме Белого дома — парламента России. Тягчайшие грехи и преступления простили сами себе на взаимной основе...

Вслед за путчистами российский президент порвал с перестройкой, с ее социальными демократическими целями прежде всего. Ее главные завоевания — подъем общественного, гражданского сознания, гласность, свобода слова подверглись новым испытаниям уже со стороны новой абсолютистской власти — практически ничем и никем неограниченной власти денег, крупного олигархического и теневого капитала. Однако полностью покончить с непреходящими ценностями горбачевской перестройки не удалось и, думается, все-таки, не удастся уже никому.

Опыт перестройки и современное государство. Что такое сильная президентская власть в России?

Двадцать лет спустя после начала перестройки всесторонняя оценка ее опыта приобретает, на мой взгляд, ключевое значение для осмысления дальнейших путей развития России. Широко распространяемый в течение ряда лет взгляд на перестройку сводится к тому, будто она и есть первопричина того хаоса и беспредела, которые унаследовал Путин от Ельцина. А если это

так, то изначально и впредь необходима никакая не демократия, а политика «твердой руки». Наиболее «крутые», не стесняясь утверждали, что нам нужен российский Пиночет и даже брались организовать визит чилийского диктатора в Россию. Есть и другие сторонники «твердой руки». Они обосновывают необходимость для нашей страны не столь одиозного образца личной власти, но иных ее форм — то ли авторитарного либерализма, то ли либерального авторитаризма. А еще нередко рекомендуют позаимствовать китайскую модель, как бы забывая, что она во многом обусловлена уникальными особенностями этой древнейшей великой страны. Но все такого рода рекомендации исходят обычно из того, что российское общество не готово к самостоятельному демократическому развитию, либо вообще по природе своей чуждо такому развитию.

Совершенно очевидно, что первоочередной, главной проблемой Владимира Путина как нового главы российского государства стало укрепление этого государства, поскольку оно на глазах превращалось в неуправляемый конгломерат феодальных княжеств, чьи законы уже почти наполовину прямо противоречили законам общероссийским, которые, как известно, и без того строго не соблюдались. Отсюда, естественно, и необходимость укрепления «вертикали власти», чем так озабочен российский президент. Хотелось бы подчеркнуть, что само по себе это не противоречит принципу сильной президентской власти, о которой первым заговорил и которой добивался как раз лидер перестройки — Президент СССР.

В том, что с президентской властью в Советском Союзе получилось «не все как надо», Горбачев видит одну из главных причин поражения перестройки. Президентская власть была впервые введена им в нашей стране для того, чтобы обеспечить мирный переход от монопольной командно-административной системы к демократической системе Советов сверху донизу. Сильная президентская власть мыслилась как неременный институт демократизации государства и общества. Опираясь на нее, Президент СССР рассчитывал без чрезвычайщины стабилизировать положение в стране и продолжить ее демократическое обновление. Эта перспектива, как и президентская власть Горбачева, была коренным образом подорвана заговорщиками-путчистами из ближайшего президентского окружения и ориентированными на сепаратизм лидерами республик. Разумеется, эти уроки новейшей истории государства российского Путин знает и, вероятно, по-своему учитывает, в том числе и в своих кадровых решениях.

Годы правления «царя Бориса» и радикал-либералов привели к глубокой дискредитации и отторжению в массовом сознании самих понятий «демократия», «демократ». Они, к несчастью, стали часто ассоциироваться с понятиями «обман» и «жулик». Вместо создания среднего класса собс-

твенников ельцинско-чубайсовская приватизация обернулась созданием нескольких групп и кланов сверхбогатых, унизив и уравнив абсолютное большинство населения в бедности и нищете. Покаяться в этом нашли в себе мужество, пожалуй, только Ирина Хакамада, да Михаил Ходорковский — уже из-за тюремной решетки. Что же касается радикал-либеральных лидеров ельцинских времен, то они каяться не собираются и вместе с новыми единомышленниками продолжают свое дело несколько в ином формате.

При сложившихся обстоятельствах у властных структур силен соблазн ограничиться выстраиванием так называемой «управляемой демократии», которая, мол, везде и всегда является таковой. Да, в наш информационно-технологический век демократия тоже управляема. Вопрос в том, как она на самом деле устроена, как и в чьих интересах она работает? Конечно, можно попытаться выстроить сугубо внешние формы демократических институтов и, используя их, придавать видимость демократически принятых решений директивам той или иной разновидности административно-командной системы. Но наряду с неизбежными при этом серьезными ошибками и злоупотреблениями будет шириться и усугубляться дискредитация демократии, а в конечном счете расти недоверие людей к власти.

Но главная беда не только в этом. Имитационная, декоративная демократия может довольно долго служить кланам, бюрократическим группам, которые ею управляют. Но она не способна решать насущные и перспективные проблемы развития России. За последние 15 лет весьма существенно увеличилось российское отставание от многих стран по жизненно важным показателям не только экономического и научно-технического, но и социального и общественно-политического, государственного развития.

В то время, когда Горбачев во второй половине 80-х годов начинал демократическую модернизацию в СССР, многие страны Запада и Востока уже вышли или выходили на качественно новый — постиндустриальный — уровень развития. Предпосылкой и условием такого развития служит *современное государство* с его демократическими институтами. Демократические институты государства и общества позволяют выявлять, согласовывать и защищать реальные общественные, частные, гражданские и законные личные интересы, разрешать социальные и иные противоречия и конфликты в рамках таких институтов. Тем самым обеспечивается устойчивость и динамизм существования государства, общества, граждан, страны в целом. Если на протяжении почти всего XX века мы как бы свысока и не без некоторых оснований третировали демократию на Западе как «формальную», то с наступлением постиндустриального времени ста-

ло фактом: и на Западе, и на Востоке передовых рубежей в развитии общества, государства, самого «человеческого фактора» достигают страны, где реально — в каждой по-своему — где-то эффективнее, где-то слабее, но действуют демократические институты. В значительной мере, благодаря этому, обеспечивается выживаемость и прогресс стран и народов в современном глобальном мире.

Разумеется, сегодня Россия далека от постиндустриализма. Но значит ли это, что нам и не следует на него оглядываться? Такая, в общем-то, абсурдантская точка зрения довольно распространена — мы, мол, самобытны, самодостаточны и т.п. Но самобытность в современном глобальном мире вовсе не исключается этим миром. Ни Франция, ни Германия, ни США, ни Япония, будучи современными, вовсе не потеряли своей самобытности. Да и в Конституции России говорится о демократии, правах человека, о социальном и правовом государстве, а это, собственно говоря, тот путь, начав, наконец, реально продвигаться по которому, мы окажемся как раз на верном направлении.

Что необходимо для этого? Для этого необходимо продолжить реальное демократическое обновление российского государства и общества, всесторонне учитывая опыт перестройки и последующих лет. Этот опыт остро напоминает нам непреложную жесткость в общем-то известных истин, недооценка которых неотвратимо наказывает не только политических деятелей, политические партии, но и целые государства и народы. Развитие демократии не должно вести к подрыву государственности — иначе гибель и демократии, и государственности. Государственность без развития демократии обречена на загнивание и разложение. Это — не в бровь, а в глаз — про «твердокаменных» фундаменталистов-коммунистов, прорабов перестройки и радикал-демократов, про всех, кто вставлял перестройке палки в колеса или толкал Горбачева в спину: «быстрее, еще быстрее!».

Особый вопрос о засилье бюрократии и криминала. Для преодоления опасного отчуждения между властью и обществом, для глубокого оздоровления государства, освобождения от всепроникающей коррупции, произвола и круговой поруки чиновничества необходимы, как воздух для жизни, — демократический контроль, гласность, свободные и ответственные средства массовой информации.

Время, прошедшее с начала перестройки, проясняет многое. Происходит некоторое отрезвление общественного сознания от тяжелого дурмана гражданской апатии, надежности и безысходности, широко распространившихся за годы ельцинского правления. Но до обновления демократических институтов, которое исключало или сводило бы к минимуму возможности манипулирования интересами граждан со стороны старых

и уже новых бюрократических кланов и денежных мешков, еще далеко. Похоже, среди этих кругов сильна заинтересованность в сохранении приельцинского «status quo». Отсюда и заметное недовольство радикальных либералов политикой В.В.Путина. Отсюда и попытка поднять новую волну антиперестроечных, антигорбачевских нападок в некоторых печатных и электронных СМИ. Примечательно, что в этом участвуют, например, «Российские ведомости», учредителем которых является со времен «Пал Палыча» Бородина Управление делами Президента РФ. Заодно с ними и известные «радетели за народ» на телеканалах, отличающиеся особой способностью держать на нос по ветру и хорошо на этом зарабатывать.

Ключевая и, на мой взгляд, все еще не ясная проблема России связана с вопросом: сможет, сумеет ли Владимир Путин, по необходимости укрепляя государственность, выстроить такую президентскую власть, которая не побоится наполнения существующих демократических форм реальным демократическим содержанием? Сильная президентская власть, разумеется, не может быть свободной от демократического контроля. Граждане имеют право знать, что делается «там на самом верху».

Решится ли Президент России на это? Президент СССР Горбачев решился. Ему помешали, но начало было положено. Что и кто может помешать Президенту Путину?

Два десятилетия споров о перестройке — свидетельство актуальности предложенных ею решений и поднятых ею проблем. Так или иначе, казалось бы, неподъемное дело обновления России должно быть продолжено. За поколением XX съезда пришло поколение перестройки. Тем, кто родился в ее годы, не больше 20 лет. Эти молодые российские граждане не могут не заинтересоваться эпохой, в которой появились на свет. Они, я надеюсь, не дадут себя заморочить и, вопреки напраслине и лжи, поймут и оценят освободительные идеи перестройки, продолжат начатую Горбачевым демократическую модернизацию российского государства и общества.

¹ Кстати сказать, выступить с докладом об очередной ленинской годовщине в 1983 году уже сам Андропов предложил Горбачеву.

² Как вскрылось в ходе следствия по делу ГКЧП, у А.Тизякова еще до апрельского Пленума ЦК КПСС имелся список членов будущего ГКЧП, в котором числились О.Шенин, О.Бакланов, В.Болдин, Д.Язов, В.Крючков и другие. Об этом см. В.Степанков и Е.Лисов. Кремлевский заговор. Версия следствия. Издательство «Огонек». М. 1992, с.46.

Перестройка, как она видится сегодня

Вадим Межуев

С каким другим периодом в нашей отечественной истории, глядя из сегодняшнего дня, можно сравнить перестройку? Сразу же скажу, что перестройка для меня — это не просто время нахождения М.С.Горбачева у власти (в должности сначала Генсека КПСС, а затем Президента СССР), а инициированный им процесс демократизации страны. Сам Горбачев, как мне кажется, не сразу, а постепенно пришел к идее перестройки, но, придя к ней, мыслил ее как предельно широкую программу демократических преобразований, призванную изменить внешнюю и внутреннюю политику государства, всю существовавшую тогда политическую и общественную систему. Сейчас можно спорить, насколько он понимал тогда всю сложность и масштабность поставленной им задачи, но, несомненно, первый шаг на этом пути был сделан именно в тот период.

С этой точки зрения, в российской истории XX века есть только одно событие, которое по своему смыслу и значению может быть сравнимо с перестройкой. Я имею в виду Великую русскую революцию 17-го года, которая, как известно, началась не в Октябре, а в Феврале, о чем почему-то часто забывают. Октябрь с его диктатурой одной партии и террором стал лишь заключительным эпизодом этой революции, ответной реакцией на Февраль, что, кстати, характерно для всех революций. Общее между Февралем и перестройкой при всем различии этих событий состоит в беспрецедентной в нашей истории попытке учреждения демократии «на Руси», ее устройства по образцу западных демократий. Других таких попыток в нашей истории я просто не знаю. Начатое Февралем, но затем прерванное Октябрем движение России к демократии, как бы возобновилось с началом перестройки. И хотя перестройка первоначально мыслилась не как

Межуев Вадим Михайлович — главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор.

отрицание Октября, а как устранение отрицательных последствий сталинизма, получивших обобщенное название «тоталитаризм», она оказалась не менее грандиозным, чем Февраль, опытом демократического преобразования России.

Сегодня по истечении почти двадцати лет с начала перестройки можно судить и о том, что отличало эти два события друг от друга. Насколько я понимаю, те, кто замыслил перестройку, — и, прежде всего, сам Горбачев — стремились избежать при ее проведении насильственной, разрушительной, сметающей все на своем пути революции, не считающейся с особенностями и возможностями страны, с ее прошлым, с готовностью к радикальным изменениям большинства населения. Перейти к демократии посредством не революции, а реформы, — таков, как мне кажется, был замысел авторов перестройки, на мой взгляд, совершенно правильный. Демократия редко когда является прямым следствием насильственного политического переворота, результатом одного лишь пожелания пришедшей к власти политической элиты, она в любом случае требует народного согласия, массовой поддержки, широкой гражданской инициативы. Даже будучи трижды демократом, нельзя, находясь у власти, силой заставить людей жить по совершенно новым правилам и законам. Сейчас сказали бы, что для вхождения в демократию нужна не только властная воля руководителей государства, но и наличие гражданского общества, объединяющего людей в качестве свободных, сознающих свои права, законопослушных, способных к самоорганизации и политически активных граждан. Хотя о гражданском обществе заговорили чуть позже, целью перестройки, не всегда, правда, отчетливо артикулируемой, и был переход к нему, что предполагало ликвидацию всех ограничений, сковывавших политическую инициативу людей, препятствовавших свободному выражению их мыслей, настроений и чувств. Политическая свобода (а потому и активность) граждан достигала в этот период максимально высокой для всей российской истории точки развития.

Мое личное восприятие перестройки прямо связано с появившимся тогда абсолютно новым, ранее неведомым чувством публичной свободы — с правом думать, как хочешь, говорить, писать, читать и слушать все, что находишь нужным. Это чувство лишь укрепилось с первыми свободными выборами в представительные органы власти, с превращением их в политическую трибуну, на которой действительно избранные народом депутаты могли совершенно свободно излагать свои мысли и мнения. Политика стала захватывающе интересной, а печать, радио и телевидение, освещавшие ее, приковывали к себе внимание всей страны. Все, кто жил тогда, помнит это время. Ну, а кто забыл или не хочет вспоминать, видимо, никогда не нуждался в свободе, не испытывал в ней никакой потребности.

Разумеется, свобода, пришедшая с перестройкой, была не всей демократией, только ее прелюдией. Это понимали и тогда. Политическая, тем более, экономическая система страны во многом оставалась прежней. Суть этой системы — сращивание власти одной партии с государством, а государства с экономикой. А поскольку партия называлась КПСС, а государство — СССР, данная система воспринималась в стране и мире как адекватное воплощение социализма или коммунизма (а в плане идеологии — марксизма-ленинизма). Отсюда напрашивался, казалось бы, вполне логичный вывод: демократия никогда не победит, пока с социализмом не будет покончено раз и навсегда, причем не только в его практическом воплощении, но и в теории.

Этот вывод быстро овладел умами той части интеллигенции, которая, восторженно приняв начало перестройки, считала себя более последовательными демократами, чем сами инициаторы перестроечного процесса. Они-то, по моему глубокому убеждению, и похоронили идею перестройки, сделав рупором своих настроений и мнений Ельцина, придав преобразовательному процессу характер не реформы, а самой настоящей революции. Распад СССР в том виде, как он осуществился, и последовавшее за этим устранение Горбачева от власти, хотя и были спровоцированы путчем, не были примером правового и, следовательно, демократического решения вопроса, более напоминали осуществленный сверху политический переворот. Возможно, кому-то и казалось, что с исчезновением КПСС и СССР демократия, наконец, восторжествует, но те, кто умел смотреть чуть дальше, хорошо понимали, что отнюдь не интересами демократии руководствовались люди, пришедшие к власти после Горбачева. Последующие события, причем не только в России, но и во многих республиках бывшего СССР, подтвердили правоту этого мнения, хотя в начале 90-х гг. оно воспринималось как свидетельство неизжитой «совковости» и ретроградности.

Чтобы правильно оценить смысл и значение перестройки, надо, прежде всего, покончить с мифом, что, начиная с 1991 года, мы живем в демократической стране. Можно ли и сегодня считать Россию демократической страной? Если демократия означает разрушение всего того, чем жили и во что верили люди при так называемом социализме, то да. Но если демократия — это гражданское общество, правовое государство, разделение властей, независимые средства массовой информации, открыто проводимая политика, подконтрольная обществу и его представительным органам исполнительная власть и пр., то демократия и сегодня — мечта, далекая от реальности. Как же тогда назвать ту реальность, которая, перестав быть социалистической, не стала демократической? Если отбросить демократическую риторику власти в ельцинские и наши времена, смысл прово-

димой ею политики очень прост — переход к гражданскому обществу она заменила переходом к рыночной экономике, назвав это демократией. При отсутствии реальной демократии такой переход мог означать в действительности только одно — перераспределение общественной собственности в пользу особо избранных властью частных лиц, т.е. по существу ограбление государства. Проведенная у нас приватизация — та же экспроприация, но уже не частных собственников, а всего народа. Вот почему время перестройки и после нее различаются между собой в той же мере, в какой демократические цели и идеалы расходятся с практикой экономического грабежа, коррупции и вседозволенности, не знающей для себя никаких правовых ограничений.

Чего, на мой взгляд, не поняли люди, считавшие себя искренними приверженцами демократического пути развития и отвергнувшие горбачевскую перестройку во имя якобы ельцинского радикализма и антисоциализма? Меня интересуют только они, поскольку те, кто тогда откровенно тосковал по старым временам и ненавидел Горбачева за саму попытку проведения демократической реформы, не были его серьезными противниками, причиной его отстранения от власти. Даже вдохновленный этими настроениями путч не стал бы такой причиной, если бы им не воспользовались те, кто в надежде на победу демократии поставил на Ельцина. Они-то, в конечном счете, и проиграли. Сейчас, кажется, это поняли многие, но есть и такие, кто, упорствуя в своем заблуждении, все валит на Путина, полагая, что именно с него начался откат от демократии. Допущенный нашими радикальными демократами политический просчет есть, видимо, главный урок, который следует извлечь из всего, что произошло после перестройки. В чем состояла их ошибка? Почему ни раньше, ни теперь, ни потом нельзя строить демократию по-ельцински?

Не о самом Ельцине, конечно, речь, а о тех, кто поверил в него. Они рассуждали до примитивности просто: Ельцин разрушит старую систему, а на ее развалинах мы воздвигнем демократию, причем не хуже той, что уже существует в США и Европе. Расхождение с автором перестройки налицо: тот хотел реформировать старую систему, эти под предлогом ее неререформируемости поставили своей задачей ее полностью снести. Иными словами, заведомо отвергалась сама возможность хоть какого-то сочетания демократии с социализмом, причем не только в его советском, но и европейском варианте, т.е. социал-демократическом. Взамен предлагались наиболее крайние в своем радикализме либеральные и нелиберальные концепции развития, которые и на демократическом Западе уже не являются лидирующими в общественном сознании и политической практике. Что же тогда говорить о России. На какую почву, опыт, традицию в ней они

могли опираться? К какому периоду в ее истории могли апеллировать? Попытаться сразу же от социализма, отрицающего демократию, перейти к либерализму, минуя все промежуточные ступени, на которых социализм (в лице той же социал-демократии) как-то сочетается с демократией, равносильно тому, чтобы повторить ошибку Февраля, одним махом перескочившего от монархии к республике. Никому в Европе не удалось сделать это, что называется, за один присест — вспомним хотя бы историю Англии, Франции, Германии. А чем заканчиваются такие попытки, все знают: беспочвенный, привнесенный извне либерализм, рождая в стране хаос и анархию, заставляет восстанавливать властную вертикаль, причем в форме даже более авторитарной, чем прежняя.

Начав с попытки демократического реформирования уже существовавшей системы, перестройка, к сожалению, в какой-то момент и под напором неискушенной в политике, но одержимой либеральной идеей интеллигенции нарушила возможный на тот период баланс социалистических и демократических элементов, что привело к краху не только социализма, но, в конечном счете, и первых ростков демократии. И как Февраль закончился Октябрем, так перестройка завершилась ельцинской Россией, которую, повторю, я не считаю демократической. Не то, чтобы Ельцин был врагом демократии, но она признавалась им в той мере, в какой ничем не угрожала его власти, позволяла ему быть неконтролируемым властителем России. Не покушайтесь на мою власть, не перечьте мне, а в остальном делайте, что хотите, — такая демократия и царям впору. И устраивала она тех, кто привык служить не обществу, а власти, руководствоваться ее приказами и капризами, получая взамен право, действительно, делать, что хочешь и, главное, себе на пользу. Такая вот русская вольница (а, точнее, смута), называемая у нас почему-то свободой и демократией. Грозя стране всеобщим хаосом и полной неуправляемостью, она быстро заканчивается, сменяясь, как сейчас говорят, «непопулярными» мерами, фактически ликвидирующими последние остатки свободы.

Говоря о большей перспективности для России социал-демократической модели развития (а именно к ней, как я думаю, тяготела вся перестроечная стратегия, предложенная Горбачевым и отвергнутая Ельциным), я вовсе не считаю, что тем самым блокировалась идея перехода страны к парламентаризму, многопартийности, свободным выборам и свободному рынку. К этому, несомненно, пришла бы и перестройка, возможно, более медленными темпами, но зато и с меньшими издержками — без развала государства, грабительской приватизации, обнищания населения, расстрела парламента, дефолта, войны в Чечне и пр. И главное без превращения демократии в «демократуру», в чисто формальную видимость демократии. И не сам по себе социализм был препятствием на этом пути, а то, что счи-

талось у нас социализмом. Именно с этим ложным представлением о социализме и нужно было покончить в первую очередь. Но, как всегда, у нас вместе с водой выплеснули и ребенка.

Социализм в сочетании с демократией, или демократический социализм, — не власть одной партии и не командная система управления экономикой. Он означает лишь признание в качестве конституционных не только политических и гражданских, но и социальных прав человека — его права на труд, образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, культурное развитие и пр. Гарантом соблюдения этих прав, как и всей Конституции в целом, является государство, которое потому и называют социальным, а объем и уровень защищенности этих прав в обществе определяет меру его социалистичности. Конституция, принятая при Ельцине (и под Ельцина), вроде бы узаконила существование у нас социального государства, но чего стоит любая Конституция, если ее гарантом является не государство в лице всех своих органов, а один человек. А кто гарантирует, что этот человек будет считаться с Конституцией?

На Западе демократия независимо от того, кто в данный момент находится у власти, давно обрела черты не только либеральной, но и социальной демократии (ее называют там, правда, не социализмом, а обществом всеобщего благосостояния); у нас же даже тот набор социальных благ, который существовал в Советском Союзе (отсутствие безработицы, бесплатное образование и медицина, детские пособия и пенсии), был принесен в жертву ложно понятым либерализму и рыночной экономике.

Я уже не говорю о том, что правильно понятая социалистическая идея, утверждающая право каждого на свободное развитие и самореализацию своей личности, заключает в себе исторический выбор огромной моральной силы и культурного значения. В этом качестве ее не заменишь ни религиозной верой, ни приверженностью консервативным ценностям, ни национальной идеей, ни, наконец, благами потребительского рая. В отстаивании человеческой свободы она идет намного дальше либерализма и уж, во всяком случае, никак не отрицает его. Отказ от нее, действительно, означает «конец истории», ведет к полному обесмысливанию общественной жизни человека. Не вера же в загробную жизнь или страсть к деньгам способна придать смысл этой жизни, сплотить и объединить людей в XXI веке. И если в качестве частного лица человеку достаточно либеральных ценностей, то в качестве лица общественного, живущего интересами страны, общества в целом, он не сможет пройти мимо того, что предлагает ему социализм.

В этом, как ни странно, меня убедила именно перестройка с ее пусть и несостоявшимся стремлением сохранить хоть какое-то равновесие между социалистическим прошлым и демократическим будущим. Пока мы жили

в «развитом социализме», никто из нас, я думаю, не испытывал большой симпатии к этому строю. Но и после того, как с социализмом было покончено в теории и на практике, общественная жизнь не стала более интересной и привлекательной. Каждый сегодня ушел в частную жизнь, думает только о себе, выживает, как может, и ему нет никакого дела до других. Власть далека от общества, как и раньше, а общество, пробудившееся от спячки в перестройку, опять оказалось в состоянии политической амнезии. Из общественной жизни ушло что-то, что заставляло когда-то людей думать не только о хлебе насущном, собираться вместе, заинтересованно реагировать на все происходящее. Сегодня никто никому неинтересен и каждый занят самим собой. Могу свидетельствовать об этом на примере научного сообщества, которое фактически сегодня тоже распалось. Не спорю, в стране с обедневшим населением кто-то обогатился (не всегда легальным путем) и материально стал жить лучше — есть досыта, хорошо одеваться, ездить за границу. Некоторые могут позволить себе жить в роскошных квартирах и загородных виллах. Но из жизни исчезла какая-то важная составляющая, которая раньше придавала ей общественный смысл и находила выход не в приобретательском и потребительском ажиотаже, а в бескорыстной общественной активности и творческой деятельности. О нынешнем состоянии душ и умов лучше всего свидетельствует та массовая продукция, которая предлагается сегодня на нашем телевидении. И это все называется гражданским обществом? Оно, несомненно, начинало складываться в перестройку, но затем куда-то бесследно исчезло.

Демократия, как теперь ясно, — не самоцель, а политический инструмент для решения важных социальных задач, стоящих перед обществом. Те, кто думал, что целью демократии является исключительно лишь рынок и частная собственность, явно ошиблись. Рыночная экономика может сосуществовать и с недемократическими формами правления, с урезанной или управляемой демократией. И не просчетом перестройки, а ее, возможно, наиболее глубоким прозрением была попытка сочетать демократию с социально ориентированной политикой, или, как говорили тогда, с социалистическим выбором. Не получилось (слишком уж был скомпрометирован социализм в глазах людей), но ведь и с демократией до сих пор не все ладится. А без левых в политике нет никакой демократии. В западных странах они, находясь у власти или в оппозиции к ней, в любом случае являются неотъемлемой частью существующего там политического спектра, с которой нельзя не считаться. У нас же, решив опереть демократию только на одну ногу, а именно либеральную, точнее, неолиберальную, превратили ее, так сказать, в «хромоножку», которую власть готова при всяком удобном случае списать по инвалидности.

И тогда и сейчас для меня очевидно, что демократия в России обречена на поражение, если правые и левые, приверженцы либеральной и социалистической идеи не найдут между собой общего языка, не достигнут определенного компромисса и согласия. Их нежелание понимать друг друга погубило перестройку и сейчас губит все то, что еще осталось от демократии. Вина за это лежит и на наших либералах, и на наших коммунистах. Их взаимная ненависть превращает их либо в лжедемократов, либо просто в антидемократов. А следствием их вражды (вспомним опять же опыт Германии 30-х гг. XX столетия) может стать нечто худшее — приход к власти сил, исповедующих идеологию крайнего национализма, шовинизма, ксенофобии или религиозного фундаментализма. Там, где либералы и социалисты ненавидят и изживают друг друга, побеждают либо националисты, либо консерваторы-традиционалисты, что для России означает возврат к временам самовластия, государственного патернализма, идейного и религиозного фанатизма и самоизоляции от остального мира. Кому-то этого, наверняка, хочется, кто-то искренне видит в этом единственное спасение России и убедить их, что в современном мире это самый верный путь к гибели, практически невозможно. В конечном счете, все будет решаться реальным соотношением сил. Но кто видит спасение России в демократии, обязательно вернется к опыту перестройки — не для того, конечно, чтобы повторить ее (это и невозможно), но для того, чтобы избежать допущенных тогда демократами ошибок и просчетов.

ПЕРЕСТРОЙКА ГЛАЗАМИ МОСКОВСКОГО ГУМАНИТАРИЯ

Дмитрий Фурман

Мое участие в политической жизни эпохи перестройки было минимальным. Более того, ни с одним из наиболее видных политических персонажей того времени я тогда знаком не был. Со многими, включая самого Михаила Сергеевича, я познакомился уже после. Поэтому мои воспоминания о перестройке — воспоминания рядового и не слишком активного участника событий, представителя московской гуманитарной интеллигенции.

Фурман Дмитрий Ефимович — главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук, профессор; в период перестройки — ведущий научный сотрудник Института США и Канады АН СССР

ПРЕДПЕРЕСТРОЕЧНАЯ ЭПОХА

Марксизм-ленинизм умер тихой и незаметной смертью где-то в период правления Брежнева. В эпоху Хрущева и в начале брежневской эпохи я встречался с очень многими настоящими и умными марксистами. Все они, естественно, были настроены оппозиционно.

Это было время, когда интерес к марксизму и оппозиционность практически совпадали. Многократно повторялся один и тот же процесс — кто-то из колоссальной массы людей, которым вдалбливались в голову формулы официальной идеологии, обращался к ее «первоисточникам» и поражался противоречиям между тем, что писали «классики марксизма», с одной стороны, и официальной схоластикой и «реальным социализмом», с дру-

гой. Если человек убеждается, что он понял какие-то истины, содержащиеся в сакральных источниках идеологии, от которых власть отступила, и которые общество не поняло, у него естественно возникает стремление раскрыть людям глаза. Официальный марксизм закономерно породил свой «протестантизм». Но марксизм — еще и идеология исторического оптимизма и действия, нацеленная на изменение мира. Поэтому осознание противоречия официального учения и содержания марксистских текстов неизбежно вело не просто к стремлению «раскрыть людям глаза», но и к стремлению изменить общество, к «перестройке».

Вот две запомнившиеся мне сценки того давно ушедшего времени.

1963-й или 1964-й год У нас на истфаке МГУ был студент, старше меня и с репутацией большого знатока марксизма. Начальство его боялось, ибо подозревало в подпольной деятельности. Он страдал какой-то болезнью глаз и терял зрение. Он был женат, но у него была и любовница, милая девчушка искусствовед, видевшая в нем героическую и романтическую фигуру. Иногда они вместе не ходили на лекции, прятались в каком-нибудь уголке истфаковского здания, и она ему читала вслух. Как-то я подошел к ним и услышал, что она читает ему «Государство и революцию» Ленина. Он прерывает ее: «Это место — очень важное, прочтем его еще раз». Эта картинка и сейчас стоит у меня перед глазами.

Вот вторая сценка, относящаяся уже к году 1969-му или даже 1970-му. Я был знаком с одним философом, который был страстный марксист и какое-то время умудрялся делать карьеру (от даже стал преподавать в Академии общественных наук при ЦК КПСС), одновременно тайно участвуя в диссидентском движении (потом он, естественно, от него отошел). Он давал мне и другим на прочтение и распространение самиздат, а мы должны были сами платить за это деньги, кто сколько может, и брать с прочитавших, и передавать ему. Эти деньги потом шли не политзаключенных. Я помню, как он мне передал какое-то отпечатанное на машинке произведение Солженицына, которое я сам не прочел (мне было не очень интересно), но, тем не менее, деньги ему передал. Ко мне он относился не совсем хорошо, ибо я марксистом не был. Я никогда с ним не спорил, и это, очевидно, его еще больше раздражало. Как-то мы случайно встретились, и это прорвалось — он вдруг, ни с того, ни с сего, стал даже с какой-то злобой говорить мне, что такие, как я, ничего совершить не способны, ибо XX век — век марксизма, и все великое в нем совершают только марксисты. Я помню, сказал ему тогда: «Например, Гитлер».

Конечно, пик этого «перестроечного» активистского настроения и демократических идейных поисков в русле марксизма и русской революционной и социалистической традиции (Чернышевский, народники) приходит-

ся на 1968 год, и после подавления «пражской весны» оно стало исчезать. К середине 80-х людей вроде тех, о которых я говорил выше, практически не осталось. Кто-то уехал на Запад или в Израиль, кто-то стал нормальными советскими научными сотрудниками. Что стало с первым из двух персонажей, о которых я вспомнил, я не знаю. Со вторым я встретился в постперестроечную эпоху, он был умеренно преуспевающим редактором одного либерального журнала и, как мне показалось, больше всего боялся, как бы я не стал спрашивать его о его марксизме.

С начала 70-х гг. я, работая все время в академических институтах и имея массу знакомых в среде гуманитарной интеллигенции, искренних и умных марксистов больше практически не встречал (я вначале написал просто «не встречал», но потом вспомнил несколько «сомнительных случаев» и добавил слово «практически»). Среди моих знакомых было множество убежденных «западников», были дзен-буддисты, православные, русские националисты фашистского толка, сионисты и т. д. и т. п. (Убеждения большинства, конечно, описать не возможно — просто жили люди, без каких либо убеждений). Но марксистов не было или почти не было. Я понимаю, что мой круг знакомств был ограничен, и марксисты, безусловно, были, но то, что на сотни полторы моих знакомых из гуманитарной интеллигенции этого времени я с трудом могу вспомнить только несколько сомнительных случаев, говорит, что они в это время стали очень редким явлением.

Как это ни странно, я уже в перестроечное время познакомился с одной очень неглупой пожилой женщиной, сотрудницей института, где я работал, которая была искренней и страстной марксисткой и даже называла Маркса и Ленина: «классики». Я сначала не мог понять, о ком она говорит, потом решил, что это ирония, а когда убедился, что это не так, был очень поражен.

С практическим исчезновением неофициального, реформаторского марксизма власть освободилась от единственной реально опасной идеологии, способной побудить людей к целенаправленному «революционному» действию. Заполнявшие вакуум идейные течения были во много раз дальше от официальной идеологии, в которую уже практически никто не верил, но несли в себе значительно меньшую непосредственную угрозу. Человек, начитавшийся, как мой университетский приятель, «Государства и революции», должен был что-то делать, призывать к какому-то переустройству, строить какие-то планы изменения советской системы. Человек, начитавшийся буддистских сутр или православных философов, ничего «социально опасного» мог не делать. Ему даже легче было быть конформистом, произнося ничего не значащие для него формулы и участвуя в ничего не

значащих для него ритуалах. Это похоже на то, как в эпоху Ренессанса и Реформации настоящие христиане-протестанты были ярыми врагами папства, но при папском дворе было много людей, вообще в христианского Бога не верящих, но вполне лояльных.

Если не говорить о разного рода религиозных увлечениях, получивших в это время распространение, в 70-е годы было два главных социальных мировоззрения, оба совершенно не марксистские и оба не слишком опасные для власти.

Во-первых, это «западничество». В отличие от марксизма, который был идеологией действия, «перестройки», это западничество было просто убеждением, что «у нас все плохо», а «там все хорошо». Конечно, многие находящиеся на крупных постах «западники» как-то чуть-чуть способствовали либерализации, но никаких проектов преобразования действительности это мировоззрение не порождало. Чаще всего его носители считали, что у нас все настолько плохо, что ничего сделать и нельзя. Единственное реальное радикальное действие, которое вытекало из этого «западнического» убеждения, было — уехать из безнадежной страны. Множество моих знакомых в 70-е — 80-е гг. перебрались на Запад или в Израиль. Многие русские выдавали себя за евреев, искали еврейские корни или женились (и фиктивно и не фиктивно) на еврейках — только для того, чтобы уехать.

Конечно, было активное диссидентство. Но его активность была активностью одиночек, которые не могут больше терпеть атмосферу умирающего тоталитаризма, но у которых тоже нет никаких серьезных идей, как можно изменить положение, никаких планов переустройства общества. Большинство диссидентов в конце концов переправлялись на Запад, и некоторые получали там не — мыслимые по советским стандартам деньги и жили так, как у нас едва ли жила высшая номенклатура. То, что диссиденты говорили и писали, по-моему, было не очень интересно. Самиздат, очень активно распространявшийся на рубеже 60-х — 70-х гг., к 80-м «завял» — отчасти из-за того, что диссиденты один за другим переправлялись на Запад, а отчасти просто из-за потери интереса.

Во-вторых, было «славянофильство». В 60-е гг., даже в начале 70-х, движение «назад» от официальной схоластики направлялось к трудам Ленина, затем Маркса (очень популярен был ранний Маркс), затем — Гегеля и (другим ответвлением) к Чернышевскому и народникам. Я помню, как где-то в 1967-8 гг. прочитал Бердяева и сказал своему товарищу, большому знатоку Ленина, Чернышевского и народников, что это очень интересный автор. Реакция была: «Да, я собираюсь кого-нибудь из них (русских философов — идеалистов) прочитать, да все как-то руки не доходят». В 70-е — начале 80-х все стали читать русских религиозных философов,

а до Чернышевского, наоборот, руки уже не доходили. Увлечение русской идеалистической мыслью могло сочетаться с западничеством, но часто приводило к «патриотизму» несколько фашистского толка, представлявшему Октябрьскую революцию результатом еврейского и масонского антинационального заговора. Такая идеология была отрицанием официальных догм даже более радикальным, чем «западническая», но для власти она тоже была безопасной. Ведь такие патриоты видели в СССР новую Российскую империю, возродившуюся после еврейского засилья 20-х гг., а в либеральных и диссидентских попытках ослабить власть — продолжение еврейских и масонских происков. В моей среде представителей этого направления было не так много. Западничество доминировало, и «патриоты» ощущали себя затравленными. Но западники их страшно боялись, ибо считали, что власть их поддерживает, и что они имеют глубокие народные корни.

Таким образом, в интеллигентской среде доминировали идеологические течения и настроения, полностью отрицавшие догмы официальной идеологии, но не предполагавшие никакой социальной активности, никакой революционной или реформаторской деятельности. За всю эпоху с начала 70-х и до прихода Горбачева я не помню ни одного разговора с друзьями, в котором как то обсуждались бы планы переустройства общества — хотя многие разговоры были предельно откровенными, и среди моих знакомых были некоторые диссиденты и люди, связанные с диссидентскими кругами, потом переправившиеся на Запад и там довольно активные. Но и там они не раскрыли никаких тайно выношенных ими здесь планов — их просто не было.

Я пишу все это для того, чтобы провести одну мысль — что Горбачев явился не ко времени. Если бы исторические карты легли иначе, и горбачевская перестройка, идеология которой в начале была идеологией марксистско-ленинской реформации (сильно запоздавшим советским вариантом «пражской весны»), пришла бы раньше, Горбачев с его «больше социализма» и «как учил Ленин», не оказался бы в вакууме. На рубеже 60-х и 70-х было множество людей, которые могли бы стать глубоко преданными ему и его делу, бескорыстными (или умеренно корыстными) солдатами и офицерами его «армии». Эволюционная демократизация могла совершиться в СССР только путем марксистской реформации, через «назад к Ленину», «назад к Марксу», как в Чехословакии. Но для такой реформации нужен какой-то минимум людей, которые могли воспринимать эти идеи серьезно, не как прикрытие, не как форму, а буквально. В 60-е гг. таких людей было много. В 80-е они исчезли.

Я должен сказать и о своих собственных взглядах предперестроечного времени.

Честно вспомнить, что ты думал 20 лет назад, очень сложно. Человеческая память работает так, что человек забывает то, что не соответствует его теперешнему образу прошлых событий и самого себя, и подставляет на место этого забытого то, что соответствует. Как народы создают лестные им версии своей истории, так индивиды создают, и искренне сами в них верят, лестные для себя версии своих воспоминаний. Социологи знают, что если сейчас опросить людей, как они голосовали 10 или 5 лет назад, полученные цифры будут резко расходиться с реальными цифрами голосования тех лет и соответствовать теперешним предпочтениям. При этом люди не врут — они искренне забыли прошлое и подставили на место реального прошлого воображенное. Сейчас не найдешь человека, который бы стал вспоминать, как он восхищался Ельциным, а через какое-то время будет очень трудно найти человека, который помнил бы, как он восхищался Путиным. Я буду стараться вспоминать точно.

Мои взгляды представляли собой вариант того пассивного западничества, о котором я говорил, с некоторыми индивидуальными нюансами, порожденными профессией (историей религии) и чисто личными особенностями. Когда я был еще студентом, меня потрясло сходство борьбы догматических партий на вселенских соборах церкви, которые я изучал для себя, и борьбы на съездах партии в эпоху Ленина, которую мы изучали по курсу истории КПСС. Я понял для себя, что марксизм-ленинизм — это такая религия. Я думал — много было всяких религий, они переживали расцвет, потом умирали. В СССР в эпоху, в которую я живу, господствует религия марксизма-ленинизма, которая сейчас умирает. Конечно, это — не «истинная вера». Но истинной веры вообще быть не может. Я не ненавидел советскую власть и не ненавидел марксизм-ленинизм, хотя считал, что моя профессиональная обязанность — искать реальные механизмы развития общества и, следовательно, постоянно вступать в противоречие с официальными догмами, что не было особо опасно, ибо то, чем я занимался, было достаточно «эзотерично».

В 70-е — начале 80-х гг. я был глубоко убежден, что советская власть обречена, ибо умерла или умирает на глазах та идеология, которая была ее «душой». Поэтому я не ждал от власти ничего слишком плохого — свойственные многим в моей среде страхи, что снова начнут «закручивать гайки», для меня характерны не были, ибо я воспринимал власть как бессильного, впадающего в маразм старика. Эволюцию режима я определял как «коррупцию, переходящую в либерализм». Я был уверен, что, в конечном счете, дол-

жен установиться строй западного образца, который представлялся (и представляется) мне не идеалом, а просто определенным этапом человеческого развития. Но в то, что он может установиться при моей жизни, я не верил, это казалось мне очень отдаленной перспективой. Между советской властью и демократией, как мне казалось, должен быть период радикальной смены идеологических знаков при сохранении основных контуров советского строя. Я его определял, как относительно недолгий период «вялого фашизма». «Вялого» — потому что в целом эпоха сильных идеологий кончилась и будущий фашизм может быть только «вымученным» и несерьезным. Одно время мне казалось, что официальным идеологом этого строя может стать Солженицын. Я развлекался тем, что придумывал разные смешные, как мне казалось, формулы из газет постсоветского будущего, в которых сочеталась эта смена знаков и сохранение содержания — «староста сельскохозяйственной общины имени святого Сергия Радонежского рассказал на совещании о новом сорте кукурузы, который землепашцы любовно назвали «белогвардейкой» (или «власовкой»)». Падение советской власти и приход «фашизма», конечно, должны сопровождаться неким социальным катаклизмом, которого я очень боялся, но надеялся, что до него не доживу. В какой форме произойдет это падение, я не понимал. Одно время я думал, что может быть, произойдет военный переворот. Схема эта в целом была не такая уж неверная и частично даже реализовалась. Но в ней не было Горбачева.

Я был уверен, что механизм социальной мобильности, особенно в политической сфере, в государстве, основанном на идеологии, которая уже умерла, действует так, что «на самом верху» могут оказаться только дураки или негодяи, которые в результате бесконечного произнесения глупостей в конечном счете все равно превращаются в дураков. Я помню, как в институте, где я работал, обсуждали вопрос, сможет ли наш директор стать министром иностранных дел. Я сказал тогда, что директором он еще как-то может быть, но на министра он не потянет, ибо министр должен быть значительно глупее. Фотографии членов Политбюро казались мне полным подтверждением этой точки зрения.

Сейчас я понимаю, что это мое тогдашнее очень глубокое убеждение, которому полностью противоречит появление Горбачева, было неверно. Но и сейчас, когда я думаю об успешной партийной карьере Горбачева, у меня возникает ощущение какой-то загадки. И я думаю, что его приход к власти был реализацией одного из наименее вероятных вариантов истории, чем-то вроде выигрыша в лотерею — бывает и такое, но шансов мало и рассчитывать на это глупо.

Перестройка

О Горбачеве до его избрания генсеком я, конечно, слышал, но воспринимал его как одну из многих безликих фигур наверху. Помню, как удивился, когда один из замов Арбатова сказал мне, что Арбатов старается установить хорошие отношения с Горбачевым (он сказал: «обрабатывает Горбачева»). Я очень удивился и спросил, почему именно его. Он ответил: «Он очень перспективный». Когда Горбачев пришел к власти, и стало ясно, что это — человек, реально и сознательно стремящийся вести страну к свободе, я был потрясен. Горбачев совершенно не соответствовал моей схеме, и я воспринял его как дарованную судьбой возможность избежать разворачивания этой схемы, и начать планомерное, а не катастрофическое, через переворот и победу «вялого фашизма», движение к демократии.

Я не думал, конечно, что Горбачев может привести нас к «буржуазной демократии» — это казалось мне очень далекой перспективой, проблемой 21 –го века, который тогда еще не был таким близким. Реальной перспективой мне представлялась именно «перестройка», «социализм с человеческим лицом», «марксистско-ленинская реформация». Я думал, что возможно преобразование КПСС в партию, естественно, социалистическую, но парламентскую и надолго сохраняющую роль, аналогичную роли, которую играл Индийский национальный конгресс, то есть партии, регулярно побеждающей на выборах разрозненную, неспособную к объединению оппозицию разных радикалов — коммунистических ортодоксов, радикальных сторонников капитализма и разных националистов и сепаратистов. Лет 25 — 30 господства такой партии и тогда можно начать думать о дальнейшем. Только при Горбачеве я стал выезжать за границу. Меня послали в Чикаго на какое-то американское сборище, обсуждавшее перестройку (что это было за сборище — я и тогда-то, наверное, толком не знал, а сейчас совсем не помню). Я выступал, и какой-то американец из зала спросил меня, верю ли я, что может быть демократизация при сохранении власти КПСС. Я ответил ему, что Англия — страна не менее свободная, чем США, но она — монархия и даже с палатой лордов и государственной церковью. И если можно в монархическую средневековую форму внести новое содержание, почему нельзя в форму советской власти и КПСС?

Я был в восторге от «нового мышления». Мне казалось, что на глазах происходит великий процесс — к разным идеологиям и религиям, разным духовным традициям, которые принимают общие либеральные ценности, присоединяется еще одна великая идеология и традиция — коммунистическая. Мне казалось, что роль Горбачева в некотором роде близка к роли Иоанна XXIII и Иоанна Павла II. Католицизм смог переосмыслить свое

прошлое, инквизиции и крестовые походы, но при этом не отказаться от него и внести в современный демократический мир свою «ноту». Так и мы, думал я, переосмысливаем свое прошлое, но именно переосмысливаем, а не просто отрекаемся от него, и вносим в современный демократический «хор» свойственную коммунистической идеологии устремленность к «светлому будущему», пафос некоего общечеловеческого строительства. То, чего, как мне казалось, не хватает современному «свободному миру».

У меня менялось мироощущение. Я никогда не был «патриотом». Я считал, что страну не выбирают, и раз ты родился в этой стране, надо стараться сделать ее лучше — стремление уехать на Запад мне никогда свойственно не было. Но своей страной я никогда не гордился, хотя и не считал ее, как многие мои знакомые, какой то уж совсем ужасной и безнадежной. Наоборот, я не любил общаться с иностранцами, ибо мне всегда было немного стыдно, что я — русский. И только при Горбачеве я стал переживать неизвестное мне до этого чувство гордости за свою страну и за ее лидера. Я помню, как говорил дома, смотря телевизор: «Господи, что же это происходит! Наш президент встречается с американским, и ясно, что наш — умнее и лучше». Это удивительно приятное и доселе незнакомое мне чувство после 1991 г. снова полностью исчезло, но я благодарен судьбе и Горбачеву, что все-таки не прожил жизнь, так никогда его и не испытал.

При этом я мучился двумя проблемами. Во-первых, мне, конечно, хотелось участвовать в процессе и помогать Горбачеву. Но в мои личные планы переход к современной советской проблематике и тем более политическая деятельность совершенно не входили. У меня был определенный жизненный и научный план, который я не хотел ломать. Потихоньку я втягивался (и меня втягивали) в современную «перестроечную» проблематику, но я сопротивлялся и окончательно порвал с прошлым и отказался от своих прежних планов уже тогда, когда перестройка закончилась. Вторая проблема — значительно сложнее. Я всегда считал, что у любого человека, честно занимающегося гуманитарными науками, в стране, в которой есть господствующая догматическая идеология, эта идеология становится естественным и главным врагом. Я даже считал, что не должен издавать работу, которая не противоречит какой-то марксистской догме. Иногда в своих писаниях я ссылался на Маркса и Энгельса — смотрел по указателю, что они писали на данную тему, и всегда находил что-то подходящее и «антимарксистское». Но на Ленина никогда не ссылался — считал, что это уже по ту сторону допустимого для меня компромисса. Написать же что-нибудь вроде — «Ленин был великий человек, и у Октябрьской революции были великие идеалы» — мне казалось просто постыдным. Но теперь возникала совершенно другая ситуация. Идеология Горбачева, и единс-

твенная идеология, которая могла быть идеологией перестройки — это идеология «недогматического» марксизма, «социалистических идеалов», идеалов Великой Октябрьской революции (цели которой затем были «извращены») и примата «общечеловеческих ценностей», но при сохранении марксистского и социалистического подхода к ним. Если я хотел помогать перестройке, мне нужно было начать говорить и писать совершенно иначе, чем я делал это раньше. Для меня это было очень трудно. Тем не менее, я издал несколько статей в популярных тогда сборниках издательства «Прогресс» («Иного не дано», «Осмыслить культ Сталина», «На пути к свободе совести»), где я резко изменил акценты — я не говорил, что марксистско-ленинское учение — истинное, но писал, что марксизм — великая традиция русской и мировой культуры, что к марксизму надо относиться очень серьезно и т.д.

Я начал говорить что-то уважительное и хорошее о марксизме и революционной традиции именно тогда, когда все это делать перестали. Перестройка быстро перерастала в революцию.

Меня до сих пор, когда я вспоминаю это время, не покидает чувство ужаса и, честно говоря, отвращения. Один мой знакомый сказал мне тогда: «Наконец, пришло время нашего поколения». И действительно, это так. Я не знаю, почему именно в России молодежь не участвовала активно в событиях того времени (во всех других странах — не только центрально-европейских, но и в других республиках СССР — роль молодежи была во много раз больше). Наша революция была революцией 40–50-летних. То есть, это была революция людей, до этого тихо сидевших по своим НИИ и кухням, в подавляющем большинстве — членов партии. Теперь у этих людей исчез страх, и они судорожно компенсировали свое предшествующее бездействие, вранье и приспособленчество и выплескивали наружу все, что накопилось у них за годы «застоя». А накопились прежде всего то самое доселе пассивное западничество, которое вдруг стало активным и превратилось в страстный антикоммунизм, и то, что наши «патриоты», постепенно превращавшиеся в «красно-коричневых», окрестили «русофобией».

Я считаю, что «русофобия», как и «русофилия» («славянофильство») — явления совершенно нормальные. В самосознании народа, как и в самосознании индивида, должны присутствовать и любовь к себе и нелюбовь. Человек, который все время восторгается собой, также ненормален, как и тот, кто постоянно питает отвращение к себе. Но за годы «застоя» накапливалась именно «русофобия» и ее накопилось так много, что она приобрела разрушительные формы. Радикализм и безответственность многих

активистов демократического движения были прямо связаны с тем, что судьба нашей страны их не очень то волновала. Именно в тот период, когда открылась возможность демократических преобразований, множество людей, включая и ряд моих знакомых, произведя некоторый демократический шум, устремились на Запад и осели там. Ясно, что их планы осесть на Западе и их демократический радикализм были взаимосвязаны — человек предполагал, что последствия его радикализма он сам испытывать не будет.

Началось то, что я называл тогда «оргией». Тихие «научные сотрудники» или люди, более или менее успешно делавшие до этого партийные карьеры, на моих глазах становились страшными радикалами. Люди стали зачитываться статьями, в которых доказывалось, что марксизм — источник всех бед России, что социал-демократия — главная опасность, и она погубила скандинавские страны. Человек мог еще в 1989 году писать об идеалах социализма и о том, как Сталин искажил Ленина, но уже в 1990 году, когда он убеждался, что ничего ему за это не будет, он писал о том, что именно Октябрьская революция и Ленин повинны во всех наших бедах, и что социализм и советская власть реформированию не поддаются.

Все, что как-то могло расшатать «советскую власть», приветствовалось, причем людей не волновало, что их требования полностью противоречат друг другу. Так, все поддерживали тогда армян, боровшихся за то, чтобы отнять у Азербайджана и присоединить к Армении Карабах. Я помню, как на популярном тогда клубе «Московская трибуна» зашикали какого-то бедного азербайджанца, доказывавшего, что лично он очень осуждает сумгаитский погром и что в Азербайджане тоже есть демократы. Никто ему не поверил, и от него стали требовать, чтобы он тут же признал, что Карабах должен принадлежать Армении. Но передача территории от одной республики другой требовала очень сильного Центра. Между тем одновременно с этим все требовали расширения прав республик, ослабления центра, а потом уже и вообще роспуска СССР. То, что эти требования несовместимы, никто не думал.

Я до сих пор не могу до конца понять, как люди, в общем, отнюдь не храбрые, больше всего до этого боявшиеся прогневить начальство, ничего не боялись, когда речь шла о судьбе страны. Не боялись, например, что после развала СССР наше пространство превратится в территорию, где все воюют друг с другом, подобную территории бывшей Югославии, но с ядерным оружием. Американцы явно очень боялись, но наши — нет. Я не могу сейчас все вспоминать — не могу называть примеры невыносимой глупости и безответственности уважаемых людей, хотя у меня в памяти их очень много. Меня перспектива развала СССР страшно пугала, и я даже

написал в популярный тогда журнал «XX век и мир» статью под названием «Осторожней с империями», где говорил, что распад империй — процесс закономерный, но очень опасный — при англичанах в Африке не могло быть президентов-людоедов, а когда они ушли, такие появились.

Что происходило «наверху», в окружении Горбачева, я не знал, но иногда узнавал нечто, что повергало меня в смятение. Приведу, не называя фамилий, два эпизода, меня совершенно обескураживших. Я был на обсуждении каких-то очередных планов преобразования СССР в Институте стран Азии. Был представлен план, который сочинили два молодых научных сотрудника. Это был совершенно детский план, который мог придумать десятиклассник — везде в республиках провести референдумы о самоопределении, а если какая-то часть республики выскажется против, то там еще провести референдум и пусть она отделяется от этой республики. Я могу сейчас что-то путать, но приблизительно так. Если представить себе, что такой план вдруг каким-то образом стал бы осуществляться, передрались бы друг с другом все народы, которым до этого и в голову не приходило ссориться, и все пространство СССР было бы залито кровью. План предполагалось послать в «инстанции». Я сказал, что план — детский и посылать его не нужно — просто, чтобы не срамиться. Но его, конечно, послали. Через некоторое время я в ужасе узнал, что авторы этого плана встречались с ближайшим соратником Горбачева, совершенно серьезно обсуждали с ним этот план и были им обласканы. Я понял, что сознание государственных деятелей, олицетворяющих перестройку, может не отличаться от сознания ошалевших от свободы младших научных сотрудников.

Второй пример — я разговаривал с одним относительно важным тогда человеком, депутатом и членом ЦК. Я говорил, что никто не знает, что происходит в республиках СССР, и надо срочно создавать какой-то центр, который бы изучал республики. Этот человек воспринял, естественно, такой разговор, как мое желание встать во главе этого центра. Ко мне он относился очень хорошо и сказал: если вы хотите заниматься автономиями в России, мы сделаем соответствующую структуру и дадим людей и деньги, но республики — другое дело, ибо (тут я цитирую дословно) «процесс демократизации будет идти в отдельных республиках». Фраза на первый взгляд была совершенно бессмысленная, но скрытый смысл в ней все же был — она означала, что для этого человека (а это было приблизительно в декабре 1990 г.) с СССР было уже покончено.

Горбачев быстро утратил популярность и стал главной мишенью всяких нападок и насмешек. В нападках на Горбачева, как мне представлялось, проявлялась психология рабов. Когда это было опасно, все сидели и молчали. Но именно Горбачев сделал возможным нападки на власть, и

было ясно, что от него для нападающих угрозы нет. Тогда все тут же набросились на того, кто дал им свободу. Как собаки, которые сидели в клетке и скулили, а когда их выпустили, набросились именно на того, кто клетку открыл. Я считал, что за внешним, явным демократическим радикализмом здесь скрывается тайное желание уйти от свободы, подсознательное стремление вернуться к авторитаризму.

Людей раздражало то, что Горбачев уговаривает и обсуждает, что он ищет «консенсус», что он может показать, что сам не знает, куда идти дальше. Раздражало то, что он — политик демократического толка. Ельцин же, внушавший мне отвращение и ужас, был «тифлоновым». Он нес, с моей точки зрения, что-то несусветное. Политические взгляды он менял с головокружительной скоростью, и было ощущение, что ради власти он может стать кем угодно, хоть мусульманином. Я воспринимал его как интеллектуально и морально патологическую фигуру. Но он был радикален и говорил тоном решительного человека, который «консенсусов» не ищет и готов все сокрушить и разломать.

То, что демократическая интеллигенция могла выбрать своим кумиром такого человека, мне казалось просто позорным. Ельцин стал вождем революции и основателем нового российского государства, нашим Джорджем Вашингтоном. Я говорил — какая страна, такой и Джордж Вашингтон.

Я понимал, что Горбачев утрачивает контроль над ситуацией, но надеялся, что может быть как-то все обойдется. Все больше мне казалось, что уже пора остановиться на определенном уровне свободы и не идти дальше, а адаптироваться к этому уровню, «переваривать его».

Я и сейчас думаю, что все можно было бы изменить и сохранить КПСС (с иным названием) и СССР (конечно, не навсегда, навсегда вообще ничего сохранить нельзя, но на достаточно большое время). И нужно было только во время «цыкнуть». Я все ждал, когда это произойдет. Но Горбачев этого не хотел и не сделал.

Когда появился ГКЧП, мои чувства были совершенно раздвоены. Если бы ГКЧП был детищем самого Горбачева, я бы просто его приветствовал. Я, кстати, был согласен с гэкачепистами, что тот договор, подписание которого они стремились сорвать и сорвали, означал конец СССР. Но во главе ГКЧП встали люди малопривлекательные и «невразумительные». Что они хотели, было непонятно. Было ясно только то, что проливать кровь они не хотели (в отличие от Ельцина, который потом, не задумываясь, проливал кровь и в Москве и в Чечне). После знаменитой пресс-конференции ГКЧП стало очевидно, что ничего из него не выйдет. Я помню, как моя мать (мои жена и дети

тогда уехали в поездку на теплоходе по Волге) спрашивает меня: «Что же теперь будет?». Я ответил: «Ничего не будет». У меня даже было впечатление, что организаторы «путча» устроили его для «очистки совести», чтобы сказать: «Я сопротивлялся».

Великое и смешное всегда рядом. По-моему, смешной и иллюстрирующий дух того времени эпизод — как я *не* участвовал в «героической обороне Белого Дома». Я не сочувствовал защитникам Белого дома и, кроме того, был практически уверен, что никакого штурма не будет. Но среди защитников, которые там собирались, было много моих знакомых. И я думал, что все-таки надо бы пойти и провести там ночь, чтобы потом стыдно не было — вдруг все-таки штурм будет. Больше всего я боялся одного — у меня был сильный остеохондроз, и я был уверен, что после ночи на открытом воздухе меня скрутит так, что я встать не смогу. Я договорился идти в ночевку со своим более молодым, чем я (тогда просто молодым), товарищем, который, как и я, был без жены — она тоже куда-то уехала. Я вообще фамилий не называю, но это было давно, у него теперь другая жена, и я могу его назвать. Это — журналист Алексей Панкин, сын тоже известного журналиста, который потом стал последним министром иностранных дел СССР. Я сижу дома, жду его звонка и думаю об остеохондрозе. Наконец, раздается звонок: «Приезжайте, я купил вина, у меня — девочки, все вместе и пойдем». Тут я почувствовал, что у меня появился моральный предлог отказаться — я сказал, что для девочек я уже стар, и остался дома, а он там гулял всю ночь. На следующий день приехала из поездки по Волге моя жена с детьми и громадным официальным портретом Горбачева. Их известие о ГКЧП застало на теплоходе, во время очередной остановки они пошли в книжный магазин и купили этот портрет как знак своей политической принадлежности.

После августа началась агония. На съезде народных депутатов РСФСР над Горбачевым открыто издевались. (Бог их потом за это наказал). Ельцин, который раньше говорил — «Берите столько суверенитета, сколько можете проглотить», теперь, решив, что он может встать на место Горбачева, стал угрожать республикам войной, если они выйдут из СССР, но потом передумал, и в декабре с СССР было покончено. Мужество, проявленное Горбачевым при всех этих событиях, на меня произвело очень сильное впечатление, но в народе никакого сочувствия к нему не было.

Постперестройка

После августа вся моя жизнь переменялась. Я пришел в ужас от победы «демократов» и со страху решил отбросить все и начать писать в газеты

и куда угодно, что мы идем к катастрофе, что победа демократов означает конец демократии, а распад империи означает войны.

Все оказалось лучше, чем я предполагал. Войны всех против всех не произошло. самого страшного — конфликта России с Казахстаном и с Украиной — удалось избежать. Я был уверен, что после 1991 г. очень быстро установится авторитарный строй с «фашизоидной» идеологией. Строй наш, конечно, демократическим не назовешь, но в 1991 году я не думал, что свобода слова продержится (пусть с ограничениями) до 2005 года и что даже через 14 лет в стране сохранятся некоторые демократические институты.

Я познакомился затем с Горбачевым и даже один год проработал у него в Фонде. Горбачев мне нравится и при близком рассмотрении. У меня вызывает восхищение те мужество и легкость, с которыми он пережил свое падение. Мне нравятся упорные, хотя, по моему, совершенно безнадежные и наивные, попытки создать у нас социал-демократию.

Не могу не рассказать еще одну удивительную историю, раскрывшую его с неожиданной для меня и не совсем понятной стороны. Был 1996-й год и он выставил свою кандидатуру в президенты. Для чего он это делал — не понимаю, как и многих его действий. Я, естественно, видел полную безнадежность этой затеи, но когда меня пригласили выступить во время его посещения «Московской трибуны», клуба, охраняющего диссидентские и «околодиссидентские» демократические традиции, я из чувства лояльности к нему согласился. (Из этого же чувства лояльности я голосовал за него, боясь, что он уж совсем ничего не получит). Я сказал тогда, что всеми теми элементами демократии, которые у нас есть, мы обязаны ему. Я говорил — вот все вы очень уважаете покойного Сахарова, и я, конечно, тоже уважаю. Но представим себе на минуту, что такого человека вообще не было. Что меняется? По-моему, ничего не меняется. А представим себе, что не было Горбачева — меняется все, и в худшую сторону. Врать мне не хотелось, и я сказал — я не знаю, сколько голосов он получит, но я знаю, что это число будет показателем того, насколько наш народ готов к демократии. Я выступил довольно удачно, но ничего особенного я не сказал. На Горбачева же это произвело неизгладимое впечатление. Он потом много раз и устно, и в интервью в газете говорил, что вот, Фурман сказал, что моя роль — больше, чем роль Сахарова, но в том, что наш народ не готов к демократии, я с ним категорически не согласен. Два раза он говорил об этом при мне. Я до сих пор не понимаю, неужели сказать, что его роль в истории — больше, чем роль Сахарова — для него такой уж большой комплимент. Как же он сам оценивает свою роль?

Представление о том, что «история со временем разберется», конечно, совершенно не верно. «До конца» понять значение какого-то события мы

не можем принципиально, и споры о значении перестройки и Горбачева будут идти столько же, сколько будет существовать историческая наука. Но я пишу о том, как я сам понимаю его роль и роль перестройки.

Я считаю, что роль Горбачева в нашей истории грандиозна, хотя его план не удался, и он потерпел поражение. Я убежден, что появление Горбачева и его перестройки было отнюдь не самым вероятным, может быть, даже одним из наименее вероятных вариантов развития событий в СССР 80—х гг. теперь уже прошлого века.

Победа перестройки, реализация горбачевского проекта постепенного и планомерного движения к демократии и рынку при сохранении государства и символической и духовной преемственности была, мне кажется, также маловероятной, но все же возможной. На этом пути были бы свои проблемы и трудности. Но многих бед не было бы. Не было бы войны в Чечне. Сохранялось бы мощное государство, которое могло бы активно участвовать в перестройке мира, могло стать действительным «партнером» Запада в построении мирового порядка, в котором могло бы и не быть Усамы бен Ладана. Не возникло бы чудовищных режимов Туркменбаши или Лукашенко. Не было бы социального расслоения таких размеров. Я не думаю, что мы могли бы на этом пути к 2005 году прийти к настоящей демократии, с возможностью демократической ротации у власти разных политических сил. Но есть громадная разница между медленным движением вперед, к демократии и очередным провалом и движением назад. Провал всегда — деморализация общества, у которого «опускаются руки».

Разумеется, в том, что Горбачев потерпел поражение, виноват и он сам — он сам спешил, поддавался давлению радикальной интеллигенции, с которой он, по-моему, считался значительно больше, чем это было нужно, и был демократическим политиком в совершенно не готовой к демократии стране. Он мог бы победить, если бы в нем было больше от Андропова. Он хотел «консенсуса» там, где его быть не могло, и уговаривал там, где надо было припугнуть. По-моему, он, как это ни странно для человека, прошедшего по всем ступеням громадной иерархии, плохо разбирался в людях и доверял людям случайным и часто не умным. Но все эти и многие другие его «недостатки» и «ошибки» — бесконечно малы по сравнению с чудовищной сложностью задачи, которую он добровольно взял на себя.

Реализация его проекта была бы лучшим вариантом развития, чем тот, который осуществился. Но если бы такой попытки вообще не было, если бы, например, падение советской власти (все равно не минуемое) произошло бы в форме свержения группой пьяных военных — «патриотов» какого-нибудь следующего Черненко, было бы еще во много раз хуже.

Но я думаю, что значение перестройки и Горбачева — значительно больше, чем их роль в историческом развитии нашей страны конца 20 — начала 21 вв.

Что такое великий политик — непонятно. Наше сознание так устроено, что великий политик для нас — обязательно великий злодей, не останавливающийся ни перед чем ради того, чтобы прийти к власти, укрепить ее и расширить — Иван Грозный, Петр Первый, Сталин. Были, конечно, в нашей истории политики, искренне стремившиеся к добру для своей страны и народа. Но я не знаю исторического деятеля, для которого это стремление к благу народа не совпадало бы со стремлением к власти и к расширению этой власти. Иногда Горбачева сравнивают с другим российским правителем-реформатором, Александром II. Но великая реформа Александра II — освобождение крестьян — никак его личную власть не затрагивала, а конституционные планы конца его правления возникли у него после шести покушений. Горбачев был единственный в русской истории политик, который, имея в своих руках полную власть, сознательно во имя идейных и моральных ценностей шел на ее ограничение и на риск ее потерять. У него были иные критерии успеха, он играл по другим и даже оставшимся непонятными для большинства правилам, играл в политике по правилам человеческой морали. И оценивать его успех надо по этим правилам.

По правилам политики он должен был остановить, пока не поздно, разбушевавшуюся стихию, сам организовать некий аналог ГКЧП и не в августе 1991 г., а значительно раньше. И не было бы поражения. Но по его правилам он этого сделать не мог. По его правилам это было бы поражением. По этим правилам его поражение было победой.

Только тогда, когда наши политики не будут цепляться за власть любыми доступными путями (как это делали и делают практически все пришедшие на смену Горбачеву руководители стран СНГ), постсоветское пространство начнет превращаться в зону нормальных, демократических государств. Это будет не скоро, но Горбачев хотя бы показал, что это в принципе возможно.

Поэтому для меня Горбачев — великий политик, может быть, самый великий в русской истории. В некотором роде он — оправдание российской и советской истории. Раз он мог подняться до самого верха по советской партийной иерархической лестнице (как — я все равно не понимаю), значит, не все в этой иерархии и вообще в советской системе было так беспросветно, как казалось. Раз он мог возникнуть в русской истории, на почве русской политической культуры, значит, не все так плохо в этой культуре. И раз такой государственный деятель был во главе нашего государства, значит, подобный ему возможен и в будущем.

НЕ ВОЗВОДИТЕ ХУЛУ НА ПЕРЕСТРОЙКУ!

Александр Ципко

Хула на Горбачева и его перестройку у меня вызывает протест. Внутренний, инстинктивный протест, как самооборона души, протест против вопиющей несправедливости. Горбачев у нас играет роль громоотвода. Его имя берет на себя все наши ошибки, все наши русские слабости, наше неразумие. Только нация, так и не ставшая субъектом своей истории, своей судьбы, могла так легко и беспечно сдать перестройку, как сделали мы. А ведь мы сдаем не перестройку, не ее творца, а сами себя. На каждом углу говорим, что в русской истории «черных дыр» не бывает, научились спокойно, философски относиться и к ленинскому, и к сталинскому террору, а один из самых светлых, праздничных периодов русской истории двадцатого века, даже первые годы перестройки, выбрасываем на свалку. Ведь до сих пор основная «народная» версия гласит, что «перестройку организовало ЦРУ», а «Горбачев продал СССР за деньги». Не от большого ума и здоровой души все это говорится.

Отвязанные, чаще всего откровенно злые, наполненные ненавистью и грязь слова о Горбачеве, о тех переменах, которые связаны с его именем, на мой взгляд, свидетельствуют о серьезной болезни нашего общества, Не только о болезни души, чувств и рассудка. Тут мы имеем дело с какой-то порчей, которую никакая цыганка не снимет. С этой порчей мы скорее всего снова вляпаемся в очередную, на этот раз последнюю, антирусскую революцию.

И самое страшное, что этими поверхностными, не столько злыми, сколько ироничными пренебрежительными суждениями о перестройке

Ципко Александр Сергеевич — обозреватель «Литературной газеты»; в начале перестройки был сотрудником Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, в 1986-1990 гг. — консультант Отдела социалистических стран ЦК КПСС.

живет и наша молодежь. Она, выросшая в эпоху тотальной иронии, вообще не умеет всерьез относиться к серьезным вещам. Политические свободы, уйма прав, которые нам, советским людям, не снились ни в молодости, ни в зрелом возрасте, свалились им на головы, как манна небесная. И они просто не в состоянии оценить то, что получили, не в состоянии понять, как трудно было человеку, наделенному от природы совестью и здравым умом, жить в советском обществе, тем более, во времена Сталина, как трудно было идти по тонкому льду марксистско-ленинской идеологии, чтобы не оступиться, чтобы, не дай Бог, не сказать вслух все, что ты на самом деле думаешь о великом «вожде народов», о его коллективизации, преимуществах колхозного строя.

Свобода, к сожалению, обладает у нас ценностью только для тех, кто ее не имел, кто знает, что такое ненормальное общество, где все естественное находится под запретом. Но для тех, кто вырос в нормальном обществе, трудно понять, что всего этого может не быть, может не быть права свободно судить обо всем, о чем хочешь. Привычка к норме погубила российскую интеллигенцию, которая только после прихода к власти большевиков поняла, что царизм все же был нормальным обществом, по крайней мере, по сравнению с совдепией.

Есть опасность, что внедренное в сознание нашей молодежи ироничное, в лучшем случае снисходительное отношение к Горбачеву и его перестройке переносится у них и на дарованные им политические свободы, на свободу совести, свободу печати, дарованное им право на историческую память, на правду о русской, советской истории, дарованное им право увидеть своими глазами мир, право, которое мое поколение получило на пороге пятидесятилетия. Это вдвойне опасно в условиях нашего порченого постмодернизма, когда совесть и моральные чувства не в почете, когда самая страшная правда о преступлениях Ленина и Сталина уже не вызывает у людей никаких эмоций и чувств.

Для того, чтобы понять, какие разительные перемены произошли в духовной, политической жизни России благодаря перестройке Горбачева, я советую всем его критикам, всем, кто возводит на него хулу, взять и прочитать, к примеру, выступление Горбачева на апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 года, двадцатилетний юбилей которого мы просто будем вынуждены отмечать через несколько месяцев. От какого чудовищного, топорного, так называемого языка марксистско-ленинской идеологии, мы начинали тогда уходить, и как осторожно, из-за угла Горбачев приносит благую весть, весть перемен. Говорит неожиданные от Генерального секретаря слова о необходимости «языка правды», о вредности пустословия, о том, что «человек слышит одно, а в жизни видит другое».

Не забывайте. Сама необходимость для интеллигентного человека делать из себя дурака и повторять слова о неизбежной победе коммунизма, о преимуществах социалистической экономики над капиталистической, о «загнивании капиталистического Запада» были страшной мукой для миллионов людей.

Никто не потребует возведения Горбачева в национальные герои. К сожалению, судьба его как политика и как человека драматична. Его человечность, его открытость ко всем человеческим радостям и слабостям, которые подвигли Горбачева как Генерального секретаря на перестройку, на освобождение от ханжества в идеологии и в жизни, оказались для него злым роком после отставки.

Горбачев как раз и хотел превратить социализм в нормальное общество, где ничто человеческое не чуждо, не чуждо зарабатывать деньги, жить в комфорте, если можешь. Горбачев хотел реабилитировать обыденность. Если он был бы другим, мы до сих пор молились бы на Маркса и Ленина, как дикари. Окажись на месте Горбачева другой человек, он бы никогда не выпускал вожжи из рук, ни с кем бы своей властью не делился.

В первые дни после отставки Горбачев очень болезненно и не без оснований переживал, как он говорил, «предательство интеллигенции, которой я все дал». Те же, кто оказались в те первые январские дни 1992 года рядом с ним, советовали ему стать более закрытым, трансцендентным, стать хоть на время человеком не от мира сего, не от политики. Я, например, не зная Горбачева, по наивности советовал ему сразу после отставки все бросить, уехать к матери в деревню под Ставрополь, побыть хоть немного наедине в родном доме, среди крестьян. издавать книги, для того, чтобы стать человеком, которого слушают.

Горбачев как политик много потерял после отставки. Но при всем этом он совершил несколько поступков, которые, кстати, в очередной раз навлекли на него гнев нашей «благодарной» демократической общественности.

Горбачев категорически возражал против организованного Ельциным в 1992 году так называемого суда над КПСС, на этот «суд» демонстративно не пришел. Это, кстати, говорит о том, что его совесть была чиста и что на него у Ельцина не было никакого «компромата». Горбачев с достоинством пережил все гонения, которые в отместку организовал «демократ» Андрей Козырев, конечно, по указанию Бориса Ельцина.

Горбачев по-человечески очень глубоко пережил расстрел Белого дома октября 1993 года, перед телекамерами всех ведущих компаний мира осудил эту варварскую акцию, осудил гибель невинных людей. Я сидел в его кабинете в Горбачев-фонде вместе с ним и с Георгием Хасроевичем Шах-

назаровым с восьми часов утра и наблюдал, как он по-человечески переживал, сочувствовал тем, кто в те минуты был в Белом доме.

Поэтому, на мой взгляд, если бы мы были здоровой нацией, которая все-речь, по-умному относится к своему историческому достоянию, то мы должны были бы, пока не поздно, изменить свою точку зрения на перестройку, рассматривать ее по крайней мере в общей цепи всех трагических событий российской истории XX века, рассматривать Горбачева как ответ на народный запрос, на правду, на восстановление в правах морали, совести, просто здравого смысла.

Ведь не случайно все, даже те, кто на него сейчас возводит хулу, восхищались сначала, по крайней мере, первые два года, новым Генеральным секретарем, его молодостью, его свежестью, его желанием быть ближе к людям, к правде жизни, его желанием завершить до конца дело, начатое Хрущевым, реабилитировать Бухарина, всех жертв сталинских репрессий, убрать страх из нашей не только политической, но и обыденной жизни.

Согласитесь, Горбачев был первым Генеральным, который не внушал страха, опасений, связанных с очередным закручиванием гаек.

Горбачев не делал ничего, что бы от него не ждали люди, чего не требовала сама логика развития советского общества. Ведь не только Горбачев, но и подавляющая часть интеллигенции, все шестидесятники, верили, что социализм можно соединить с правдой, с демократией. Конечно, Горбачев своей перестройкой подражал сознательно или бессознательно деятелям пражской весны, подражал Ярузельскому с его реформами, с его диалогом с так называемой «конструктивной оппозицией».

Ярузельский, с которым я провел несколько бессонных ночей, переводя его выступление на торжественном заседании в Кремле, посвященном семидесятилетнему юбилею Октября, с польского на русский язык, говорил, что его поражает открытость Горбачева, его способность войти в положение своего собеседника.

Но ведь все, кроме закоренелых сталинистов, хотели того же, а именно, чтобы СССР стал похож на социалистические страны Восточной Европы, где люди более свободно выезжали на Запад, где более мягкой была идеологическая цензура, где терпимее было отношение к рынку частной собственности. Ведь все те, кто, как Леонид Баталин, Виктор Шабал, Галина Старовойтова, в 1989 году начали атаку на Горбачева за его «аппаратную перестройку», еще в 1986, даже в 1988 году не мечтали о большем, чем о переходе Горбачева на позиции социализма с человеческим лицом. Никогда не забуду, как в ноябре 1989 года на международной конференции в Бергамо (Италия) идеолог «Демократической России» Леонид Баткин критиковал меня как антикоммуниста за недооценку эвристической и гу-

манистической ценности учения Маркса о коммунизме. Горбачев в первые годы перестройки, как и все шестидесятники, хотел вернуться к позднему Ленину и Бухарину эпохи «обогащайтесь» и начать все с начала. Горбачев разделял иллюзии подавляющей части советской интеллигенции о том, что, если бы не Сталин, все могло быть по-другому, более благопристойно. Кстати, подавляющей части нынешних российских либералов крайне болезненно давался переход от того, что они называли «подлинным марксизмом», к антикоммунизму.

Меня поражает мой коллега по работе в Академии наук СССР Сергей Караганов, который сейчас публично, в радиоэфире обвиняет Горбачева и его команду за то, что они не понимали, что творили. А разве кто-то из нынешних критиков Горбачева из либерального лагеря знал, предлагал что-нибудь, кроме проекта Дубчека, конечно, как выяснилось, утопического проекта соединения социализма с демократией, кроме проекта восстановления общечеловеческой морали, восстановления христианского «не убий». Нет, не знал.

До того момента, как началась первая в истории человечества трансформация первого в истории социалистического государства, никто в мире не знал, что обратное превращение государственной собственности в частную связано с громадными моральными издержками, с чудовищной коррупцией. Никто не думал, что приватизация приведет к прямо противоположному эффекту, к чудовищной коррупции и маргинализации значительной части населения, что новые собственники, вместо стремления модернизировать в прошлом государственные предприятия, сделать их более эффективными, просто их разграбят, продадут по кускам, а на вырученные деньги будут «гулять» на Лазурном берегу во Франции. Никто не предполагал, что новая, демократическая элита вместо того, чтобы обустроить новую Россию, начнет обустраивать свои виллы и дома как можно дальше от своей Родины.

В целом подлинный советский интеллигент, живущий страстью разрушения КГБ, ненавистного государства, вообще не осознавал, на чем держится общество и общественная жизнь, не понимал, что наряду с проблемой свободы есть проблема безопасности, проблема формирования «сдержек и противовесов» не только в политической системе, но и в семье, в душе, в желаниях каждой личности. В вопросах строительства новой жизни советская интеллигенция, наши славные шестидесятники оказались еще более невежественными, более самонадеянными, чем их предшественники, русские либералы, свалившие в феврале 1917 года самодержавие.

Горбачев с его перестройкой, с его демократизацией вырос как отрицание проекта Косолапова — Черненко, как отрицание программы развер-

нутого строительства коммунизма, тотального обобществления средств производства и возврата к классовой, ленинской морали.

И самое поразительное, так это критика Горбачева за то, что он реабилитировал так называемую «общечеловеческую мораль».

К сожалению, в данном случае мы имеем дело просто с проявлением философского невежества, с проявлением дефицита гуманитарных знаний. Реабилитация общечеловеческой морали, «общечеловеческой совести» в противовес классовой морали Маркса и Ленина, началась в СССР задолго до перестройки Горбачева. Уже поздний Ленин в своем политическом завещании вдруг неожиданно для всех предлагает судить о гражданской войне с точки зрения человеческой жизни как «высшей ценности». Это уже переход на позиции христианского «не убий».

Хрущев, конечно, не понимал, что своим докладом на XX съезде КПСС в 1961 году он ставит крест на марксизме-ленинизме и начинает судить Сталина за то, что он отступил от общечеловеческой морали, за то, что он убивает невинных.

И совсем уж смешно, когда на Горбачева за его «общечеловеческую мораль» ополчаются наши патриоты-почвенники. Задолго до перестройки, не Солженицын, а Валентин Распутин с помощью своей героини Дарьи в романе «Прощание с Матерой» критикует коммунизм и марксизм за отступление от простой, общечеловеческой морали. Коммунизм, говорит его героиня, меряет человека таким широким аршином, что нельзя понять, кто он, добрый или злой.

Когда Горбачев говорил об общечеловеческой морали, то он имел в виду реабилитацию морального, нравственного чувства, то, что советские этики уже во второй половине шестидесятых называли «общечеловеческой совестью». Уже в конце шестидесятых Отдел науки ЦК КПСС ничего не мог сделать с Олегом Дробницким, который доказывал, что «чувство совести» не имеет классовой природы.

Перестройка была велением эпохи, запросом подавляющей части советской интеллигенции, наиболее активной части населения. Другое дело, что не будь Горбачева, она могла состояться намного позже. Критики Горбачева и со стороны патриотов и со стороны либералов не видят самое главное, что никакие страхи, никакое КГБ, никакой Отдел науки ЦК КПСС не могли остановить естественный процесс ухода советского общества от противоестественной, античеловеческой морали гражданской войны, когда мораль и совесть выведены за рамки общественной жизни, когда, как писал Ленин, нравственно все, что служит делу коммунизма. И чем выше был уровень образования общества, тем сильнее был запрос на то, что выразил Солженицын, был запрос «жить не по лжи».

Кстати, политическая реабилитация общечеловеческой морали, совести была неизбежной, ибо уже со времен Сталина образование в стране было построено на классической, по природе православной русской литературе.

Вот почему я говорю, что безответственная хула на Горбачева закрепляет нашу укорененную леность мысли, нежелание думать, понимать природу советского общества, в котором мы жили, понимать его протivoестественность, его изначальную обреченность как утопии у власти.

Тем более нельзя так легковесно, с нарочитым примитивизмом относиться к Горбачеву и к его перестройке тем, кто называет себя патриотом, тем, для которых Россия не «эта», а своя страна. Ведь предвзятое, нигилистическое отношение патриотов к перестройке на руку их врагам, кто полагает, что русские, если и совершают нечто выдающееся, то по глупости, как-то нечаянно, что на самом деле за перестройкой стоит не народный порыв к правде и совести, не стремление крестьянки Дарьи жить по правде, отличать злого человека от доброго, а так называемое «поражение СССР в холодной войне».

Патриоты, сдающие перестройку, демократические реформы конца восьмидесятых, из-за своего раздражения Горбачевым, на самом деле сдают один из самых выдающихся подвигов народов России и, прежде всего, русского народа, а именно освобождение себя от коммунистического тоталитаризма. И Хрущев, и Горбачев отражали глубинные запросы русской души. Хорошо помню, что при всех страхах, связанных со смертью Сталина, весной 1953 года никто, ни стар, ни мал не хотел нового Сталина. Все ждали, хотели перемен, хотели хоть каких-то послаблений.

Нас никто не освобождал от диктатуры учения Маркса и Ленина. Мы сами себя освободили. Надо хотя бы это понимать и ценить!

Кстати, во всей этой хуле перестройки со стороны патриотов есть много просто несправедливого. Да, русский народ очень много потерял из-за процессов, спровоцированных перестройкой. Русские в большинстве оказались неподготовленными к рынку. Но ведь русский человек, благодаря перестройке, приобрел все, что у него отняли большевики. Возрождение русской православной церкви, являющейся хранительницей русского духа, началось во время перестройки, по инициативе Горбачева. Возвращение русскому народу всей правды о его истории, о гражданской войне 1917 — 1920 годов, возвращение ему нравственного подвига героев белого движения, подвига Деникина и Врангеля, произошло во время перестройки. Возвращение русскому народу всех богатств русской религиозной философии, всех богатств русской общественной мысли произошло во времена Горбачева, кстати, по инициативе Александра Яковлева. В конце

концов, реабилитация антикоммунизма Солженицына произошла во времена Горбачева.

Перестройка создала все необходимые политические условия для полноценного гуманитарного, духовного образования, для возвращения русского человека в контекст своей национальной истории, в контекст движения русской общественной мысли. Я понимаю, когда всего этого не видит догматик марксист-ленинец с заскорузлыми, покалеченными мозгами, который живет классово-ненавистью ко всему совершенному. Но для меня является загадкой, почему эти очевидные достижения перестройки, то есть произошедшую в те годы реставрацию русской культуры и мысли, не видят люди, считающие себя патриотами, почитающие Россию. Ведь не вина Горбачева, что возвращенные народу духовные богатства оказались никому не нужными.

Не к лицу, прежде всего красным патриотам хулить Горбачева за его несоответствие во многих отношениях воображаемой роли лидера советской России. Мои дорогие, в государстве рабочих и крестьян, которое вы славите, но где на корню была уничтожена вся национальная элита, где были уничтожены семьи, воспитывающие достойных, образованных патриотов, желающих служить России, не могло быть по-другому. Даже патриотизм, внутренняя преданность русскому государственному наследству, характерные для Сталина, шли не от марксизма и ленинизма, а вопреки ему, от царской духовной семинарии, от русской имперской цивилизации. Поэтому Сталин был «оборонцем».

На мой взгляд, для того, чтобы честно и объективно оценить перестройку Горбачева, надо все же отличать ее побудительные моральные мотивы от ее негативных результатов. Перестройка не создавалась, чтобы конвертировать власть в собственность, как это утверждают Егор Гайдар и Гавриил Попов. По крайней мере, и Михаил Горбачев, и Владимир Медведев, и Александр Яковлев как типичные представители партийной советской интеллигенции, выше всего ставили идейные, моральные мотивы.

Конечно, не будь демократических перемен, вызванных перестройкой, не произошел бы распад СССР, по крайней мере, в 1991 году. Но приди на место Горбачева какой-либо мастодонт типа Константина Устиновича, и могли бы влезть во имя идеи, во имя верности коммунистической идее в очередной Афганистан, который нанес бы нам урон уже совсем другим макаром. Не стоит забывать, что, благодаря Горбачеву, была устранена самая главная угроза, опасность термоядерной войны.

Мы часто забываем, что между началом перестройки, между апрельским Пленумом ЦК КПСС 1985 года, на котором Горбачев впервые робко заговорил о гласности, о языке правды, о недопустимости расхождения

между словом и делом, и беловежскими соглашениями лежит огромный отрезок времени длиной в шесть лет, где уже происходили многие события, зависящие не от Горбачева, а от масс, ныне проклинающих его.

Вина Горбачева, что он не просчитал все последствия освобождения советской интеллигенции, не учел, что она сразу же начнет использовать блага демократии против него, против перестройки, государства. Он не учел, что люди, которых он спасал от государственного гнета, не знают чувства благодарности, что они будут, как Андрей Дмитриевич Сахаров, требовать сразу всех свобод, что по природе российская, а, тем более, советская интеллигенция не знает ни чувства меры, ни чувства совести, ни ответственности. Конечно, только сумасшедший, ничего не понимающий в советской экономике человек мог обещать провести реформы за 500 дней.

Но вина нашего славного русского народа, огромная вина состоит в том, что он всегда верит этим авантюристам, которые обещают ему сказки, обещают ему рай на земле, здесь и сразу. Ведь, в конце восьмидесятых — начале девяностых повторилось все, что произошло в семнадцатом. Тогда наш славный народ поверил большевикам, что они сразу дадут мир, землю, а рабочим фабрики. Теперь он поверил Ельцину, который заверил, что он, в отличие от «нерешительного и медлительного» Горбачева, уже за два года принесет благоденствие и процветание. Они поверили Ельцину, что курс на суверенный РСФСР сделает их богатыми, что теперь все богатства недр будут принадлежать только населению РСФСР.

Люди забыли или хотят забыть о том, что Горбачев, в отличие от Ельцина, не хотел ни распада СССР, ни обвальная, тотальной приватизации. Ведь и распад СССР, а позже — обвальная приватизация, произошли потому, что наш народ уже в 1990 году отвернулся от Горбачева и сделал своим кумиром Ельцина, который наобещал в течение нескольких лет всех сделать богатыми. Ведь во всем этом поклонении русского народа Ельцину было что-то болезненное, безрассудное. Люди забыли, что они окончательно оставили Горбачева тогда, когда он, вопреки всему, сказал слово «социализм». А теперь все, кто ненавидит Горбачева, с теплотой вспоминает о нем.

Многие простые люди потому и навешивают всех собак на Горбачева, что им стыдно за свое увлечение Ельциным, за то, что они, как самые последние лопухи, поддались на увещания и посулы демократов. Распад СССР на самом деле произошел не по вине Горбачева, а, прежде всего, по вине народа РСФСР и, в первую очередь, русских, которые активно поддержали идею суверенной РСФСР, идею выделения РСФСР из состава СССР. Ведь Ельцин в июне 1991 года шел на президентские выборы под флагом обособленной, суверенной РСФСР.

Советский генералитет, весь офицерский корпус ничего, абсолютно ничего не сделал для спасения страны тогда, в трагические месяцы осени и начала зимы 1991 года. Наши генералы и полковники, на глазах которых по инициативе Ельцина рушилась страна и армия, и пальцем не пошевелили, чтобы остановить этот беспредел. Они, как выяснилось, мечтали о другом, о карьере славного Кобца, который за один день сразу приобрел несколько звезд на погонах.

Теперь многие бывшие поклонники политических талантов Ельцина говорят, что они не понимали, о чем идет речь, о том, что тогда им «было трудно разобраться в том, что происходило». Но ведь, господа-товарищи, если вы не могли разобраться, то тогда не надо валить с большой головы на здоровую, тогда хотя бы надо отделить в сознании прегрешения и несомненные ошибки Горбачева от вины и ответственности Ельцина. И дело тут не в восстановлении исторической справедливости, а о зарождении у нашего народа способности мыслить о своей национальной истории, способности отличать возможное от желаемого.

Завершу эту статью о перестройке Горбачева тем, чем начал. Хула демократических перемен второй половины восьмидесятых свидетельствует о нашей неготовности или неспособности всерьез заняться осмыслением истории, которую мы сами, ныне живущие русские, творили, заняться анализом слабостей и пороков того, что мы называем «русской душой». Сколько раз можно наступать на одни и те же грабли? Может быть, пора научиться отвечать за свой политический выбор, покончить со своими надеждами на чудо, научиться думать. Драма перестройки — это не только драма Горбачева, но и драма нашей истории. Действительно грустная история. А я так хотел оптимизма.

Двадцать лет спустя...

Лилия Шевцова

Даже не верится, что с момента начала горбачевской оттепели прошло двадцать лет — целая человеческая жизнь! И сколько событий вместили эти годы: обвал ядерной сверхдержавы, державшей в напряжении весь мир; смена трех политических режимов; две гражданских войны; несколько экономических кризисов (да каких!); калейдоскоп правительств и, наконец, смена исторического цикла — от революции к реставрации.

Структурные сдвиги прошли по человеческим судьбам, переломав многие, и сформировали новые поколения, которые уже не знают, что такое коммунизм и СССР. Наконец, события 2004 года, как нарочно, были запрограммированы для того, чтобы показать, насколько маятник истории качнулся в сторону, противоположную перестройке, как будто для того, чтобы напомнить о том времени, из которого Горбачев когда-то выводил страну, либо по крайней мере пытался вывести.

Годовщина перестройки может стать поводом для того, чтобы обернуться назад и поразмышлять о том времени, о том, что оно значило для нас — каждого в отдельности и общества, частью которого мы являемся. Конечно, с исторической дистанции лучше обзрываются тенденции и проблемы и размышляешь над ними намного спокойнее. Хотя одновременно теряешь ощущение присутствия и нерв событий. Глаз замыливается, и не потому, что в памяти стираются детали, а скорее потому, что начинаешь выстраивать события в рамках своего видения. А потому картина вновь оказывается

Шевцова Лилия Федоровна — ведущий исследователь, руководитель Программы посткоммунистических институтов Фонда Карнеги за международный мир, профессор МГИМО МИД РФ; в начале перестройки — старший научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, старший научный сотрудник Института экономики мировой социалистической системы АН СССР

пристрастной. Но, что поделать — история в личностном восприятии не может быть объективной.

Закон непредвиденных последствий

Споры о том, что думал Михаил Горбачев и его команда, когда они начинали один из величайших исторических поворотов и, возможно, самый значительный поворот двадцатого века, будут продолжаться бесконечно. Хотя бы потому, что одна интерпретация истории просто невозможна, особенно такой противоречивой и драматической истории, как падение СССР. Но есть определенные вопросы, в понимании которых сходятся как сами горбачевцы, так и многочисленные и самые разные исследователи этой эпохи. Так, уже есть относительное согласие относительно того, что Горбачев по своим устремлениям был типичным, классическим реформатором. А это значит, что он долгое время, возможно, до конца своего правления, стремился обновить, улучшить социализм, пытаясь избежать окончательного разрушения государства и системы.

Впрочем, я не исключаю, что в какой-то момент на завершающем этапе своего правления Горбачев, возможно, ощутил, что обновить социализм невозможно и нужно было начинать подводить ему итог. Но он уже не мог вычеркнуть свою предыдущую миссию и большую часть своей жизни и из реформатора превратиться в осознанного могильщика социализма. Любая политическая личность не терпит столь радикальных перевоплощений — она теряет цельность и разрушается. Да и общество вряд ли восприняло бы подобное перевоплощение Горбачева и легитимировало бы его. В политической истории пока не было случая, когда лидеры столь кардинально меняли свои роли и при этом оставались наверху. Согласно железному закону трансформации каждый ее очередной этап вызывает потребность в новом лидере, новом обосновании политики и приходе новой команды. Словом, по иронии судьбы логика процесса требовала от Горбачева уйти, когда миссия, которую он пытался осуществить, была исчерпана.

Михаил Сергеевич Горбачев оказался социал-демократом, который пришел слишком рано — он пришел в период, когда для социал-демократии в России еще не возникли условия. Кроме того, как показал опыт всех бывших коммунистических государств, из коммунизма нельзя выходить через социал-демократию. В данном случае развитие идет в противоположном направлении, к отрицанию социальной справедливости и вообще социального вектора развития, дискредитированного коммунизмом. Во всех посткоммунистических обществах, даже тех, где трансформация приняла относительно мягкий характер, не удалось успешно сочетать, с

одной стороны, дегерметизацию и внесение политических и экономических свобод, а с другой — принцип справедливости.

Короче, очевидно, что Горбачев начал процесс обновления коммунистического режима, вовсе не ставя цель разрушения советского государства. Но на практике, отменив насилие и отделив компартию от государства, он нанес сокрушительный удар по двум составляющим традиционной русской системы — нерасчлененной власти и силовому способу ее легитимации и удержания. Именно Горбачев ввел выборы как новый способ легитимации российской власти. Причем парадоксальным образом именно выборы стали миной замедленного действия для советской системы, вызвав ее обвал и падение самого президента. Это и есть пример действия закона *непредвиденных последствий*.

Впрочем, почти все общественные трансформации начинались таким образом. Не исключено, что лидеры, ставшие во главе процесса с непредвиденными последствиями, поразмыслив, все же отказались бы пойти по этому пути, если бы они знали, к чему приведут их действия. В этой связи возникает вопрос: а можно ли причислять Горбачева к трансформационным лидерам, если сам процесс трансформации вырвался из-под их контроля и привел к незапланированным и нежелательным и для лидерства, и для части общества результатам? Думаю, что на этот вопрос можно ответить утвердительно, хотя бы потому, что большинство трансформационных лидеров в истории действовали по наитию и не всегда могли предвидеть последствия своих действий. Впрочем, определить соотношение осознанных и неосознанных действий, запланированного и непредвиденного в период реформ, а тем более антисистемной трансформации, очень сложно, а иногда и невозможно.

Поэтому приходится делать вывод на основе результатов того или иного лидерства, а не предполагаемых их мотивов. Результатом деятельности Михаила Горбачева является разрушение партийного государства и сверхдержавы. Однако, как показал дальнейший процесс, горбачевская команда перестройщиков так и не сумела создать гарантии полной необратимости всех посткоммунистических процессов. Она не могла этого сделать объективно, ибо управляла обществом лишь на стадии разрушения старой системы. Но уже на протяжении перестройки Горбачеву все же удалось сделать советскому обществу и советской элите ряд прививок, которые создали основания по крайней мере для частичной необратимости процессов 80-х гг.

О чем идет речь? Прежде всего, о конце «холодной войны». Как бы ни развивались события на международной сцене дальше, трудно предположить, что Россия и Запад могут вернуться именно к этой парадигме отношений хотя бы в силу асимметрии их ресурсов. Горбачев сумел приучить и

общество, и элиты к определенному уровню плюрализма и свобод. В каком бы направлении ни повернула теперь Россия, полностью ликвидировать эти политические привычки невозможно. Все это говорит о том, что уже на этапе перестройки начался процесс трансформационных преобразований, т.е. реформ, которые подрывали старую систему.

Что перестройке удалось?

Горбачевская Перестройка была процессом, который разрушил традиционный механизм упорядочивания общества в России и одновременно механизм упорядочивания геополитического пространства, возникший после второй мировой войны. И до сих пор ни в России, ни в мировом политическом пространстве не сформировались окончательно новые формы и механизмы упорядочивания и потому не будет преувеличением сказать, что до сих пор мы живем *в постперестроечном мире*.

Если говорить о последствиях перестройки именно для России, то ее итогом стал не только распад старой формы существования России — СССР, но и подрыв привычного для России способа управления обществом через насилие и персонифицированную власть. В дальнейшем, правда, оказалось, что Россия и ее политический класс оказались неготовыми создать систему противовесов и независимых институтов и при Ельцине Россия вернулась к персонифицированной власти, но уже власти, легитимированной выборным способом. Думаю, вернее, надеюсь, что несмотря на усиление централизации и авторитаризма в последние годы все же удалось закрепить этот прорыв за пределы старой традиции и, по крайней мере, высшая власть в России будет легитимироваться выборами. И этим прорывом мы обязаны перестройке.

Правда, Россия, выбравшись из одной системы, к другой не перешла, да и не могла перейти сразу, и оказалась в серой зоне, в сумерках, став своеобразным гибридом. И логика существования такого гибрида очевидна, о чем свидетельствует и мировая история, — если общество не движется в сторону более четких демократических правил, то возникшие в годы перестройки демократические институты постепенно вырождаются и страна откатывается назад. А следовательно, через какое-то время нужно начинать новую перестройку. Вопрос для сегодняшнего российского политического класса и общества состоит в том, насколько они готовы вернуться в прошлое, и если да, то когда они осознают, что это прошлое ничего, кроме стагнации и загнивания не принесет...

А теперь о международных последствиях перестройки. Она уничтожила биполярную систему мира и очистила поле для единственной сверхдержа-

вы — Америки, на сей день самой мощной мировой державы. Между тем, как свидетельствуют события последних двух лет, в частности, в Ираке, гегемонизм Америки, несмотря на целый ряд положительных элементов, не способен находить — пока во всяком случае — рациональное решение международных проблем. Этот гегемонизм должен быть подкреплен более эффективной системой международных институтов. А существующие международные институты, в том числе и ООН, и Совбез, в их нынешней форме, стать такой системой, видимо, не способны.

Мы имеем возможность наблюдать раскол и даже трения в западном сообществе. Они тоже прямое следствие перестройки, т.е. ликвидации СССР как фактора, который консолидировал западное сообщество. Внутри западного мира возникает плюрализм в понимании основных целей и задач в рамках международных отношений и в понимании либерально-демократических ценностей. «Старая Европа» и Америка демонстрируют неодинаковое видение мирового порядка. России в этих условиях тоже приходится выбирать — если не партнеров, то видение ценностей и приоритетов.

Словом, мы продолжаем жить в мире, который все еще пытается справиться с последствиями перестройки, ответить на вызовы, которые были вызваны Горбачевым. Иногда ответить получается, иногда нет. Не исключено, что более адекватный ответ на эти вызовы может дать следующее поколение, которое не будет ограничено нашей ментальностью и инерцией представлений доперестроечного мира, которого, в сущности, уже нет.

Что не удалось и почему?

Когда задаешь себе этот вопрос, то почему-то в первую очередь начинаешь думать о том, что не удалось Горбачеву. И понятно почему — по крайней мере в тот период власть была еще совершенно персонифицирована и основана на субординации. А потому именно лидерство было единственным работающим политическим институтом, ответственным за движение общества. Горбачев в своих мемуарах сам дал себе оценку и сказал о том, чего он так и не смог сделать, по крайней мере на начальном этапе перестройки. Горбачев, по его мнению, не смог разделить правящую компартию и создать новую, на сей раз социал-демократическую партию на основе реформаторского крыла КПСС. Он не сумел более решительно начать реформировать экономику и высвободить экономическую инициативу общества. Словом, он сам себя лишил новой политической и экономической опоры, а потому был вынужден опираться на аппарат и старое государство, которые крепко держали его в своих тисках.

Кроме того, на завершающем этапе перестройки Горбачев попал под пресс ускоряющихся событий, когда одно цеплялось за другое, и не было времени продумать все последствия тех или иных шагов. Словом, началась гонка со временем. Это была та фаза реформирования либо трансформации, когда большинство лидеров теряют контроль за процессами и вынуждены следовать за событиями. Но и на этом этапе, думается, Горбачев еще имел возможность, пусть и ограниченную, совершить прорыв — резко дистанцироваться от консервативной части аппарата и сформировать спаянную реформаторскую команду. Определенное время, во всяком случае — до начала 1991 года, он, думаю, имел и поле маневра в его отношениях с Борисом Ельциным и российской политической командой и мог использовать эти отношения для обеспечения более мягкого процесса преобразования СССР. Но опять-таки, я делаю этот вывод на основе данных, которые я сама оцениваю субъективно. Не исключено, что на протяжении 1990 — начала

1991 гг. Горбачев уже окончательно попал в западню ускоряющегося времени, влияния консервативной части советской бюрократии и собственной неготовности к прорывам, а, возможно, и своего стремления уравновешивать крайние тенденции, что не давало ему возможности идти на радикальные шаги. А потому мое заключение о существовании у него в этот период поля для маневра может быть ошибочным.

Но все это размышления, которые ставят события исключительно в зависимость от лидерства и его эволюции. Между тем были и другие факторы влияния и, в первую очередь, настроения и возможности элитных групп и самого общества, которые с началом перестройки стали играть в России все более активную роль. То, что удалось и не удалось в годы перестройки, — это и еще наша ответственность, т.е. ответственность людей, которые были активны в политической либо интеллектуальной сферах. Были ли готовы элиты и общество к перестройке и к выходу за пределы перестроечного мышления, т.е. к более серьезным реформам? На уровне эмоций и ожиданий — несомненно. Сам процесс перестройки очень быстро радикализировал общество и вскоре ему стало тесно в рамках парадигмы обновления социализма, и общество пошло вперед. Я помню свое собственное нетерпение в те годы и состояние постоянного раздражения в отношении Горбачева. Мне казалось, что все, что он делал тогда, было слишком, ну слишком медленно. Казалось, что можно было идти вперед более решительно, быстрее менять людей и структуры, избавляться от балласта. Горбачев в какой-то момент перестал спешить и даже начал сдерживать события. Он стал делать ставку на странных персонажей, отдалял от себя демократически настроенных интеллектуалов, которых любил приглашать к себе в первые годы перестройки

ки. Он явно начинал не поспевать. Это было не только мое впечатление. Так думали многие мои коллеги и друзья.

Между тем, когда начинаешь размышлять после стольких лет, то приходишь к выводу, что мы, горя нетерпением и атакуя Горбачева в те годы, тем не менее, мало что могли ему предложить. Демократически настроенная элита так и не создала цельной концепции развития рынка и формирования новых политических институтов, а главное — увязки политической и экономической реформ. Да, было много общих слов, но они не были переведены на уровень конкретной национальной повестки дня. Да, были дельные предложения — но их инициаторы так и не смогли убедить Горбачева в их рациональности и необходимости. А тогда еще можно было убеждать и власть все еще слышала общество.

Словом, мы все бросились в открытую перестройкой дверь. Но при этом мы не очень размышляли о деталях, об институтах и механизмах, о черновой работе по реформированию. У Горбачева в обществе была демократическая интеллектуальная опора, но у него была слабая экспертная база. И дело даже не в том, что он не привлекал специалистов либо не понимал их. Дело было и в том, что не было в России в тот момент тех, кто мог бы заниматься проектированием новых структур в момент, когда начинала разваливаться старая система.

Другим странам — Польше, Венгрии, Чехословакии в этом смысле повезло больше. К концу 80-х гг. там уже было несколько поколений реформаторов, которые серьезно задумывались о системных преобразованиях на уровне экспертного осмысления, а не критики и риторики. Поэтому, когда пришел момент переформатировать коммунизм, его экономические и политические структуры, в тамошних обществах нашлись не одиночки, а целые команды, которые смогли взять на себя ответственность за системный прорыв. Несколько поколений реформаторов, пытавшихся улучшить социализм, накопили достаточный опыт поражений и понимания того, что от реформ нужно переходить к трансформации системы. В России такого опыта реформаторских поражений и понимания пределов старого государства не было. Не было и экспертов, готовых технически проработать вопрос о строительстве новых институтов. И это тоже сыграло свою роль в том, что события в какой-то момент опередили перестройку и перестройщиков.

О прошлом и настоящем.

Эволюция политической жизни в России в период правления Владимира Путина, усиление унитарных тенденций, сужение политических свобод и политического плюрализма — все это свидетельствует о развитии рестав-

рациональных импульсов. Несмотря на бурные процессы открытия российского общества конца 80-х и 90-х гг., в России все еще не только сохраняется остов традиционной системы, но и происходит его укрепление.

Монопольно-корпоративное начало, некоторое время ослабленное, вновь возобладало в политической жизни страны и порождает соответствующую тенденцию в экономическом развитии. Возврат к централизму и субординации, естественно, возрождает немало советских стереотипов, которые генетически заложены и в авторитарной модели власти, и в еще сохраняющейся советской номенклатуре, которая сохранила свои позиции в системе управления. Возрождается то, с чем Горбачев пытался бороться и что он хотел ликвидировать в 80-е гг.

Нынешний вектор российского развития заставляет вновь возвращаться к вопросу о том, насколько обратимы процессы демократизации и либерализации, насколько окончательно сближение России с западным сообществом. Размышления о перестройке, ее корнях, ее движущих силах и ее последствиях для России и для окружающего мира вполне могут стать поводом для конструктивного обсуждения нынешних российских проблем. Не исключено, что Россия должна еще раз пройти через период авторитаризма, на сей раз в более технократической и не идеологической упаковке, для того, чтобы окончательно убедиться в том, что авторитарная модернизация является мифом и не способна ответить на постиндустриальные вызовы, которые стоят перед Россией. В таком случае анатомия Перестройки может помочь новому поколению российских реформаторов избежать иллюзий 80-х гг. и сократить путь к окончательной трансформации Русской Системы с ее независимой от общества самовоспроизводящейся властью.

Часть III.

В зеркале общественного мнения

Перестройка и «фактор Горбачева» в общественном мнении
Запада и СССР, 1985-1991 гг. *Ольга Здравомыслова*

Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя.
Михаил Горшков, Владимир Петухов

Перестройка и «фактор Горбачева» в общественном мнении 1985 – 1991 гг.: Западная Европа, США, СССР¹

Ольга Здравомыслова

Привычка видеть в опросах общественного мнения и реакции СМИ барометр социальных изменений, внимательно следить за его показаниями — укоренена в политической культуре европейцев и американцев. Поэтому сразу после того, как весной 1985 г. в СССР был провозглашен курс перестройки, восприятие событий в нашей стране стало темой регулярных опросов общественного мнения и постоянной темой СМИ в Западной Европе и США. Совсем иначе выглядела ситуация в Советском Союзе, где организация в конце 80-ых годов ВЦИОМа (Всесоюзного центра изучения общественного мнения), начало проведения представительных опросов населения, публикация их результатов, обсуждение в СМИ — были частью политики гласности и знаком перестройки массового сознания.

Спустя пятнадцать-двадцать лет тогдашние суждения и оценки обнаруживают то, что, возможно, не в первую очередь бросилось в глаза современникам. Один из центральных пунктов здесь — восприятие общественным мнением «фактора Горбачева» в событиях середины 80-ых — начала 90-ых годов.²

Здравомыслова Ольга Михайловна — руководитель общественно-политического Центра Горбачев-Фонда, кандидат философских наук; в начале перестройки — научный сотрудник Института социологии СССР.

Образ СССР и восприятие Горбачева в Западной Европе

Опросы общественного мнения, проводившиеся Информационным Агентством США (USIA), Институтом Гэллага (Gallup Organization) и Евробарометром (Eurobarometer), содержат впечатляющую информацию о том, как изменялось на протяжении тридцати пяти лет (1954–1989 гг.) восприятие европейцами Советского Союза в четырех ведущих западноевропейских странах (ФРГ, Франции, Италии и Великобритании)³. Это задает контекст, в котором сформировался феномен особенного отношения европейцев к перестройке и М.С. Горбачеву⁴.

Наиболее заметные изменения произошли в ФРГ, где в период 1954–1964 гг. отношение к Советскому Союзу было самым неблагоприятным (-60 по «оси восприятия»). Оно несколько сбалансировалось в следующем десятилетии, в 1981 г. опять резко ухудшилось (-69), а в марте 1989 г. («зенин» перестройки и начало перелома, канун падения Берлинской стены) позитивное отношение к СССР достигло высокой отметки (+34).

Отчетливая позитивная динамика наблюдалась и в Великобритании. Негативное восприятие СССР (пики «негативизма»: -40 в 1954 г., -70 в 1958 г., -55 в 1982 г.) после прихода Горбачева к власти сменяется на противоположное (+19 в 1985 г.), которое в 1989 г. достигает пика (+39).

В Италии, в течение всего периода исследований отношение к СССР оставалось, в целом, негативным (самые низкие отметки: -60 в 1958 г. и -55 в 1982 г.). Тем не менее, во второй половине 80-ых годов оно оказалось более благоприятным, чем в недавнем прошлом (-11 в 1987 г.).

Все это означает, что, начиная с 1985 г., отношение европейцев к СССР постепенно улучшалось после лихорадки и кризисов, которые оно переживало в период холодной войны. Доверие Советскому Союзу восстанавливалось более трудно, хотя имело сходную динамику в ведущих западноевропейских странах. С 1969 г. по сентябрь 1987 г. значения «оси доверия» были негативными, но с ноября 1987 г. общественное мнение отреагировало на внешнеполитические инициативы, предпринятые СССР, и доверие возобладало. Его «пик» пришелся на период с июня 1988 г. по лето 1989 г.⁵ Еще в 1982 г. 64% опрошенных в четырех ведущих западноевропейских странах считали, что поведение СССР на международной арене создает риск войны, а в марте 1989 г. общественное мнение сменилось на прямо противоположное: 69% опрошенных согласились с тем, что политика СССР способствует поддержанию мира⁶.

Судя по опросам, в 1987 г., когда перестройка в СССР набирала темп, среди западных европейцев преобладали позитивные оценки международной

политики СССР (36% ответов), тем не менее, 21% респондентов высказывались негативно, а 29% выбрали ответ «не знаю». Самыми одобрительными были оценки итальянцев (48% позитивных оценок против 18% негативных), греков (45% позитивных оценок против 12% негативных), немцев (45% позитивных против 18% негативных оценок) и англичан (43% позитивных и 28% негативных оценок). Самыми неодобрительными были суждения шведов (42% негативных оценок и 22% позитивных оценок) и особенно — французов, у которых негативные оценки преобладали над позитивными (24% против 18%) при лидирующей позиции ответивших «не знаю» (48%)⁷.

На этом фоне очевидным контрастом выглядят результаты опросов общественного мнения по поводу советской внутренней политики — прежде всего, в области прав человека. В 1987 г. только четвертая часть респондентов высказывала одобрение этой политики, 46% осуждали ее, 20% отвечали «не знаю». Наиболее критически были настроены шведы (почти 80% осуждали политику СССР в области прав человека), за ними следовали французы (58% негативных оценок), англичане (55% негативных оценок), ФРГ (53% негативных оценок). Греция и Италия оказались двумя странами, в которых позитивные оценки политики в области прав человека в СССР (50% в Греции, 38% в Италии) преобладали над негативными (18% в Греции, 25% в Италии).

В 1987 г. на вопрос о том, происходят ли в СССР реальные изменения, наиболее уверенно отвечали «да» западные немцы (60%); наименее уверенно — англичане (только 5% согласились с тем, что изменения происходят). Среди французов было 28% ответивших утвердительно, среди итальянцев — 25%⁸.

Это означает, что во второй половине 80-ых годов позиция западноевропейского общественного мнения в отношении политики СССР, была далеко не однозначной. Если усилия, направленные на снижение конфронтации между Западом и СССР и на окончание холодной войны, способствовали росту доверия, постепенно «переламывали» враждебное отношение европейцев к СССР; если оценки международной политики СССР, в целом, были осторожными, но становились более благоприятными, — то советская внутренняя политика вызывала в Западной Европе сильный скепсис и недоверие: здесь камнем преткновения оставались права человека.

Наиболее благоприятное отношение к СССР складывалось в ФРГ — критичность и недоверчивость отличали французов. Однако при всей существенности изменений и их позитивной динамике во второй половине 80-ых годов, Советский Союз по-прежнему воспринимался западноевропейским общественным мнением сквозь призму стереотипов, утвердившихся в период холодной войны — как чуждая и опасная страна.

На таком фоне особенно выделялось отношение западных европейцев к М.С.Горбачеву, который, как кажется, довольно быстро расположил к себе общественное мнение, восторженно оценившее нового руководителя СССР. Результаты опросов общественного мнения 1987–1990 гг. выступают яркой иллюстрацией феномена, названного «горбиманией». «Ось восприятия» Горбачева начинается с отметки +68 в ФРГ, Италии и Великобритании, с отметки +45 во Франции. Вплоть до апреля 1990 г. наблюдается рост беспрецедентной популярности советского лидера (в среднем, до +77). В 1989 г. пресса писала, что «французы играют роль скептиков», но тут же отмечала, что их различие с западными немцами в отношении Горбачева — это различие «любви» и «симпатии»⁹. Что касается немцев, то для них, как писала в те годы пресса, «советский лидер Михаил Горбачев стал магическим символом надежды и изменений»¹⁰.

Характерно, что личный вклад Горбачева в международную политику оценивался европейским общественным мнением существенно выше, чем политика СССР в этот период: в 1987 г. 57% европейцев позитивно оценивали личный вклад Горбачева при 9% негативных оценок и 21% ответов «не знаю»¹¹ (тогда, как только 36% опрошенных позитивно оценивали международную политику СССР).

Во Франции показатель благоприятного отношения к Горбачеву достигал высокой отметки в 66%, но в остальных трех западноевропейских странах он был еще выше (80%.) Возникает впечатление, что страны «соревновались», в какой из них отношение к советскому руководителю более теплое и дружественное.

Очевидно, что в годы перестройки, впервые с конца 50-ых годов, возникла тенденция позитивного восприятия Советского Союза западноевропейским общественным мнением — тенденция, разрушающая стереотипы холодной войны. «Фактор Горбачева» был в этом процессе решающим. Более того, личный престиж советского лидера оказался в европейском общественном мнении значительно выше, чем престиж советской политики того периода в целом.

Оценки европейцев и американцев: сходство и различия

На первый взгляд, результаты опросов общественного мнения второй половины 80-ых годов в Западной Европе и США демонстрируют сходные тенденции. Так, исследования Института Гэллапа¹², позволяют судить, как менялось отношение к М.С. Горбачеву в США на протяжении нескольких лет перестройки и сопоставить его с восприятием американцами пос-

Таблица 1.
Отношение американцев к российским лидерам 1987 — 2002 гг. (%)

Российские лидеры	Год опроса	Благоприятное	Неблагоприятное	Никогда не слышал об этом человеке, нет мнения
Михаил Горбачев	1990	68	21	11
Михаил Горбачев	1989	67	25	8
Михаил Горбачев	1988	56	30	14
Михаил Горбачев	1987	40	38	22
Борис Ельцин	1998	47	35	18
Борис Ельцин	1995	31	44	25
Борис Ельцин	1994	68	18	14
Владимир Путин	2002	41	18	41
Владимир Путин	2001	43	14	43

ледующих пост советских лидеров России. Результаты опросов показывают, что в период перестройки популярность Горбачева росла, а отношение к нему общественного мнения становилось все более доброжелательным (таблица 1). Ни в 90-ые годы, ни в начале XXI века никто из российских лидеров не приобретал в период своего правления столь устойчивого доверия в глазах американцев, как Михаил Горбачев¹³.

Результаты опроса, проведенного в США вскоре после того, как М.С. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, показали, что благожелательное восприятие его американцами во многом определялось тем, что в нем видели советского лидера нового типа. Так, в апреле в 1985 г. на вопрос службы Харриса: «согласны ли Вы с тем, что Горбачев выглядит более современным, просвещенным и привлекательным, чем прежние советские лидеры?» — 60% опрошенных дали положительный ответ. Среди качеств нового советского лидера, отличающих его от прежних руководителей СССР американцы, прежде всего, выделили «энергичность и быстроту реакции» (81% ответов), «современность» (74%), «привлекательность» (62%)¹⁴. Это впечатление новизны и необычности сопровождало отношение американцев к советскому лидеру на протяжении всего периода перестройки.

Другой вопрос — о доверии/недоверии Горбачеву как одному из «русских лидеров». В 1985 г. на вопрос: «считаете ли Вы, что Горбачеву можно больше доверять, чем другим советским лидерам?» положительно ответили только 28% респондентов, а 63% с этим не согласились. В опросах службы Харриса динамика этого показателя измерялась на протяжении нескольких лет¹⁵. Сопоставление результатов показывает, что за четыре

Таблица 2.
Рейтинг доверия Горбачеву в США и Западной Европе, 1985–1989 гг. (%)

<i>Распределение ответов американцев на вопрос: «Согласны ли вы с тем, что Горбачеву можно доверять больше, чем другим русским лидерам?» (1985-1989 гг.)</i>			
	Согласен (а)	Не согласен (а)	Не уверен (а)
США, 1985, апрель	27	57	16
США, 1985, сентябрь	28	63	9
США, 1989, август	51	46	3
Западная Европа, рейтинг доверия Горбачеву в 1989 – 1990 гг.	77 (до 80% в некоторых странах)		

года уровень доверия к Горбачеву в США резко вырос (с 28% в 1985 г. до 51% в 1989 г.). В то же время доля тех, кто не доверял ему, видел в нем только одного из лидеров страны-противника, снижаясь, оставалась довольно значительной (46%) — по сути дела, американское общественное мнение было поляризованным. Общественное мнение в Западной Европе оказалось более единодушным в своем безусловном противопоставлении Горбачева прежним советским лидерам (таблица 2).

Общественное мнение в США так же, как и в Западной Европе, демонстрировало высокий уровень одобрения переговоров о сокращении вооружений между США и Советским Союзом. Однако опрос, проведенный в 1987 г., показал, что американцы считали это, главным образом, заслугой Р. Рейгана: 58% респондентов сказали, что для обеспечения мира он сделал больше, а 19% полагали, что в этом большая заслуга М.С.Горбачева.¹⁶

В том же 1987 г. 25% опрошенных во Франции, 45% в ФРГ 64% в Италии, 60% в Великобритании позитивно оценивали усилия СССР, направленные на достижение мира и разоружение. Ответы на вопрос: «США, СССР или две сверхдержавы вместе делают больше для достижения этих целей» — распределились следующим образом¹⁷:

- считали, что больше делают США: 17% во Франции, 12% в ФРГ, 8% в Италии, 12% в Великобритании;
- считали, что больше делает СССР: 17% во Франции, 28% в ФРГ, 32% в Италии, 40% в Великобритании;
- считали, что успеха добиваются обе сверхдержавы в равной степени: 55% во Франции, 58% в ФРГ, 55% в Италии, 34% в Великобритании.

Различие позиций американцев и европейцев очевидно: во-первых, во всех перечисленных европейских странах (за исключением Франции) превалировало мнение, что СССР делает для разоружения и мира больше,

чем США; во-вторых, во Франции, ФРГ, Италии и Великобритании преобладали точка зрения, что сверхдержавы в равной степени предпринимали усилия для того, чтобы снизить военное противостояние и обеспечить мир; в-третьих, на позицию американцев, явно, оказывала влияние глубоко укорененная идея противоборства и конкуренции США и СССР — это сказывалось на рейтинге Горбачева, обуславливая его менее высокие показатели в США по сравнению с Западной Европой.

Оценки политики перестройки, направленной на демократизацию советского общества, показывают, что и в США, и в странах Западной Европы существовал значительный разброс мнений по этому поводу (таблица 3). Вместе с тем европейцы поверили в перестройку раньше, чем американцы: уже в 1987 г. реальность демократических изменений в СССР признавали 32% европейцев (больше, чем в США в 1990 г.). Со временем американцы все более убеждались в реальности изменений, происходящих в Советском Союзе, хотя самая большая группа респондентов все-таки предпочитала не давать определенного ответа. Сходную тенденцию демонстрировало общественное мнение европейцев, среди которых выделялась западные немцы (в 1987 г. 60% респондентов в ФРГ были убеждены, что в СССР происходят реальные демократические перемены).

Так же, как и в Западной Европе, общественное мнение в США считало наиболее слабым пунктом советской внутренней политики права человека. В отличие от европейцев американцы чаще высказывались не о «политике СССР» в этой области, а о «политике Горбачева». Так, 20% американцев полагали, что Горбачев был одним из лидеров борьбы за права человека, но в то же время 60% считали лидерами афро-американские группы борьбы за гражданские права, а 47% — китайских студентов, протестовавших на площади Тяньаньмынь¹⁸.

Динамика изменения общественного мнения в США свидетельствует, что М. С. Горбачеву быстро удалось переломить традиционное недоверие к советским («русским») лидерам и значительно улучшить образ страны в глазах американцев. С 1987 по 1989 г. благожелательное отношение к СССР выросло в США с 25% до 62%¹⁹. Темпы изменений за два года, были примерно такими же, как в ФРГ, и выше, чем во Франции, Италии и Великобритании. В то же время американцы существенно чаще, чем западные европейцы, воспринимали политику СССР и личность Горбачева как единое целое. Об этом говорит близость показателей отношения к М.С. Горбачеву и к «политике Горбачева», свидетельствующая о большей идеологичности общественного мнения американцев, о присущей ему склонности отождествлять человека и политика. Различие в оценках личности Генерального секретаря ЦК КПСС, а потом Президента СССР, с одной сто-

Таблица 3

Распределение ответов американцев на вопрос: «Считаете ли Вы вероятным, что изменения, предпринятые Горбачевым – такие как перестройка – реализуются?» и результаты ответа на вопрос «Происходят ли в СССР в период правления Горбачева реальные демократические перемены?» в странах Западной Европы

	Считаю вполне вероятным (США)/ Происходят реальные демократические перемены (Западная Европа)	Считаю более или менее вероятным (США)	Считаю не очень вероятным (США)	Считаю совершенно невероятным (США)
США, 1988 июнь	18	60	16	6
США, 1989 декабрь	21	60	14	5
США, 1990 сентябрь	25	56	11	8
Западная Европа 1987 (среднее значение)	32			
ФРГ, 1987	60			
Великобритания, 1987	15			
Франция, 1987	28			
Италия, 1987	25			

роны, и советской политики периода перестройки, с другой, было в большей степени «европейской», и в меньшей степени «американской» чертой общественного мнения.

«С ним многое может измениться»

С самого начала перестройки общественное мнение Запада будоражил вопрос, сможет ли, в действительности, измениться общественная система, которая на протяжении десятилетий воспринималась как чуждая и глубоко враждебная. Существуют многочисленные свидетельства того, что личность М.С.Горбачева воспринималась общественным мнением Западной Европы как главная движущая сила изменений в Советском Союзе

и в международной политике, проводимой СССР. Та же тенденция прослеживается в западноевропейской прессе, отражавшей общественные настроения и формировавшей их.

Позиция тех, кто видел в Горбачеве человека, стремящегося «улучшить коммунистическую систему», произведя в ней некоторые существенные перемены, была пессимистической в отношении будущего самого Горбачева и его проекта. «Он не хочет менять систему, не хочет производить перемены в самой системе, а хочет переменить человека, заставить человека служить стране. Другой вопрос, какие здесь стимулы? ... Ему как новому вождю, несмотря на весь эффект, который он производит, через 70 лет после революции вряд ли удастся произвести в народе возрождение этих коммунистических идеалов. В коммунизм уже мало кто верит и тут М.С.Горбачев потерпит крушение»²⁰.

Вместе с тем в Европе — раньше, чем в США, — в Горбачеве почувствовали лидера нового типа, резко выделявшегося на фоне советской номенклатурной элиты. Журналисты начали говорить и писать об интеллигенции как «опорной конструкции» перестройки. По сути дела, речь шла о запоздалом, но, наконец, свершившимся приходе во власть «детей XX съезда» — поколения шестидесятников.

Приведем один из первых комментариев на эту тему: «Детство Горбачева, конечно, отличается от детства Л.И.Брежнева, К.У.Черненко и Ю.В. Андропова. М.С.Горбачев родился в 1931 г., он уже представитель совсем другого поколения... Он не утерял, может быть, ту связь с массами, которую, конечно, уже давно утеряли и Ю.В.Андропов, и Л.И.Брежнев — люди, которые властвовали до него. Конечно, он знает, что одними лозунгами он страной управлять не может. Он думает, что знает, как подойти к решению многих экономических проблем. Он знает, как говорить с народом»²¹.

Мысль о разрыве с прошлым, в первую очередь — с традицией конфронтации и военного противостояния общественных систем звучит в интерпретации западноевропейскими интеллектуалами концепции «нового мышления». «Смысл 'нового мышления' можно выразить тремя словами: разрыв, ставка, загадка. Начнем с разрыва. Всякое общество, по Фрейдю, основано на совершенном совместно преступлении, например, отцеубийстве. Всякая интеллектуальная революция также предполагает погребение под своим фундаментом одного или многих «прекрасных трупов»... «Мы сочли далее невозможным — говорит Горбачев — оставить... определение мирного сосуществования государств с различным общественным строем как 'специфической формы классовой борьбы'»²².

Сквозь призму противоборства сталинского и постсталинского поколений накануне «решающего боя» на XIX Всесоюзной партийной конфе-

ренции в июне 1988 г. воспринималось западным общественным мнением столкновение советских реформаторов и консерваторов. «На карте стоит курс перестройки. Спор за власть выливается в спор об исторической оценке диктатора Сталина. Если тень Сталина загонят в угол — Горбачев выиграл. Если мертвый диктатор снова поднимется из темноты прошлого — погибнут все надежды на возможные реформы»²³.

Принципиальная особенность публикаций в западноевропейской прессе состояла в том, что в них постоянно подчеркивалась роль убежденности, целеустремленности и личного мужества Горбачева на всех поворотных пунктах политики перестройки.

1987 г.: «Опираясь на поддержку интеллигенции и всех сознательных членов партии, которую он хочет демократизировать, Горбачев накапливает, правда, с трудом, небольшие победы»²⁴.

1988 г.: «Горбачев день за днем невозмутимо повторяет всем своим собеседникам, что начинается «революция», что она неотвратима и необходима, что трудности есть и будут, но она победит потому, что этого требует история... У него есть огромное преимущество перед противниками: он знает, куда идет, в то время, как они хотят лишь одного — не идти никуда, что отнюдь не может быть программой после 20 лет застоя»²⁵.

В намерение Горбачева отказаться от идеологически мотивированной внешней политики европейцы поверили не сразу, но испытали потрясение, выслушав его выступление в ООН в 1988 г.: «Кроме предложений по разоружению или, например, высказываний по вопросу прав человека, которые в первую очередь занимали заграницу, его выступление содержало экскурс в до сих пор лишь бегло разведанную интеллектуальными поисками область: более откровенно, чем все советские передовые мыслители, Горбачев поставил под вопрос доктрину классового характера внешней и мировой политики, а также подчеркнул относительность идеалов Октябрьской революции»²⁶.

1990 г.: «Михаил Горбачев похоронил монополию на власть Советской Коммунистической партии, получив на это согласие Пленума, созванного в Большом Кремлевском Дворце... Принудительная, угнетающая норма наконец-то отменена «де-факто» благодаря мужеству Горбачева... Это самая настоящая, неожиданная и беспрецедентная демократическая революция»²⁷.

С самого начала перестройки и по мере того, как росло сопротивление переменам, европейские СМИ открыто писали о противостоянии Горбачева «системе».

«С 11 марта 1985 г. новый генеральный секретарь Коммунистической партии сделал себе слишком много врагов, чтобы те не нанесли ему пре-

дательского удара — будь то люди КГБ, технократы андроповского стиля или динозавры старой брежневской гвардии»²⁸. «Дискуссия о сталинизме, которую на этот раз ведут серьезно и которую население Советского Союза воспринимает с серьезностью, может прорвать плотину. Одна московская массовая газета, выпускаемая миллионным тиражом, назвала «классовым предательством» и «отказом от социализма» горбачевскую перестройку, идейным ядром которой является освоение прошлого»²⁹.

Одним из важных свидетельств того, кто — «герой» или «система» — одерживает верх, было для европейцев отношение советских граждан к Р.М.Горбачевой.

1987 г.: Буря в Москве: первые атаки номенклатуры против Горбачева нацелены прежде всего на привлекательность его супруги. Ее улыбка и элегантность персонализируют новый стиль советского руководства. Остроумная и живая, Раиса Горбачева великолепно олицетворяет обновление, которое ее муж стремится воплотить в жизнь СССР... До нее ни одна первая дама в СССР не стремилась привлечь к себе внимание. Ее стиль на западный манер интригует общественное мнение. Вот почему избрали Раису мишенью для нападок, чтобы ослабить позиции ее мужа»³⁰.

В 1988–1989 гг. западноевропейские СМИ отслеживали перипетии драмы перестройки, описывая борьбу Горбачева с «организованными формами оппозиции», выступавшей то под лозунгом защиты исторических завоеваний, то с идеей «опасности рыночных моделей, основанных на частной собственности», то в виде открытого и скрытого личного сопротивления линии Горбачева³¹. (Характерно, что только позже и не очень охотно в европейском общественном мнении стали обращать внимание на другую линию сопротивления Горбачеву и его курсу — на советских либералов, выступавших «от имени Запада» и «претендовавших на звание высших выразителей новой философии»).

В последние годы перестройки внимание европейской прессы сосредоточилось на экономических трудностях в СССР, которые тоже подавались ею как часть успешного сопротивления «системы» и порождали в европейском общественном мнении неуверенность в положении Горбачева и инициированных им изменений³². Тем не менее, это не столь значительно повлияло на отношение европейского общественного мнения к Горбачеву. Если в апреле 1990 г. его рейтинг достиг самой высокой точки (85% в ФРГ, 80% в Италии, 77% в Великобритании, 68% во Франции), то к началу лета он, хотя и несколько снизился во всех этих странах, но оставался по-прежнему высоким (75% в ФРГ, 70% в Италии, 75% в Великобритании, 62% во Франции). Это еще одно подтверждение тенденции, обнаружившейся в опросах общественного мнения с самого начала перестройки: Горбачев

был воспринят европейцами, прежде всего, как личность, поразившая их воображение.

В августе 2001 г., накануне десятилетия путча, «The Guardian» писала: «Шесть с половиной лет Горби доминировал в новостях, сначала интригующе загадочный, потом, когда его гласность и перестройка состоялись, он был воспринят как успешный реформатор. «Горбимания» охватила средства массовой информации»³³. Отношение к Горбачеву как личности, масштаб которой не исчерпывается одним лишь политическим измерением, сохраняется в западном общественном мнении в течение двух десятилетий, прошедших с начала перестройки.

Советские люди — о перестройке и М.С.Горбачеве

Существует представление, что опросы общественного мнения в Европе и США, с одной стороны, и в СССР, с другой, показывали принципиально разное отношение к перестройке и особенно к Горбачеву. Это весьма поверхностное суждение. На самом деле, было бы ошибкой рассматривать западные и советские опросы о событиях перестройки как отражение параллельных реальностей. Это подчеркивают сами западные исследователи, которые выделяют три образа Горбачева, превалировавших в европейском и в американском общественном мнении середины 80-ых — начала 90-ых гг.³⁴.

1. Человек, осуществляющий эффективную стратегию изменений в СССР и на международной арене, «архитектор» окончания холодной войны и процесса демократизации международных отношений.
2. Президент, эффективно действующий на международной арене, но сталкивающийся с разногласиями в СССР, с трудностями переходного периода, порождающими многочисленные риски для самого Президента и стабильности страны.
3. Триумфальный мировой лидер, не способный справиться со своей страной.

Опросы ВЦИОМ 1989–1990 гг. на первый взгляд действительно показывали тенденцию, противоположную результатам опросов в Западной Европе и США. Она демонстрировала снижение доверия населения страны к КПСС, правительству и лидеру (таблица 4).

В 1990 г. 53% опрошенных указали на «ослабление реальной власти в стране от месяца к месяцу». Доля сторонников переворота, способного положить конец не только беспорядку, но и перестройке, с сентября к декабрю 1990 г. выросла в 1,7 раза и составила треть от числа опрошенных³⁶.

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос: «Одобряете ли Вы деятельность М.С.Горбачева?» – Ответ: «Полностью одобряю» (%)»³⁵

Месяц	Год	Доля одобряющих
Октябрь	1989	52
Январь	1990	44
Май	1990	39
Июль	1990	28
Август	1990	23
Октябрь	1990	21

Результаты опросов общественного мнения демонстрировали разочарование в результатах перестройки: 43% говорили о «потери уверенности в завтрашнем дне», 37% о «кризисе национальных отношений», 29% о «хаосе и неразберихе в управлении страной», 28% об «углублении экономического кризиса». О «нормализации международных отношений и мирной внешней политике» вспомнили лишь 19% опрошенных. На вопрос: «стала ли Ваша жизнь лучше, хуже или не изменилась после того, как к руководству пришел М.С. Горбачев?» — 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% — что не изменилась, 57% — что их жизнь стала хуже, а 14% затруднились с ответом³⁷.

Эти данные, характеризующие настроения последнего года перестройки, теперь многие склонны рассматривать как некую итоговую оценку общественным мнением всего периода перестройки. Результаты опросов и анализ ситуации, который проводился в течение 1985 — 1991 гг., позволяют сделать вывод, что такое суждение, по меньшей мере, неполно и одно-сторонне.

Прежде всего, нельзя забывать, что масштабные исследования общественного мнения их публикация и обсуждение в прессе начались лишь в 1988 г. Они сразу обнаружили, что «в конце 80-х общественное мнение выступает преимущественно как фактор массовой поддержки перестройки» (Ю.А. Левада)³⁸. То же подчеркивает Т.И.Заславская: на первом этапе перестройки (1985–1988 гг.) общественное мнение поддерживало Горбачева и инициированные им реформы, поскольку «получившая развитие гласность пробудила интерес народа к политике, социально активизировала людей, зародила у них надежду на демократизацию общества»³⁹.

В 1988 г., по результатам опроса ВЦИОМ, Горбачева назвали «мужчиной года» 55% опрошенных, с большим отрывом от него — на втором мес-

те – шел Р.Рейган (15%)⁴⁰. В декабре 1989 г. деятельность Горбачева, в целом, одобряли 87% опрошенных (55% – «вполне» и 32% – «отчасти») ⁴¹.

Опросы общественного мнения, проведенные в СССР, показывали: общество было готово к изменениям, но люди, с энтузиазмом поддержавшие курс перестройки и ее лидера, чувствовали, что в стране существует мощное сопротивление переменам. Природа этого сопротивления была им не до конца понятна, но его сила подавляла людей, снижала их уверенность в успешности перестройки и рождала пессимизм.

По данным Института социологических исследований АН СССР, в 1987 г. мнение о том, что перестройка идет достаточно успешно, выразили 16% респондентов; что она идет медленно и с большими трудностями – 31%, что она вообще не ощущается – 32%; остальные не ответили или затруднились с ответом⁴². Отвечая на вопрос о причинах трудностей, люди прямо указывали, что источник сопротивления процессу демократизации находится в системе управления страной, что скрытое, но упорное сопротивление курсу перестройки пронизывает эту систему сверху донизу. 80% опрошенных сказали, что лично сталкиваются с фактами формализма, 57% назвали нежелание должностных лиц принимать на себя ответственность в решении актуальных вопросов, 47% – равнодушие и пассивность должностных лиц, 34% – их некомпетентность, 42% – безнаказанность работников, допускающих формализм⁴³.

Тем не менее, согласно опросу ВЦИОМ, в декабре 1989 г. 21% опрошенных были «вполне» уверены в успехе перестройки, 44% были уверены «не вполне» (не уверены в успехе – 22% и 14% затруднились с ответом). В это же время более половины опрошенных (52%) выступали за гласность и плюрализм мнений в СМИ. 42% считали, что нужны «быстрые» изменения, а 35% — «медленные». Таким образом, в то время подавляющее большинство (77%) выступали за продолжение демократических изменений и поддерживали Горбачева. Вместе с тем высокий уровень доверия к нему (87%) выступал резким контрастом растущему недоверию к КПСС (в декабре 1989 г. полностью доверяли КПСС 27%, частично – 25%, не доверяли – 24%)⁴⁴.

Такой разрыв между рейтингами доверия «лидеру» и «системе» заставляет вспомнить аналогичную тенденцию в общественном мнении западных европейцев. Поэтому принципиальным для дальнейшего хода перестройки оказался вопрос о том, что в действительности представляет собой советское общество, какие группы интересов в нем существуют, какие из этих групп выигрывают, а какие проигрывают от демократизации, какое место в социальной структуре занимают «выигрывающие» и «проигрывающие», возможно ли преодолеть неизбежный конфликт их интересов.

Наиболее проницательные аналитики сразу указали на этот последний пункт. «Я не могу согласиться с высказываемой некоторыми авторами точкой зрения, — писала в 1988 г. Т.И.Заславская, — что перестройка в равной степени соответствует интересам всех общественных групп... Между тем баррикада (точнее, множество невидимых, но четко ощущаемых баррикад) явно рассекает общество на постепенно консолидирующиеся и осознающие противоположность своих интересов группы, с одной стороны — инициаторов, сторонников и союзников, а с другой — противников перестройки... Отрицать неизбежность не только противоречий, но и ожесточенной борьбы групповых интересов в связи с перестройкой, значит закрывать глаза на реальность, которая уже сейчас, на первых подступах к перестройке, свидетельствует о напряженной социальной борьбе»⁴⁵.

В 1988 г. академик Н.Н.Моисеев предупреждал: «Нашей стране предстоит переход в качественно новое состояние, если угодно, в новую эпоху. Именно на этот трудный и долгий переход, требующий огромных усилий, и надо настраивать общество... Все, что обдумано сейчас и уже предложено, делать надо! Здесь нет сомнений. Но ожидать быстрого эффекта «раскрепощения» нельзя»⁴⁶. Спустя десять лет эту мысль повторил Джульетто Кьеза: «С 1985 по 1991 г. многие постепенно осознали тяжесть бремени шестнадцати поколений, переживших крепостное право, самодержавие и империю»⁴⁷. Возможно, в этом осознании необходимости борьбы с собственным прошлым и неготовности к ней состоит одна их глубинных причин того, что в 1990-1991 гг. общественное мнение «приняло дискредитацию и падение Горбачева — события, казавшиеся невероятными по стандартам советской политической жизни»⁴⁸.

Отношение общества к курсу перестройки и к Горбачеву менялось по мере того, как перестройка превращалась в социальную революцию, затрагивающую жизненно важные интересы разных групп советских людей. В 1989 — 1990 гг., когда началась реальная борьба за перераспределение власти и собственности, в обществе резко усиливалась социальная напряженность, возрастали экономические трудности. Но лишь когда сопротивление курсу перестройки стало открытым и массированным («в начале 1990 года — кровавые события в Баку, в июне — Б. Ельцин во главе Верховного Совета России, с конца года — нарастание угрозы военного переворота...»⁴⁹), в общественном мнении произошел перелом. Оно начало сомневаться в правильности выбранного курса и отворачиваться от Горбачева. С января по май 1991 г. доля не доверяющих руководству КПСС возросла с 53% до 62%, а высказывающих полное доверие — составила 5% в январе и 3% в мае 1991 г.⁵⁰

Динамика этих изменений, вполне объяснима в контексте резко ухудшавшейся ситуации в стране, тяжесть которой в последний год перестройки ощутило на себе все население. Тем не менее, опросы конца 80-ых убедительно опровергают мнение, что «народ не поддержал перестройку» — они показывают, что люди ощущали невероятную сложность задачи и не недооценивали силу сопротивления реформаторскому курсу Горбачева.

Исследования, проводимые Фондом общественного мнение (ФОМ) с разрывом в несколько лет, подтверждают, что представления о перестройке и М.С.Горбачеве меняются вместе с новой российской историей. Судя по этим данным, «пиком» негативного отношения была середина 90-ых годов. Опросы 2001 г. и 2004 г. показывают медленный рост положительных оценок⁵¹. Исследователи делают вывод: значимость и масштабность перемен, связанных с именем первого Президента СССР, не вызывает у россиян сомнений, но третья часть опрошенных возлагает на Горбачева вину за переживаемые трудности⁵². В 2004 г. та же треть опрошенных говорит об антипатии к Горбачеву, но у большего числа сограждан (38%) М.С.Горбачев как личность вызывает симпатию (27% затруднились с ответом)⁵³.

Для высказываний участников опросов, проведенных полтора десятилетия после 1990 г., характерна глубокая противоречивость отношения к недавнему прошлому России. Это тревожит людей, они называют свое восприятие перестройки «очень сложным»: *«с одной стороны, в результате мы получили одно из главных завоеваний — свободу, в том числе и свободу слова, а с другой стороны, мы получили дифференциацию общества на кучку богатых и огромную массу бедных»*⁵⁴.

Общественное мнение европейцев и американцев о перестройке и «факторе Горбачева» в ней, сформировавшееся во второй половине 80-ых гг., представляет собой феномен, аналогов которому нет в истории взаимоотношений СССР и Западной Европы, СССР и США. Столь же ярким, но до конца не исследованным явлением остается советское общественное мнение о перестройке.

На западноевропейское и американское общественное мнение о перестройке и Горбачеве оказали влияние сразу несколько обстоятельств:

- недоверие, обусловленное традициями и стереотипами периода холодной войны;
- эффект неожиданности, удивление, восхищение личностью лидера СССР;

- надежда, связанная с окончанием холодной войны, падением Берлинской стены, «бархатными» революциями в Восточной Европе, концепцией нового мышления;
- неуверенность в долговременности процессов демократизации, начавшихся в Советском Союзе.

Европейское общественное мнение о перестройке и М.С.Горбачеве не во всем совпадало с более «идеологизированным» американским, но было однородным и внутри Европы. Восприятие Горбачева европейцами — многогранное явление, которое не исчерпывается журналистским определением «горбимания». Оно имело свои особенности в отдельных странах, было неоднозначно связано со стереотипными представлениями о СССР и его руководителях, о советском человеке, сформированном «системой». Неуверенность в стабильности политического курса перестройки, безусловно, влияла на общественное мнение европейцев и американцев, но личность Горбачева–реформатора уже стала для них (это особенно отличало европейцев) самостоятельной ценностью.

Если в европейском и американском общественном мнении существует устойчивый образ «эпохи Горбачева» и личности Горбачева, сложившийся в годы перестройки, то российское восприятие меняется, реагируя на зигзаги постсоветской истории — то нащупывая почву фактов, то вновь теряя ее. Очевидно, что для населения СССР, как и для граждан постсоветской России, тип политика-реформатора, который олицетворяет М.С.Горбачев, оказался ничуть не меньшей «неожиданностью», чем для европейцев и американцев.

В нынешней России существует точка зрения, что перестройка дала шанс, не использованный и не оцененный советским обществом — она была «романтическим, грандиозным планом поворота русла истории России в сторону сотрудничества с Европой и остальным миром». (А.Грачев). Европейское и американское общественное мнение 1985–1991 гг. не столько оценило этот план, сколько почувствовало в М.С. Горбачеве человека и лидера, облик, поведение и деятельность которого соответствовали представлениям о политике-реформаторе и отвечали ожиданиям того, как должны были бы развиваться события в России, становящейся демократической.

Судя по опросам общественного мнения второй половины 80-ых годов, наши соотечественники, в целом, были солидарны с этим (при этом их суждения ближе к европейским, чем к американским). Так, основываясь на детальном анализе советских опросов периода перестройки, Арчи Браун утверждает, что, «вопреки нередким утверждениям западных коммен-

таторов и политических противников Горбачева в России, он даже спустя пять лет после избрания Генеральным секретарем, все еще был наиболее уважаемой и популярной фигурой в Советском Союзе»⁵⁵.

Нельзя не отдавать себе отчет в том, что советское, а потом уже российское общественное мнение о перестройке формируется в принципиально иной, чем на Западе, атмосфере — расставания с тоталитарным прошлым и «традицией самовластья», которое оказалось трудным, болезненным и долгим. Самое же важное состоит в том, что в течение всех этих двадцати лет, прошедших с 1985 г., отношение общества к перестройке и ее лидеру остается для соотечественников вопросом, неразрывно связанным с судьбой демократии в России.

¹ Статья написана на основе доклада, представленного на конференции «Горбачев и Европа» (28-29 марта 2003 г., Рим), организованной Фондом Грамши (Италия), Горбачев-Фондом (Москва) и МГИМО.

² Мы используем здесь название фундаментального исследования английского историка и политолога Арчи Брауна о событиях перестройки — «Фактор Горбачева» // Brown A. *The Gorbachev Factor*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

³ Динамика общественного мнения европейцев в отношении СССР в 1954–1989 гг. и отношение европейцев к Горбачеву в период перестройки графически можно представить в виде «оси восприятия» и «оси доверия». Отрицательные (-) и положительные (+) значения этих «осей» соответствуют процентным долям ответов, содержащих негативное или позитивное отношение и свидетельствующих о доверии или недоверии // См.: Eymert den Oudsten. *The perception of the Soviet Union and President Gorbachev in Western Europe: 1985–1990* // In: «The Future of Security in Europe: A Comparative Analysis of European Public Opinion». Brussels, December 16–17, 1991.

⁴ Результаты исследования содержатся в докладе: Eymert den Oudsten, *op. cit.* Организатором конференции в Брюсселе, где был представлен этот доклад, был профессор Филипп Монигар (Philippe Monigart), которому автор статьи выражает благодарность за предоставленную информацию.

⁵ Eymert den Oudsten, *op. cit.*, pp. 98-102.

⁶ *Ibid.*, p.102.

⁷ *Ibid.*, p.108.

⁸ *Ibid.*, p.107.

⁹ http://www.time/archive/preview/from_redirect/0,10987,1101890717-1522

¹⁰ Reuters, 05.10.1989.

¹¹ Eymert den Oudsten, *op. cit.*, p. 109.

¹² «Americans Overwhelmingly Endorse U.S.-Russia Nuclear Agreement. Half call it a major accomplishment» // <http://www.gallup.com/poll/releases/pr020529.asp>

¹³ Исследователи считают, что Б. Ельцин «унаследовал» доверие американцев к М. Горбачеву, но в дальнейшем его рейтинг приобрел отрицательную динамику. Уровень доверия американцев к Путину через два года после того, как он стал Президентом России, был таким же, как у Горбачева в 1987 г. // Б.З.Докторов, Е.С.Петренко о результатах опроса Фонда Общественного мнения, 20.06.02.

¹⁴ http://cgi.irss.unc.edu/tempdocs/TEMP_QUERY_PAGE..08:39:14.html

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Eymert den Oudsten, *op. cit.*, p. 112.

¹⁸ http://cgi.irss.unc.edu/tempdocs/TEMP_QUERY_PAGE..08:39:14.html

¹⁹ Saad L. Russia Faces Image Problem in U.S. as Yeltsin Resigns // <http://www.gallup.com/poll/releases/pr000106.asp>.

²⁰ Комментарий радиостанции «Немецкая волна», 24.07.1986 // Архив Горбачев-Фонда.

²¹ Там же.

²² Бинде Ж. Новое мышление // Опыт словаря нового мышления. Москва: «Прогресс», 1989.

²³ «Westfallen — Blatt», 12.04.1988.

²⁴ «Paris Match», 17.04.1987.

²⁵ «Le Monde», 07.04.1988.

²⁶ «Koelner Stadt — Anzeiger», 12.12.1988.

²⁷ «Top magazine», N 30, 1990.

²⁸ «Paris Match», 17.04.1987.

²⁹ «Frankfurter Allgemeine», 12.04.88..

³⁰ Симптоматично замечание о стиле Р.М. Горбачевой, близком, по мнению прессы, европейцам и неожиданным для соотечественников: «Первыми открыли Раису Горбачеву на Западе... Западные газеты увидели в ней тип первой дамы, родившейся на Востоке. Что касается советских людей, то они об этом даже не подозревали» // «Paris Match», 17.04.1987.

³¹ «Открытая борьба между реформаторами и консерваторами в Советском Союзе отныне разгорается с новой силой: статья, опубликованная во вторник, 5 апреля в «Правде», подхлестнула дебаты между сторонниками и противниками десталинизации... Речь в прямом смысле идет об официально объявленной войне между советскими консерваторами и реформаторами... Политика г-на Горбачева наталкивается на организованные формы оппозиции» // «Le Monde», 7.04.1988; «В Политбюро, имеется активная группа тормозящих» // «Frankfurter Allgemeine», 08.08.88.

³² «Ряд газетных публикаций об экономическом положении в Советском Союзе характерны для британской прессы в последнее время. Нельзя не обратить внимания на то, что броские заголовки о «надвигающемся голоде» в СССР, сама подача этого материала в СМИ создают определенный, несомненно, тревожный настрой среди местной общественности» // Записка Л.Замятина, посла СССР в Великобритании, 14.11.1990. Некоторые заголовки английских газет, присланных Л.Замятиним: «Голод и русская зима», «Нормирование бьет по советским гражданам», «Голодный Ленинград» (Архив Горбачев-Фонда).

³³ «The Guardian», 18.08.2001

³⁴ Juviler P. Presidential Power and Presidential Character // The Gorbachev Reader. Ed. by Joseph L. Wiczynski, 1993, p. 71.

³⁵ «Московские новости», 1990, N 45.

³⁶ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества // «Дело», М.2002, с. 110 -111.

³⁷ Там же, с.113.

³⁸ Левада Ю. Оглядываясь на пройденное и непродуманное: 1987-2002 // <http://www.polit.ru/country/2002/12/30/479430.html>

³⁹ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества // «Дело», М., с.106.

⁴⁰ Вопрос о «женщине года» в 1988 г. был менее популярен. Тем не менее, хотя на первом месте была М.Тэтчер (8%), третьей была названа Р.М.Горбачева (2% опрошенных).

⁴¹ С существенным отрывом от М.С.Горбачева на втором месте шел А.Д.Сахаров, деятельность которого одобряли 59% опрошенных (45% — вполне и 14% отчасти). Почти столько же (58%) — но в ином соотношении (29% вполне и 29% отчасти) одобряли деятельность Б.Ельцина // <http://www.levada.ru/press/2000101100.html>

⁴² Иванов В.Н. Наше социальное самочувствие // Аргументы и факты, 1988, N 1.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Опросы ВЦИОМ // <http://www.levada.ru/press/2000101100.html>

⁴⁵ Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // «Иного не дано». Под ред. Ю.Н. Афанасьева // М.: «Прогресс», 1988, с. 41-42 .

Ольга Здравомыслова • Перестройка и «фактор Горбачева» в общественном мнении...

⁴⁶ Моисеев Н.Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму // «Иного не дано», с. 52, 61.

⁴⁷ Къбеза Д. «Прощай, Россия!» М.: Издательство «Гейя», 1998, с. 66— 67.

⁴⁸ Левада Ю., указ. соч.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Опросы ВЦИОМ // <http://www.levada.ru/press/2000101100.html>

⁵¹ Опрос населения 26.02.2004 // ФОМ. http://bd.fom.ru/report/map/special/90_13412/978_13557/d040815

⁵² Климов И.А., ФОМ, 28.2001

⁵³ Опрос населения 26.02.2004 // ФОМ. http://bd.fom.ru/report/map/special/90_13412/978_13557/d040815

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Brown A. Op.sit, p.5.

Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя

Михаил Горшков
Владимир Петухов

ВВЕДЕНИЕ

Долгое время дискуссии о плюсах и минусах периода перестройки носили в основном экспертный характер, ограничивались узким кругом специалистов, прежде всего, политологов, экономистов, *философов*, международников. Вряд ли это правильно. Всякий раз, знакомясь с материалами обсуждения перестроечной проблематики в кругу политических и научных коллег, возникало ощущение, что им явно не хватает очень существенного звена, а именно — мнения широких слоев населения. Вот почему, понимая, что двадцатилетний рубеж перестройки вновь поднимет в обществе волну интереса к этому историческому периоду, к осмыслению его результатов и последствий, определению его роли и значимости для последующего развития страны, ученые Института комплексных социальных исследований (ИКСИ РАН) решили восполнить возникший пробел и осуществить общероссийское социологическое исследование общественного мнения, программа которого была бы всецело подчинена главной цели — *выяснению позиции современного российского общества по ключевым аспектам перестроечного периода*¹.

Исследование было проведено ИКСИ РАН в январе–феврале 2005 года. Использовалась репрезентативная выборка, которая охватила 1750 рес-

Горшков Михаил Константинович — директор Института комплексных социальных исследований (ИКСИ) РАН; Петухов Владимир Васильевич — заведующий Отделом анализа социально-политических проблем ИКСИ РАН.

пондентов, проживающих во всех территориально-экономических районах страны (согласно статистического районирования) По квотной выборке опрашивались представители основных социально-демографических и социально-профессиональных групп населения. Опрос проводился в 68 поселениях различного типа, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сел.

Обращаясь к такой теме, как перестройка, невольно сталкиваешься с вопросом: а насколько правомерно при оценке исторической значимости столь противоречивого периода отечественной истории, при осмыслении и определении его истинных достижений и неудач, степени влияния на последующее развитие страны, апеллировать к общественному мнению?

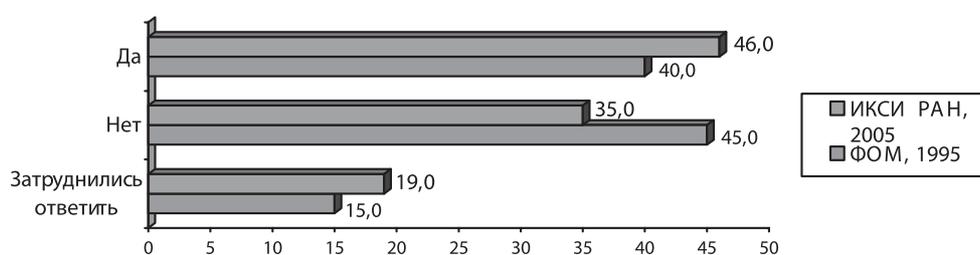
В принципе данный вопрос для социологов (и не только для них) имеет традиционный характер и связан с пониманием границ компетентности общественного мнения. Тот факт, что состояние общественного мнения по какой-либо проблеме может быть не совсем адекватным (а иногда полностью неадекватным) объективному положению вещей, вовсе не мешает его существованию как субъективной реальности общественной жизни. Но в том-то все и дело, что, будучи по своей природе субъективным феноменом, по степени своего влияния на сознание и поведение людей, по силе своего воздействия на мотивацию практических действий значительных социальных групп, общественное мнение выступает уже как побудительный фактор, как явление объективного порядка. Оно же выступает и социально-психологическим механизмом преемственности исторического знания, опыта и традиций поколений. Безусловно, не считаться с этим нельзя.

Необходимость перестройки и возможные варианты ее проведения в оценках россиян

К середине 80-х годов Советский Союз оказался в ситуации острого экономического, социального, духовно-нравственного и политического кризиса. Престиж власти падал, недовольство режимом охватывало все новые слои населения, а также значительную часть элит. Именно поэтому перестройка, начавшаяся в СССР двадцать лет назад, была воспринята значительной частью советского общества как долгожданное событие, как возможность реализации надежд поколений, еще помнивших «оттепель» 50–60-х годов, сменившуюся к концу 70-х годов так называемым «застоем». И, сегодня, судя по результатам исследования, в настоящее время почти половина россиян, отдает себе отчет в том, что к моменту прихода М. Горбачева к власти Советский Союз уже не мог дальше существовать без масштабных и глубоких реформ. В том, что перестройка была жизненно необходима,

что ее нужно было начинать, в настоящее время убеждены 46,0% наших сограждан. В свою очередь, точку зрения о том, что перестройку не следовало начинать, поддерживают 35,0%. Примечательно, что за последние 10 лет, если сравнивать результаты настоящего исследования с данными опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) 1995 года, выросло число тех, кто уверен в том, что перестройка была необходима (с 40,0% до 46,0%), и заметно сократилась (с 45,0% до 35,0%) доля россиян, уверенных в обратном (см. рис. 1).

Рисунок 1
«Нужно ли было начинать перестройку?», в %

Обращает на себя внимание не только тот факт, что поколение россиян, которое выросло и социализировалось уже в постгорбачевскую эпоху, оценивает перестройку существенно более позитивно, чем поколение их отцов и дедов.

Интересно и то, что по отношению сегодняшних россиян к вопросу о том, следовало или нет начинать перестройку, в определенной степени можно судить о социальной базе ее «сторонников» и «противников». Среди сторонников перестройки выделяются такие социально-профессиональные группы, как гуманитарная и творческая интеллигенция, студенты, мелкие и средние предприниматели, в меньшей степени инженерно-техническая интеллигенция и военнослужащие. Среди противников — в основном представители малоактивных слоев населения, малообразованные, малообразованные, живущие преимущественно в сельской местности и просто пожилые люди, для которых перестройка означала разрушение их привычного мира (пенсионеры, жители сел, рабочие).

Среди факторов, определяющих недовольство людей тогдашней действительностью и обусловивших массовую потребность в переменах, выделяются низкий уровень жизни большинства людей, дефицит товаров и услуг (см. табл. 1).

Таблица 1**«Если Вы считаете, что страна нуждалась в переменах, то почему?»**

Причины перемен	%
Низкий уровень жизни большинства людей, дефицит товаров и услуг	52,0
Кризис управленческой элиты, сосредоточение власти в руках престарелых людей, не способных решать насущные проблемы страны	37,0
Глубокий экономический кризис	31,0
Система благ и привилегий для номенклатуры, недоступных большинству населения	30,0
Экономическое отставание от Запада	29,0
Монополия одной партии, кризис политической системы	28,0
Необходимость развития политических прав и свобод граждан (свободы слова, печати, выборов)	18,0
Дискредитации идей социализма	13,0
Милитаризация экономики	7,0
Ухудшение межнациональных отношений, кризис национальной политики	6,0
Другое	1,0
Затруднились ответить	8,0

Сумма цифр более 100%, т. к. можно было отметить до 5 ответов.

Следует подчеркнуть, что низкий уровень жизни большинства населения в качестве основной причины, по которой требовались перемены, назвали не менее половины опрошенных во всех возрастных группах. При этом молодежь среди других причин чаще акцентирует внимание на экономическом отставании страны от Запада, а среднее и старшее поколения — на кризисе управленческой элиты, на системе благ и привилегий номенклатуры, недоступных большинству населения.

Широкая апелляция людей к жизненно важным обстоятельствам, определившим необходимость перестройки, безусловно, сыграло свою роль в том, что общество в целом позитивно воспринимало перестройку. Вполне естественно, что массовое стремление к удовлетворению возросших и вполне естественных потребностей явилось движущей силой общественной поддержки перемен.

Другим важным побудительным мотивом массовой поддержки М. Горбачева стали антиноменклатурные умонастроения в обществе. На фоне медленного, но неуклонного снижения уровня жизни большинства населения крайнее раздражение стали вызывать блага и привилегии, которыми пользовалась советская и партийная номенклатура. Во многом это опре-

делило сначала популярность андроповских попыток реформ, а в дальнейшем действий М. Горбачева по омоложению и ротации партийно-государственных кадров, включая верхушку власти, за которыми общество видело или хотело видеть антиноменклатурную направленность.

Отсюда — значительный общественный подъем и формирующийся «снизу» перестроечный консенсус. Хотя считать, что все население Советского Союза с воодушевлением восприняло идеи перестройки и первые шаги руководства КПСС по ее осуществлению, было бы неправильно. Как показал опрос, с позиций сегодняшнего дня отношение граждан СССР к перестройке, к ее начальному этапу (1985–1988 гг.) в целом было позитивным у более чем половины населения (54,0%), а негативным почти у трети (30,0%). В возрастных группах старше 30 лет уровень поддержки начального этапа перестройки превышает 50,0% (кроме группы старше 60 лет). Поколение нынешних 18–30-летних не отвечали на этот вопрос в силу естественных возрастных причин.

После 1988 г. перестроечный консенсус в нынешних оценках памяти россиян стал разрушаться. Число поддерживающих идеи и практику перестройки сократилось почти в два раза — до 25,0%, а число противников выросло до 67,0%. И сегодня, как можно заметить по данным опроса, доля россиян, позитивно оценивающих перестройку, хотя и несколько возросла и составляет 28,0%, тем не менее, большинство населения оценивает свое отношение к ней как негативное (63,0%). То, что доли противников перестройки и тогда, и сейчас практически совпадают, скорее всего, говорит о том, что на мнение россиян о «делах минувших дней» заметное влияние оказывает современная действительность (см. табл. 2).

Следует, конечно, иметь в виду, что в настоящее время, когда респонденты пытаются вспомнить и оценить события середины и конца 80-х годов, происходит естественная абберрация сознания. Отчасти это связано с мифологизацией событий и процессов тех лет (кто-то помнит энтузиазм и небывалый общественный подъем тех лет, а кто-то пустые прилавки и острые межнациональные конфликты), отчасти с тем, что отношение к перестройке воспринимается многими как «старт» последующих разрушительных реформ 90-х годов Б. Ельцина и его команды. В этом смысле одна из главных тенденций, определяющих сегодня негативную общественную печать на отношении к перестройке, безусловно, состоит в наличии глубоких кризисных явлений в российском обществе и медленном и противоречивом преодолении насущных социально-экономических проблем.

Оценивая перестройку «задним числом», в качестве основных альтернатив, стоящих в тот период перед властью и обществом, можно выделить следующие:

Таблица 2

«Во второй половине 80-х годов в советском обществе началась перестройка. Вспомните, пожалуйста, свое отношение к перестройке в ее начале, в конце и в настоящее время?»

Отношение к перестройке	В начале перестройки, 1985-1988 гг.	В конце перестройки, 1989-1991 гг.	В настоящее время
Полная поддержка	23,0	5,0	7,0
Неоднозначное, но скорее позитивное	31,0	20,0	21,0
Неоднозначное, но скорее негативное	15,0	34,0	26,0
Резко отрицательное	15,0	33,0	37,0
Не помнят/Трудно сказать	16,0	8,0	9,0

- сохранить социалистический строй в «обновленном виде», построить «демократический социализм с человеческим лицом»;
- ускоренно продвигаться к демократии и рынку западного типа, отбросив социалистическую идеологию;
- решительно развивать рыночные отношения, но не торопиться с введением политической демократии (то, что с известной долей условности получило название «китайского варианта»).

Данные о том, как россияне оценили эти варианты перестройки в 1995 и 2005 гг., приводятся в таблице 3.

Наибольшую поддержку, как и 10 лет назад, получила точка зрения о том, что перестройка не должна была выходить за рамки заявленных первоначально целей, определенных как обновление и демократизация социализма. Причем доля тех, кто так считает, за последнее десятилетие возросла с 27,0% до 33,0%. И это несмотря на то, что число «советских фундаменталистов» продолжает падать, равно как и число сторонников нынешней КПРФ².

Приведенные данные, характеризующие альтернативные варианты перестройки, можно сгруппировать в две основные позиции. Суммарная доля тех, кто считает, что перестройку следовало проводить, не разрушая социалистического строя, и тех, кто считает, что перестройку вообще не следовало начинать, — это, условно говоря, сторонники социализма в «горбачевском» и в «брежневском» вариантах — составляет 54,0%. Объединив же второй и третий варианты — условно говоря, «демократов-западников»

Таблица 3
«Как надо было проводить перестройку?», %

Перестройку надо было проводить...	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.
Не разрушая социалистического строя	27,0	33,0
Более решительно, ускоренно продвигаясь к демократии и рынку западного типа	12,0	12,0
Решительно развивая рыночные отношения в экономике, но не торопясь с введением демократии	18,0	19,0
Так, как она (перестройка) и проводилась	2,0	3,0
Перестройку вообще не следовало проводить	27,0	20,0
Затруднились ответить	14,0	13,0

и «либералов-авторитаристов», т. е. тех, кто сегодня является сторонником несоциалистического пути развития страны — мы получим цифру 30,0%. Другими словами, доли сторонников перестройки советского общества на социалистических и несоциалистических началах соотносятся сегодня в России как 1,8:1,0.

Весьма любопытная картина выявляется при сопоставлении взглядов сторонников перестройки и ее противников на то, какой вариант ее осуществления им представлялся наиболее целесообразным. Отношение к этим вариантам у сторонников и противников перестройки заметно различается. Противники консолидированы в своей позиции, полагая, что наилучшим вариантом было бы вообще ничего не затевать (50,0%), а уж если проводить перестройку, то в рамках существующей системы (35,0%). Мнение «сторонников» перестройки, напротив, оказалось расколотым: 32,0% предпочли бы модернизацию существующего строя, 30,0% отдали бы предпочтение переходу к капитализму под патронажем государства и еще 19,0% высказались за чисто либеральные реформы (см. табл. 4). Таким образом, даже сегодня среди сторонников перестройки нет единодушия относительно путей ее реализации, а что уж говорить о ситуации 20-летней давности, когда эти вопросы носили судьбоносный характер и определяли будущее страны.

При этом следует учитывать, что, выступая за сохранение социалистического строя значительное число россиян имеют в виду социализм, принципиально отличный от «советско-брежневского». Как показывают исследования — это некая идеальная, возможно утопическая конструкция, которая сочетает в себе положительные стороны капитализма и социализма. То, что такая идеальная модель организации общественной жизни

Таблица 4
Мнение сторонников и противников перестройки о том, как ее надо было проводить, в %

Перестройку надо было проводить...	Сторонники перестройки	Противники перестройки
Не разрушая социалистического строя	32,0	35,0
Более решительно, ускоренно продвигаясь к демократии и рынку западного типа	19,0	3,0
Решительно развивая рыночные отношения в экономике, но не торопясь с введением демократии	30,0	7,0
Так, как она (перестройка) и проводилась	6,0	—
Перестройку вообще не следовало проводить	1,0	50,0
Затруднились ответить	12,0	5,0

была и остается востребованной значительным числом россиян сегодня, подтверждается многими исследованиями ИКСИ РАН и других социологических центров.

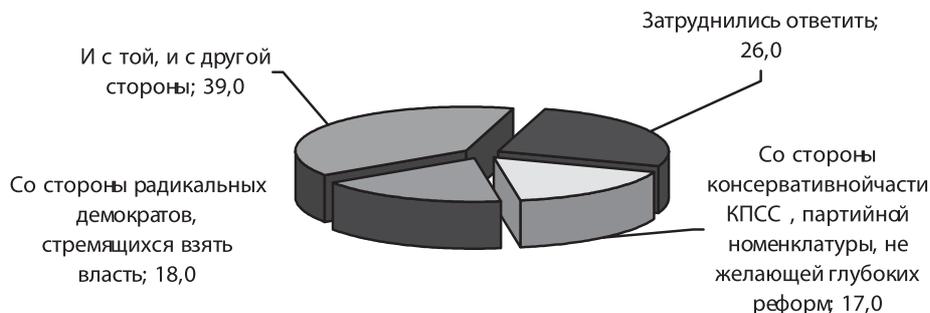
Однако ситуация в конце 80-х годов развивалась таким образом, что возможности для реализации, условно говоря, социал-демократического проекта в Советском Союзе практически не было. М. Горбачев и его окружение оказались фактически зажатыми между радикальными политическими силами — с одной стороны, ортодоксально-коммунистической направленности, с другой — ортодоксально-либеральной.

Отражением данной ситуации является мнение россиян относительно того, кто и с какой стороны оказывал на М. Горбачева наибольшее давление. По мнению почти 40% опрошенных, давление как со стороны радикальных демократов, так и со стороны консервативной части КПСС было примерно одинаковой силы (см. рис. 2).

В конечном счете, как известно, победила точка зрения о необходимости форсированного развития в России капиталистических отношений. То, что ни тогда, ни сейчас она не имела и не имеет преобладающего числа приверженцев, обусловило в значительной степени провал либеральных реформ 90-х годов. Были ли какие-то иные сценарии развития процессов и событий второй половины 80-х годов и как в случае своей реализации они сказались бы на жизни страны — это уже вопрос в значительной степени риторический, предмет для дискуссий историков.

Рисунок 2

«С какой стороны давление на М. Горбачева было наиболее сильным?», в %

Основные события перестройки: Грядет ли переоценка ценностей?

Отношение россиян к перестройке во многом связано с тем, как они оценивают наиболее значимые события и процессы того времени, которые произошли во внутренней и внешней политике и оказали влияние на дальнейшее развитие страны и мира. Именно поэтому в ходе проведенного исследования респондентам было предложено не только оценить общее отношение к перестройке, но и выразить свое отношение к ключевым событиям 1985–1991 гг. Первое, что обращает на себя внимание, — большинство событий и процессов, характеризующих период перестройки, россияне оценивают в целом положительно. Из 26 включенных в перечень важных событий лишь 9 получили преимущественно отрицательные оценки.

Среди позитивно воспринимаемых в массовом сознании россиян событий и процессов перестроечного периода прежде всего выделяются внешнеполитические инициативы тогдашнего руководства СССР, а также то, что страна открылась миру. Так, безусловно положительно оценивается вывод советских войск из Афганистана (91,0%), прекращение холодной войны, гонки вооружений, противостояния СССР и Запада (88,0%), нормализация отношений с Китаем (76,0%), а также падение «берлинской стены» и объединение Германии (61,0%).

Среди внутриполитических событий выделяется все то, что связано с процессом демократизации советского общества. От 60% до 85% россиян положительно оценили реабилитацию жертв сталинских репрессий, возвращение из ссылки А. Сахарова, расширение возможностей выезда совет-

ских граждан за границу и въезда иностранцев, снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свободы слова, ликвидацию цензуры, демократизацию выборов в советы народных депутатов, разрешение митингов и демонстраций.

Интересная картина возникает при сопоставлении данных настоящего исследования с результатами исследования Фонда общественного мнения (ФОМ) десятилетней давности. Как показали опросы ФОМ 1995 г. и ИКСИ РАН 2005 г. по целому ряду позиций, прежде всего относящихся к преодолению наследия «холодной войны» и процессу демократизации в СССР, мнения россиян за 10 лет практически не изменились, а ряд событий перестройки нынешнее поколение россиян оценивают более позитивно, чем 10 лет назад (см. табл. 5). Так, выросла положительная оценка обретения гражданами права на свободное волеизъявление, включая право на участие в митингах и демонстрациях (с 46% до 60%). Заметно позитивнее сегодня россияне относятся и к введению должности президента СССР (33% и 58%). Также выросло число отмечающих положительную роль кооперативов (с 44% до 61%).

В то же время, по некоторым же позициям, наоборот, доля позитивных оценок россиян сократилась. Например, существенно снизилась поддержка расширения хозяйственной самостоятельности предприятий в рамках социалистической экономики (с 70% до 55%) и выборности трудовыми коллективами руководителей предприятий (с 73% до 53%). При этом отрицательные оценки подобных нововведений увеличились практически вдвое — с 9% до 18% и с 12% до 22% соответственно.

Вторая группа событий включает в себя те, по которым в обществе нет однозначных оценок (см. табл. 6). При том, что они оцениваются скорее со знаком «плюс», но число позитивных оценок не достигает 50%. Это, прежде всего, события вокруг КПСС — появление наряду с ней других политических партий и движений, зарождение многопартийности, изменения в статье 6 Конституции СССР, связанные с ликвидацией монополии КПСС на руководящую роль в обществе. Также неоднозначно оценивается кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что по целому ряду позиций число затруднившихся с ответом и не помнящих то или иное неоднозначно оцениваемое событие превышает число определившихся в ту или иную сторону. Речь идет прежде всего о работе и решениях I Съезда народных депутатов, за работой которого в свое время неотрывно следила вся страна и о котором сегодня не помнят 68,0% опрошенных. О введении должности президента союзной республики (52,0%), обнародовании секретных протоколов пакта Молотова–Риббентропа (44,0%), вокруг которых также в свое время было

Таблица 5
Динамика оценок россиянами наиболее значимых событий и явлений
периода перестройки, в %

	Положительная роль		Отрицательная роль		Затруднились ответить/ не помнят	
	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.
Вывод советских войск из Афганистана	95,0	91,0	2,0	3,0	3,0	6,0
Прекращение холодной войны, гонки вооружений, противостояния СССР и Запада	86,0	88,0	4,0	4,0	10,0	8,0
Полная реабилитация жертв сталинских репрессий	83,0	85,0	5,0	5,0	12,0	10,0
Снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц государства	71,0	70,0	14,0	11,0	15,0	19,0
Возвращение из ссылки А. Сахарова, освобождение политических заключенных	82,0	68,0	2,0	4,0	16,0	28,0
Расширение гласности и свободы слова, ликвидация цензуры	67,0	66,0	19,0	18,0	14,0	16,0
Демократизация выборов в советы депутатов, возможность выдвижения нескольких кандидатур	67,0	66,0	9,0	12,0	24,0	22,0
Прекращение глушения западных радиостанций («Голос Америки», «Би-Би-Си», «Свобода» и др.)	63,0	61,0	13,0	16,0	24,0	23,0
Появление кооперативов	44,0	61,0	39,0	20,0	17,0	19,0
Разрешение митингов и забастовок	46,0	60,0	34,0	21,0	20,0	19,0
Предоставление странам Восточной Европы возможности самим выбирать путь политического и экономического развития	67,0	60,0	7,0	14,0	26,0	26,0
Первые шаги на пути законодательного признания частной собственности	58,0	58,0	14,0	20,0	28,0	22,0
Введение должности президента СССР	33,0	58,0	32,0	13,0	35,0	29,0
Усиление влияния церкви на общественную жизнь страны	55,0	55,0	15,0	17,0	30,0	28,0
Расширение хозяйственной самостоятельности предприятий в рамках социалистической экономики	70,0	55,0	9,0	18,0	21,0	27,0
Выборы трудовыми коллективами руководителей предприятий	73,0	53,0	12,0	22,0	15,0	25,0

Таблица 6
События и процессы периода перестройки
с неоднозначной оценкой россиян, в %

	Положительная роль	Отрицательная роль	Затруднились ответить/ не помнят
Появление наряду с КПСС других политических партий и движений, зарождение многопартийности	49,0	26,0	25,0
Кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом	46,0	37,0	17,0
Изменение статьи 6 Конституции СССР с отменой руководящей роли КПСС	47,0	17,0	36,0
Выборы на альтернативной основе Верховного Совета СССР и РСФСР	47,0	9,0	44,0
Обнародование секретных протоколов о разделе сфер влияния в Европе между СССР и Германией накануне второй мировой войны	41,0	15,0	44,0
Образование общества «Память» и других национально-патриотических организаций	38,0	21,0	41,0
Введение должности президента союзной республики	26,0	22,0	52,0
Работа и решения 1-го съезда народных депутатов СССР	22,0	10,0	68,0

много шума в Советском Союзе и за рубежом. Наконец, речь идет об образовании общества «Память» — главной «страшилки» позднеперестроечной поры (41,0%).

В отношении россиян к событиям с неоднозначной оценкой и к некоторым другим проявляется общая закономерность: в массовом сознании достаточно четко фиксируется оценка процессов и явлений, имевшим долгосрочный характер, продолжающих оставаться актуальными и в настоящее время, но начинают забываться те из них, которые хотя и имели в 80-е годы большой общественный резонанс, сегодня воспринимаются уже как исторический эпизод.

Есть, однако, и обратные примеры, в частности, кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом, начатая по инициативе М. Горбачева. Хорошо помнится критическое отношение к ней большинства населения во время перестройки. Еще 10 лет назад — в 1995 г. — ее положительно оценили 26% опрошенных, тогда как отрицательно — 60%. Сегодня же 46% россиян оценивают ее со знаком «плюс» и 37% — со знаком «минус». Учитывая, что проблема наркомании и алкоголизма входит сегодня в число основных проблем, беспокоящих россиян, наверное, это закономерный результат.

Что же касается третьей группы событий, по отношению к которым преобладают отрицательные оценки, то к ним россияне относят прежде всего использование армии в борьбе со сторонниками государственной независимости в бывших советских республиках (63,0%), снятие запрета на проникновение в страну западной массовой культуры — фильмов, рок-музыки, эротических изданий и т. д. (51,0%), избрание Б. Ельцина президентом России (51,0%) (см. табл. 7).

Таблица 7
События и процессы перестроечного периода,
отрицательно оценивающиеся россиянами, в %

	Положительная роль	Отрицательная роль	Затруднились ответить/ не помнят
Использование армии в борьбе со сторонниками государственной независимости в бывших советских республиках	11,0	63,0	26,0
Снятие запрета на западные фильмы, рок-музыку, эротические издания и т. д.	34,0	51,0	15,0
Избрание Б. Ельцина президентом России в июне 1991 г.	22,0	51,0	27,0
Появление коммерческих банков	33,0	44,0	23,0
Открытая критика в печати идей Маркса, Энгельса, Ленина	25,0	38,0	37,0
Образование различных течений внутри КПСС, начало ее раскола	25,0	38,0	37,0
Усиление экономической самостоятельности союзных республик	32,0	36,0	32,0
Начало конверсии военной промышленности	27,0	33,0	40,0
Выступление Б. Ельцина на пленуме ЦК КПСС осенью 1987 г. с критикой руководства КПСС	28,0	29,0	43,0

Явно не одобряют россияне некоторые экономические новации того времени, прежде всего, конверсию военной промышленности, появление коммерческих банков и усиление экономической самостоятельности союзных республик. Причем к этим и другим явлениям, оценивающимся скорее со знаком «минус», отношение за последние 10 лет практически не изменилось либо изменилось в еще худшую сторону (см. табл. 8).

Таблица 8
Динамика оценок респондентами наиболее значимых событий и явлений периода перестройки, в %

	Положительная роль		Отрицательная роль		Затруднились ответить/ не помнят	
	ФОМ 1995 г.	ИКСИ 2005 г.	ФОМ 1995 г.	ИКСИ 2005 г.	ФОМ 1995 г.	ИКСИ 2005 г.
Использование армии в борьбе со сторонниками государственной независимости в бывших советских республиках	9,0	11,0	75,0	63,0	16,0	26,0
Избрание Б. Ельцина президентом России в июне 1991 г.	25,0	22,0	43,0	51,0	32,0	27,0
Снятие запрета на западные фильмы, рок-музыку, эротические издания и т. д.	32,0	34,0	51,0	51,0	17,0	15,0
Появление коммерческих банков	32,0	33,0	43,0	44,0	25,0	23,0
Открытая критика в печати идей Маркса, Энгельса, Ленина	34,0	25,0	36,0	38,0	30,0	37,0
Образование различных течений внутри КПСС, начало ее раскола	32,0	25,0	34,0	38,0	34,0	37,0
Усиление экономической самостоятельности союзных республик	50,0	32,0	21,0	36,0	29,0	32,0
Начало конверсии военной промышленности	35,0	27,0	28,0	33,0	37,0	40,0
Выступление Б. Ельцина на пленуме ЦК КПСС осенью 1987 г. с критикой руководства КПСС	28,0	29,0	26,0	29,0	46,0	42,0

В целом, можно констатировать, что по отношению к наиболее важным конкретным действиям руководства страны в 1985–1991 гг. среди населения преобладают скорее положительные оценки. При этом, многие из этих решений и действий в свое время давались с большим трудом, вызывая неоднозначную реакцию, а в ряде случаев и яростное сопротивление со стороны разных групп населения и элит. Что-то воспринималось с лико-

нием, что-то в штыки. Сегодня же происходит определенная фильтрация событий с точки зрения их исторической значимости и последствий — что-то перестает восприниматься как значимое, что-то общество, или, во всяком случае, его значительная часть, забывает или хочет забыть, в т. ч. некоторые свои иллюзии и увлечения. Но основной пласт событий, связанных с поворотом страны к ценностям свободного общества, по всей видимости, останется в массовом историческом сознании надолго.

Россияне о достижениях и неудачах перестройки

Дискуссии о плюсах и минусах перестройки продолжались все последние годы. При этом высказывались самые разные мнения, часто эмоционально окрашенные. В настоящее время, похоже, общество подходит к тому этапу, когда все, происходившее 20 лет назад, начинает осмысливаться с рациональных позиций, хотя и сейчас многие россияне не могут без чувственно-эмоциональной окраски относиться к событиям и процессам второй половины 80-х годов.

Наиболее рельефно противоречивость отношения наших сограждан к перестройке проявилась в оценках ее достижений и неудач. Когда речь идет о достижениях, признаваемых значительной частью общества, то на первый план выходят не реформы политической и экономической системы или международные аспекты, связанные с окончанием холодной войны, а обретение прав и свобод, которых люди были лишены в предшествующий период, либо тех прав, которые были существенно ограничены. Это, прежде всего, свобода передвижения, включая свободный выезд за рубеж, свобода слова и мысли, свобода совести и религиозных объединений, свобода предпринимательства (см. табл. 9).

Небезынтересно заметить, что те россияне, которые считают себя выигравшими от проводимых с 1992 г. реформ, прежде всего, выделяют в качестве главных достижений перестройки свободу мысли и слова, свободный выезд за рубеж, развитие частной собственности и возможность больше зарабатывать. А вот для сегодняшних предпринимателей политические права и свободы оказались не так важны. Больше значение они придают тому, что перестройка дала импульс развитию предпринимательской деятельности и частной собственности. В свою очередь, гуманитарная интеллигенция и студенты делают акцент на развитии политических прав и свобод, хотя и не забывают (особенно, студенты) о частной собственности.

Россияне отчетливо осознают ту высокую цену, которое общество заплатило за обретенные свободы. Если отсутствие каких-либо достижений перестройки отметили 18,0% россиян, то в отсутствии потерь уверены

Таблица 9
«Что, с Вашей точки зрения, можно считать
главными достижениями перестройки?», в %

Достижения перестройки	%
Свободный выезд за рубеж	39,0
Свобода слова и мысли	38,0
Прекращение гонений за веру, усиление роли церкви в обществе	35,0
Возможность заниматься предпринимательской деятельностью	34,0
Развитие частной собственности	33,0
Возможность больше зарабатывать	28,0
Окончание холодной войны и избавление от угрозы ядерной катастрофы	21,0
Начало сближения образа жизни советских людей с образом жизни развитых стран	17,0
Начало многопартийности, выборности органов власти	16,0
Большие возможности для самовыражения и личной карьеры	15,0
Отказ от дорогостоящих военно-технических программ	8,0
Рост авторитета страны на международной арене	8,0
Национальное возрождение народов страны	6,0
Другое	1,0
Не видят никаких достижений	18,0
Затруднились ответить	3,0

Сумма цифр более 100%, т. к. можно было отметить до 5 ответов.

лишь 2,0%. В качестве важнейших негативных факторов, сопутствовавших перестройке, отмечаются утрата стабильности (57,0%), падение морали (56,0%), утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне (50,0%), ослабление порядка в стране (44,0%), нарастание межнациональных конфликтов (33,0%) (см. табл. 10).

Причем россияне, пережившие перестройку — те, кто ближе к 40 годам и старше — воспринимают основные потери, которые она за собой повлекла, более остро, чем молодежь. Особенно это касается падения морали, которое в качестве негативного результата перестрой-

Таблица 10
«Что, с Вашей точки зрения, можно отнести
к наиболее существенным потерям перестройки?», в %

Потери перестройки	%
Утрата стабильности	57,0
Падение морали	56,0
Утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне	50,0
Ослабление порядка в стране	44,0
Нарастание межнациональных конфликтов	33,0
Ослабление обороноспособности страны	29,0
Ослабление управляемости страной	28,0
Замедление темпов экономического роста	27,0
Снижение влияния России в мире	22,0
Отход от идеи социализма	21,0
Начало распространения в России западных стандартов образа жизни	10,0
Ослабление и разрушение КПСС	8,0
Усиление дефицита продуктов и товаров	6,0
Другое	3,0
Не видят никаких потерь	2,0
Затруднились ответить	2,0

Сумма цифр более 100%, т. к. можно было отметить до 5 ответов.

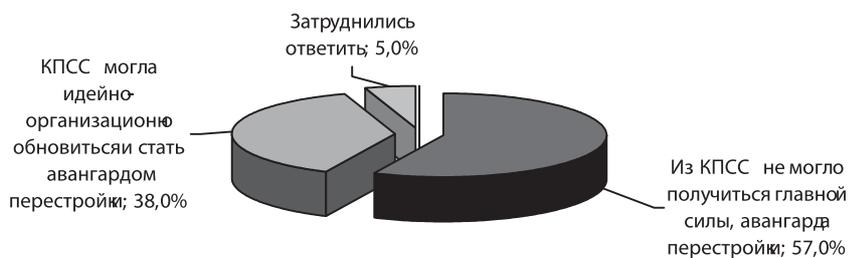
ки выделяют 53% россиян 31–40 лет, 61–65% старше 41 года при 34–39% среди молодежи.

Обращает на себя внимание, что среди россиян очень мало тех, кто к потерям перестройки относит «ослабление и разрушение КПСС» (8,0%). Опрос также показал, что у россиян сформировалось отчетливо выраженное мнение — КПСС в том виде, в каком она существовала в конце 80-х годов, уже ни при каких обстоятельствах не смогла бы стать мощной, интеллектуальной и политической силой. Эту точку зрения разделяют 57,0% опрошенных, в то время как 38,0%, т. е. существенно меньше согласны с тем, что КПСС могла бы идейно и организационно обновиться и стать авангардом перестройки (см. рис. 3).

Такое отношение к КПСС во многом обусловлено тем, что некогда мощная партия, в условиях нарастающего политического и экономичес-

Рисунок 3

«С каким из нижеприведенных суждений Вы в наибольшей степени согласны...?», в %

кого кризиса, раздираемая распрями, сама стала восприниматься, как угроза стабильности и порядка. Соответственно, сожалеть об исчезновении КПСС, тем более считать это «потерей перестройки» большинство нынешних россиян, судя по результатам данного исследования, не намерено.

Совершенно очевидно, что утрата социальной защищенности, уверенности в завтрашнем дне, выделенные россиянами в числе ведущих потерь перестройки, — это то, что беспокоит россиян и сегодня. Именно поэтому в обществе сохраняется не только неоднозначное отношение к перестройке, но и ощущение ее незавершенности. Ведь, как теперь очевидно, не удалась не только перестройка в том виде, как она задумывалась, но и последующие реформы периода Б. Ельцина. Все с большими сложностями сталкивается и ныне действующий президент страны. Отсюда — перестройка в массовом сознании все больше воспринимается как некое переходное состояние от «застойного благополучия» при Л. Брежневе к «рыночному неблагополучию» при Б. Ельцине.

Можно сказать, что это — яркое проявление уже постперестроечной мифологии, когда стали романтизироваться времена Л. Брежнева, и россияне словно забыли, зачем и почему начиналась перестройка. Примечательно, что из числа негативных факторов перестройки в массовом сознании выпали экономические обстоятельства (дефицит продуктов, товаров и др.), связанные с острым экономическим кризисом 1990–1991 гг. Это объясняется тем, что данный период оказался вытеснен в общественных умонастроениях последующими событиями — «шоковой терапией» образца 1992 г., ваучерной приватизацией, дефолтом образца 1998 г. и тому подобными явлениями. Складывается впечатление, что многие события позднего периода перестройки оказались для широких слоев населения как бы забытыми.

Кульминационный момент завершающего этапа перестройки — это, безусловно, события августа 1991 г. Сегодня, вспоминая три августовских

дня 1991 г., россияне, можно сказать, стесняются своих тогдашних эмоций, предпочитая либо не вспоминать события тех дней, либо, вспоминая, исходить из уже сегодняшних оценок и восприятий. Так, окажись они сегодня в августе 1991 г., большинство заняло бы нейтральную позицию (45,0%), 9% встали бы на сторону Б. Ельцина. А симпатии между ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению) и М. Горбачевым оказались бы поделенными поровну — по 13% (см. рис. 4).

Среди населения сегодня нет единого мнения и относительно того, что послужило причиной путча. Официальной версии случившегося, по которой это была попытка государственного переворота силами, выступавшими против демократического обновления общества, придерживаются лишь четверть опрошенных (24,0%). Наиболее распространенной оценкой событий августа 1991 г. в массовом сознании сегодня можно считать точку зрения, согласно которой отстранить от власти М. Горбачева стремилась команда Б. Ельцина, а не путчисты (см. рис. 5)

Что же касается конкретных причин поражения перестройки, то россияне, судя по результатам опроса, учитывают, что глубокие и противоречивые процессы развивались не только в Советском Союзе, но и за его пределами, прежде всего, в странах социалистического содружества. Неслучайно большинство опрошенных (52,0%) склонны считать, что к поражению перестройку привели как внутренние, так и внешние причины. Не мало (22,0%) и тех, кто уверен, что внутренние причины оказали первостепенное негативное влияние на ход перестройки. Интересно, что по прошествии времени все меньше россиян склоняются к разного рода конспирологическим версиям неудач перестройки. Лишь 10,0% считают, что к поражению перестройку привели внешние силы («мировая закулиса», западные спецслужбы и т. п.

Среди внутривластных причин поражения перестройки отмечаются, прежде всего, просчеты в стратегии и практических действиях руководства страны. На это указали 44% опрошенных. Примечательно, что многие россияне готовы разделить ответственность с руководством страны за провал перестройки, весьма самокритично отмечая, что само общество было не готово к глубоким преобразованиям (35,0%). Треть опрошенных (30,0%) в качестве причины неудач перестройки назвали агрессивный сепаратизм и национализм ряда бывших республик СССР (см. рис. 6).

Рисунок 4

«А если бы Вы вдруг оказались в недавнем прошлом — августе 1991 г., на чьей стороне были бы Ваши симпатии?», в %

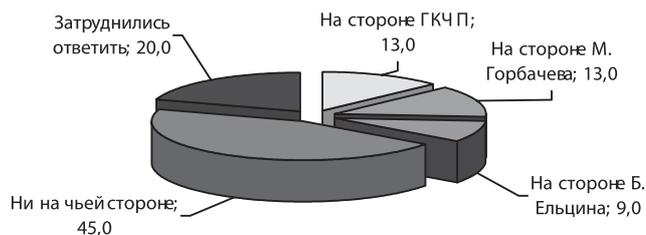

Рисунок 5

Оценка событий августа 1991 г., в %

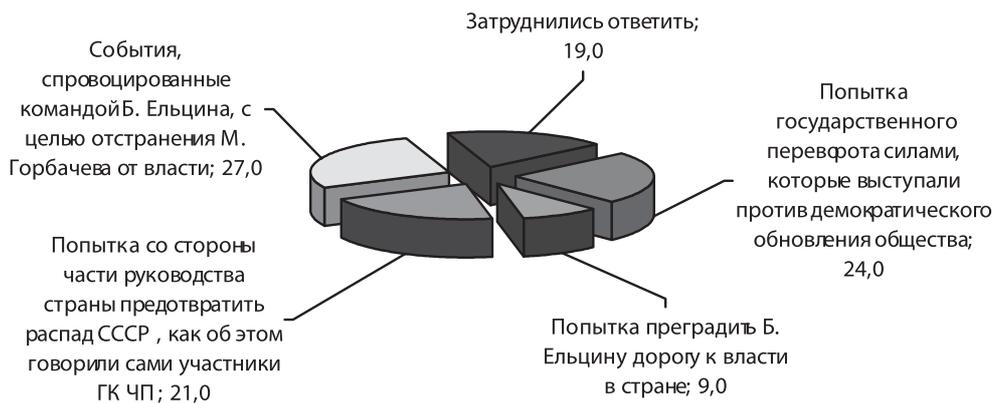

Рисунок 6

Главные внутренние причины негативных последствий перестройки, в %

Сумма цифр более 100%, т. к. можно было отметить до 3-х ответов.

Таким образом, перестройка, по мнению значительного числа россиян, не удалась, прежде всего потому, что не удалось синхронизировать действия руководства страны с подготовкой самого населения к восприятию и практической реализации идей перестройки, к осуществлению масштабных преобразований.

Перестройка и Горбачев в зеркале общественного мнения

Неоднозначное отношение населения к перестройке, а в дальнейшем и к последующим за ней процессам и явлениям в общественной жизни не могло не сказаться на отношении россиян к М. Горбачеву. Как показало настоящее исследование, хотя отношение к лидеру перестройки и корре-

лирует с отношением россиян к самой перестройке, все же деятельность М. Горбачева оценивается более положительно, чем начатые им преобразования. Если к перестройке сегодня позитивно относятся 28,0% россиян, то к деятельности М. Горбачева — 36,0%; скорее негативно, — соответственно 63,0% и 49,0% (см. табл. 11).

Таблица 11
Отношение россиян к перестройке и к М. Горбачеву, в %

Отношение к перестройке	%	%	Отношение к М. Горбачеву
Полная поддержка	7,0	7,0	Положительное
Неоднозначное, но скорее позитивное	21,0	29,0	Скорее положительное, чем отрицательное
Неоднозначное, но скорее негативное	26,0	24,0	Скорее отрицательное, чем положительное
Резко отрицательное	37,0	25,0	Отрицательное
Затруднились ответить	9,0	15,0	Затруднились ответить

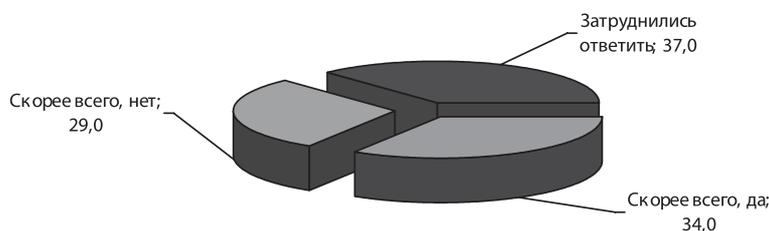
Так же, как и в отношении к перестройке, к деятельности М. Горбачева более позитивно относятся молодые и более образованные россияне. Примечательно, что в составе россиян, которые выиграли от реформ 90-х годов, в два раза больше тех, что положительно оценивает деятельность М. Горбачева сравнительно с теми, кто считает себя проигравшими. И, наоборот, среди проигравших в ходе реформ, оказывается в два раза больше тех, сравнительно с выигравшими, кто оценивает деятельность лидера перестройки отрицательно.

Несмотря на то, что необходимость перемен в Советском Союзе, что называется, «витала в воздухе», многие аналитики и тогда были и сейчас убеждены в том, что Советский Союз даже в кризисном состоянии мог существовать еще долгое время. Тем более что вся власть была сконцентрирована фактически в руках одного человека — Генерального секретаря ЦК КПСС. Именно поэтому перестройку многие и в России, и за рубежом считают личным «проектом» М. Горбачева. Неслучайно вопрос о том, смог бы какой-нибудь другой руководитель партии и страны пойти на столь масштабные преобразования советского общества, вызвал разноречивые оценки в общественном мнении россиян. Относительное большинство (38,0%)

не смогли дать ответ на этот вопрос, тогда как мнение остальных разделилось — 34,0% дали на этот вопрос утвердительный ответ, а 29,0% — отрицательный (см. рис. 7)

Рисунок 7

«Как Вы думаете, если не М. Горбачев, то кто-нибудь другой из советских руководителей решился бы пойти на столь масштабные преобразования советского общества?», в %

Также разделились мнения россиян по ряду оценок вклада М. Горбачева в историю страны и мира. С одной стороны, у значительного числа опрошенных вызывает согласие точка зрения, в соответствии с которой М. Горбачев — фигура масштабная, историческая, во многом изменившая мир (39,0%). С другой стороны, примерно столько же (42,0%) не согласны с тем, что Горбачев — «отец нового мышления, подтолкнувший мир к осознанию общих ценностей и интересов». Или иной пример: 48,0% разделяют позицию, что М. Горбачев дал стране и людям свободу, но примерно столько же (54,0%) согласились с суждением о ряде допущенных М. Горбачевым неоправданных компромиссов (см. табл. 12).

Все это, безусловно, отголоски старых мифов о перестройке и о ее лидере, которые, судя по результатам настоящего исследования, продолжают находить благодатную почву в массовом сознании современных россиян.

Тем не менее, исследование показало, что в обществе происходят определенные сдвиги, в том числе и в отношении к М. Горбачеву. Как уже отмечалось, растут симпатии к первому президенту страны среди молодой, активной, дееспособной части населения. Весьма значимым изменением можно считать и «окончательный развод» в массовом сознании фигур М. Горбачева и Б. Ельцина. Причем, если в конце 80-х начале 90-х годов президента СССР многие обвиняли в торможении «реформаторских» усилий российского руководства во главе с Б. Ельциным, то сегодня вина М. Горбачева видится в том, что он не сумел их вовремя остановить. Так или иначе, россияне сегодня не склонны считать Б. Ельцина продолжателем

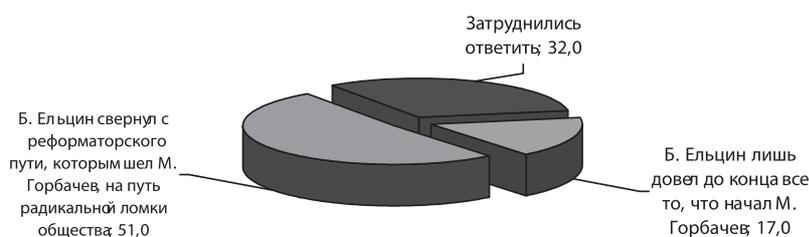
Таблица 12
Суждения россиян о М. Горбачеве, в %

Суждения	Согласны	Не согласны	Затруднились ответить
М. Горбачев снял со страны «намордник и ошейник», дал людям свободу	48,0	31,0	21,0
М. Горбачев — «отец нового мышления», подтолкнувший разные страны, мир в целом к осознанию общих ценностей и интересов	29,0	42,0	29,0
М. Горбачев в ходе перестройки попал под влияние Запада и пошел на ряд неоправданных для СССР компромиссов	54,0	17,0	29,0
Никогда деятельность одного человека не меняла мир столь быстро и фундаментально, как при М. Горбачеве	39,0	32,0	29,0

дела М. Горбачева и дела перестройки. Лишь 17,0% согласны с утверждением, что «Б. Ельцин довел до конца все то, что начал М. Горбачев», тогда как большинство респондентов (51,0%) убеждены в том, что Б. Ельцин «свернул с реформаторского пути, которым шел М. Горбачев, на путь радикальной ломки общества» (см. рис. 8).

Рисунок 8

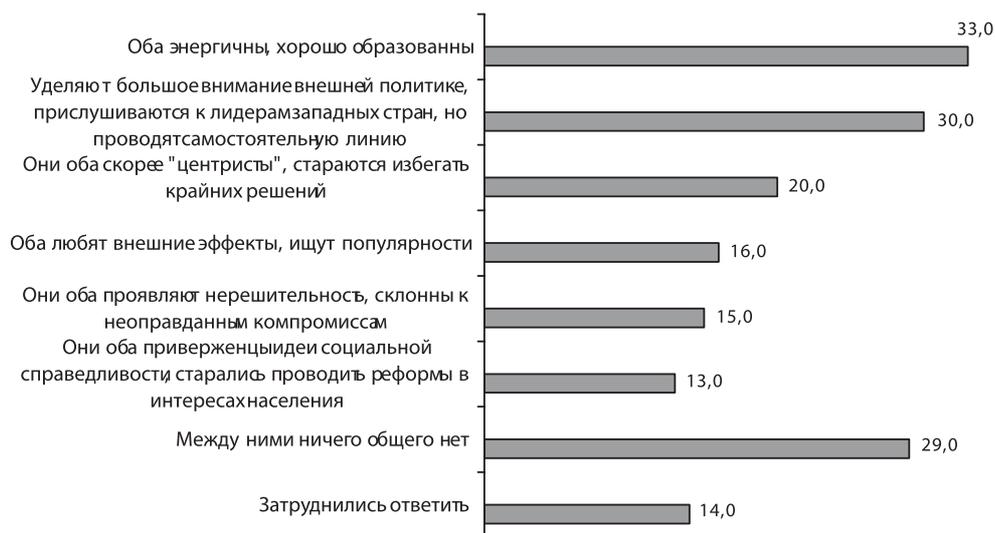
«Какое из двух утверждений является, на Ваш взгляд, верным?», в %

Несколько более сложное отношение у россиян возникает при сопоставлении М. Горбачева с ныне действующим Президентом России В. Путиным. Главное сходство двух президентов, судя по результатам исследования, связано с тем, что они энергичны и хорошо образованы (33,0%). Примерно столько же (30,0%) отметили, что М. Горбачев и В. Путин уделяют большое внимание внешней политике. На этом сходства собственно и заканчиваются. Остальные внешне похожие черты, будь-то приверженность «центризму» или идее социальной справедливости, или склонность

Рисунок 9

Общее в политике и личных качествах нынешнего Президента страны В. Путина и М. Горбачева в оценках россиян, в %

Сумма цифр в рисунке более 100%, т. к. можно было отметить до 3-х ответов.

к компромиссам, отмечают сравнительно незначительным число опрошенных. Немалое число россиян (43,0%) и вовсе либо не обнаружили, либо затруднились обнаружить что-то общее между М. Горбачевым и В. Путиным (см. рис. 9).

Безусловно, это в первую очередь связано с тем, что М. Горбачев и В. Путин действительно разные люди, к тому же действующие в совершенно разных исторических обстоятельствах. Как показало исследование, отсутствие между ними идейно-политической преемственности фиксируется и в массовом сознании. Так, многие россияне считают не возможным в современных условиях использовать «идейный багаж» перестройки. Лишь четверть опрошенных 25,0% считает, что В. Путин мог бы взять на вооружение идею конвергенции, все лучшее от капитализма и социализма, еще меньше — багаж «нового мышления» (15,0%) и политического плюрализма (13,0%). Одновременно с этим 26,0% опрошенных отмечают, что политика В. Путина радикально отличается от политики М. Горбачева, и еще 19,0% согласны с тем, что все перестроечные идеи в современной России не реализуемы.

Это вовсе не означает, что россияне негативно относятся к тем идеям, которые впервые были предложены обществу в конце 80-х годов. Как пока-

Таблица 13

«На Ваш взгляд, при каком руководителе страны— Горбачеве, Ельцине или Путине — положение дел в стране было лучше?», в %

Направления	При Горбачеве	При Ельцине	При Путине	Затруднились ответить
Общее состояние экономики	24,0	2,0	42,0	32,0
Уровень жизни населения	32,0	5,0	40,0	24,0
Своевременность выплат зарплат, пенсий и социальных пособий	29,0	2,0	59,0	11,0
Безопасность граждан	50,0	2,0	11,0	36,0
Международное положение страны	34,0	3,0	36,0	28,0
Общий психологический климат в стране	36,0	5,0	22,0	37,0
Состояние демократии, гласности в стране	18,0	19,0	30,0	33,0
Эффективность государственного управления страной	13,0	2,0	36,0	49,0
Положение в армии	36,0	2,0	19,0	43,0
Деятельность правоохранительных органов (суды, МВД, прокуратура)	26,0	2,0	19,0	54,0
Межнациональные отношения	45,0	3,0	17,0	34,0
Политическая активность граждан	25,0	23,0	22,0	29,0
Борьба с коррупцией чиновников	12,0	3,0	35,0	50,0
Права человека	18,0	6,0	22,0	53,0

зало исследование, к идеям общечеловеческих ценностей, нового мышления, демократизации, гласности, гуманного демократического социализма и т. п. отношение россиян — самое что ни на есть позитивное. Скепсис и негативизм вызывают результаты практической реализации этих идей. Например, — демократизации российского общества. Так на вопрос о том, чья главная заслуга состоит в обретении Россией демократических прав и свобод, 19,0% назвали В. Путина, 12,0% М. Горбачева, а 8,0% Б. Ельцина, тогда как 43,0% заявили, что в России не было и нет демократии.

Сопоставляя фигуры руководителей страны, россияне конечно же берут в расчет события и процессы последних 20 лет советской–российской истории. В ответе на вопрос: «При каком руководителе — М. Горбачеве, Б. Ельцине или В. Путине — положение дел в стране было лучше?», прослеживается примерно одна и та же динамика. При М. Горбачеве было хорошо, но не очень, потом стало совсем плохо при Б. Ельцине, и, наконец, при В. Путине — лучше, чем при Горбачеве и Ельцине (см. табл. 13).

В этом смысле нынешний этап развития страны при В. Путине воспринимается как некая альтернатива и периоду перестройки, и периоду Ельцина. Тем интересней обратить внимание на те позиции, по которым время В. Путина уступает времени М. Горбачева. К ним относятся безопасность граждан, общий психологический климат в стране, положение дел в армии и других силовых и правоохранительных органах, ситуация с межнациональными конфликтами. Следует заметить, что уровень развития демократии выше оценивается в настоящее время, а уровень политической активности граждан — при Горбачеве. Обращает на себя внимание и очень большой процент затруднившихся ответить, достигающий по ряду позиций более половины опрошенных. Это — деятельность правоохранительных органов (54,0%), ситуация с правами человека (53,0%), борьба с коррупцией (50,0%). По всей видимости, это то большинство населения, которое считает, что «лучшего положения» в данных и некоторых других областях жизни общества не было ни при каком политическом режиме последних двух десятилетий.

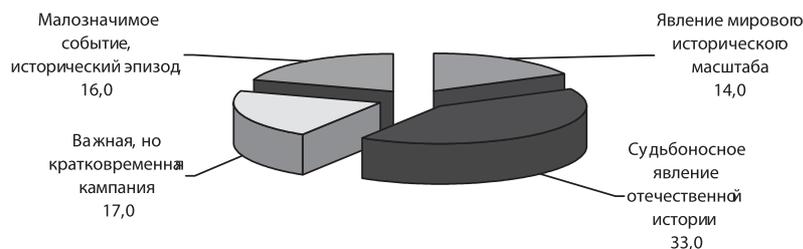
Россияне о роли и уроках перестройки

Не было, пожалуй, в новейшей истории нашей страны периода, вызвавшего столь жаркие дискуссии, столкновения различных точек зрения, как перестройка. Особенно когда речь идет об исторической роли перестройки, ее влиянии на последующее развитие страны и мира. При этом, как свидетельствуют результаты настоящего исследования, для большинства россиян — это, безусловно, значимое историческое событие. Одним из наглядных подтверждений этого выступает тот факт, что лишь 16,0% опрошенных охарактеризовали ее как малозначимое событие, исторический эпизод.

В то же время, оценивая масштабность перестройки и ее влияние на мировые процессы, при всей очевидности для многих россиян тех существенных перемен, прежде всего, внешнеполитического характера, к которым привела перестройка, явлением мирового исторического масштаба ее считают лишь 14,0% респондентов. Относительное большинство россиян (33,0%) считает перестройку судьбоносным явлением, но в контексте отечественной истории (см. рис. 10).

Рисунок 10

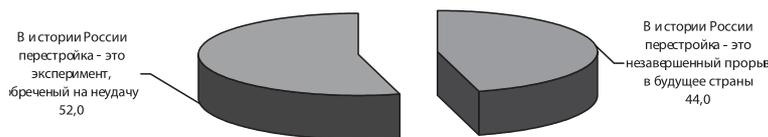
Оценка россиянами исторической значимости перестройки, в %

Сумма цифр в рисунке менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся ответить.

Рисунок 11

Отношение россиян к суждениям о роли перестройки в жизни нашей страны, в %

Отчасти это, конечно же, связано с тем, что сама перестройка все больше воспринимается «как дела давно минувших дней», хотя и продолжающие периодически будировать общественное мнение. Вместе с тем, следует иметь в виду, что и в данном случае мы сталкиваемся с уже упоминавшимися противоречиями в массовом сознании, когда необходимость перестройки признается значительным числом россиян, да и большинство событий и явлений того времени оценивается со знаком «плюс», а исторический след, который оставила перестройка, как блеклый.

Одним из проявлений такого противоречия является неоднозначное отношение россиян к роли перестройки в жизни страны. Так, доля тех, кто оценивает период перестройки как прорыв в будущее, хотя и не завершённый, и тех, кто оценивает перестроечные преобразования как эксперимент, заведомо обречённый на неудачу, составляют в общем-то сопоставимые группы, соответственно 44,0% и 52,0% (см. рис. 11).

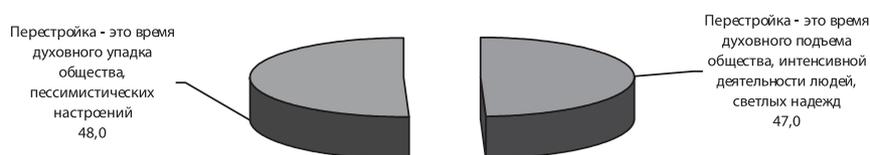
Сопоставимое соотношение оценок наблюдается и в отношении россиян к «духовной» составляющей перестройки. Так, 47,0% наших сограждан оценивают перестройку как время духовного подъёма общества, обрете-

ние людьми веры в будущее, их активной общественной и политической деятельности, тогда как почти столько же — 48% — как время духовного упадка, апатии и пессимизма (см. рис. 12).

Несмотря на всю неоднозначность оценок исторической роли перестройки и ее влияния на развитие страны, (и в этом заключен еще один парадокс массового сознания) практически все идеи, ценности, новые смыслы, привнесенные в общество перестройкой, включая ценности демократии, крайне позитивно оцениваются нынешними поколениями россиян.

Рисунок 12

Отношение россиян к суждениям о роли перестройки в жизни нашей страны, в %

Сумма цифр в рисунке менее 100%, т. к. не указаны затруднившиеся ответить.

Большинство российских граждан положительно воспринимает на асоциативном уровне такие слова-символы, как: общечеловеческие ценности (78,0%), гласность (77,0%), гражданское общество (74,0%), ускорение развития (69,0%), чувство хозяина (68,0%), рыночная экономика (66,0%), демократизация (66,0%), альтернативные выборы (62,0%), новое мышление (60,0%), самоуправление (59,0%), многопартийность (58,0%), реформа (58,0%), консенсус (согласие) (56,0%). При этом, само понятие «перестройки» скорее позитивно оценивают 49,0%, а скорее негативно — 45,0%.

К «антиценностям» большинство россиян относят понятия, относящиеся к предшествующей эпохе: застой периода (60,0%), тоталитаризм (59,0%), механизм торможения (58,0%), неформальные общественные объединения (57,0%), консерваторы (56,0%) (см. табл. 14).

Причем, как в отношении положительно воспринимаемых, так и в отношении негативно воспринимаемых понятий исследование не зафиксировало отличий в оценках среди представителей различных социально-демографических групп. Иными словами, по отношению к этим понятиям исследование фиксирует определенный общественный консенсус.

Тот факт, что большинство идей, ценностей перестроечной поры воспринимаются подавляющим большинством населения со знаком плюс, имеет чрезвычайно важное значение, поскольку хорошо помнится, что

Михаил Горшков, Владимир Петухов • Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя

Таблица 14

«Каждый человек по-разному относится к различным словам и понятиям. Как Вы относитесь к некоторым из них, которые стали активно употребляться в середине–конце 80-х годов?», в %

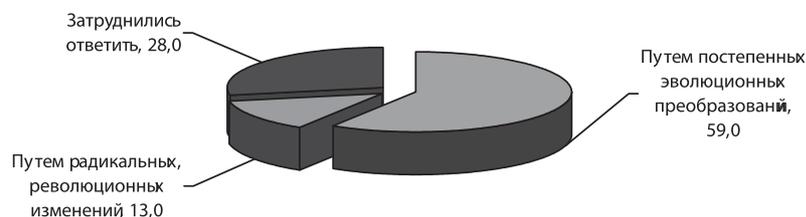
Понятия	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Не знают, не помнят такого понятия
1. Перестройка	49,0	45,0	6,0
2. Гласность	77,0	17,0	6,0
3. Плюрализм	36,0	29,0	35,0
4. Гражданское общество	74,0	11,0	15,0
5. Консенсус (согласие)	56,0	25,0	19,0
6. Реформа	58,0	36,0	6,0
7. Новое мышление	60,0	25,0	15,0
8. Общечеловеческие ценности	78,0	10,0	12,0
9. Застой (брежневский период)	29,0	60,0	11,0
10. Консерваторы	21,0	56,0	23,0
11. Центризм	22,0	43,0	35,0
12. Неформальные общественные объединения («неформалы»)	22,0	57,0	21,0
13. Демократизация	66,0	23,0	11,0
14. Парламентаризм	48,0	28,0	24,0
15. Многопартийность	58,0	33,0	9,0
16. Ускорение развития	69,0	20,0	11,0
17. Рыночная экономика	66,0	26,0	8,0
18. Механизм торможения	17,0	58,0	25,0
19. Самоуправление	59,0	28,0	13,0
20. Чувство хозяина	68,0	22,0	10,0
21. Гуманный демократический социализм	42,0	27,0	31,0
22. Тоталитаризм	12,0	59,0	29,0
23. Альтернативные выборы	62,0	22,0	16,0
24. Реформаторы	40,0	43,0	17,0
25. Конверсия	32,0	30,0	38,0
26. Самофинансирование	46,0	31,0	23,0
27. Глобализация	27,0	33,0	40,0

большинство из них являлось предметом острой идеологической борьбы, а такие понятия, например, как многопартийность или рыночная экономика и вовсе рассматривались как подрывающие основы государства. Сегодня же — это совершенно привычные, естественные словосочетания. Важно и то, что эти понятия сегодня воспринимаются позитивно, несмотря на последующую их дискредитацию практикой российских реформ 90-х годов, далекой от тех идеалов, которыми жило российское общество в конце 80-х годов.

В целом, россияне очень четко разделяют смыслы, цели и замыслы перестройки от способов и результатов их достижения. Это отчетливо видно, когда речь идет об оценках россиян исторического опыта перестройки. Главный вывод, который российское общество, судя по результатам настоящего исследования, извлекло из опыта перестройки и последующих реформ, — это то, что страна должна меняться только вследствие постепенных, эволюционных преобразований. Данную точку зрения сегодня разделяет большинство россиян (59,0%). К сторонникам же радикальных, революционных изменений себя отнесли лишь 13,0% опрошенных (см. рис. 13).

Рисунок 13

«Каким путем лучше осуществлять в нашей стране глубокие качественные преобразования?», в %

Путь эволюционных преобразований считают предпочтительным для нашей страны большинство во всех возрастных группах россиян, а также во всех группах, выделенных по уровню материальной обеспеченности, возрасту и образованию. Другими словами, во многом благодаря опыту перестройки постепенность, эволюционность любых масштабных преобразований стала некой консенсусной позицией для российского общества и его различных социальных групп.

На смену реформистско-прогрессистским ценностям, которыми было увлечено общество в конце 80-х, начале 90-х годов пришла ориентация на реформы под патронажем государства, учитывающая национальные осо-

Михаил Горшков, Владимир Петухов • Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя

бенности России. Так, главный урок, по мнению 59,0% опрошенных, который должна извлечь Россия из опыта и практики перестройки, связан с тем, что «Россия должна идти своим путем» и что ей жизненно необходима твердая и сильная власть (41,0%). Причем реформы надо начинать, прежде всего, с экономики, а не с политической системы (39,0%), а проводить их надо осторожно и постепенно (34,0%) (см. табл. 15).

Ориентации на постепенность, основательность, подготовленность и подконтрольность процессов реформирования предопределяют те условия, которые россияне считают прежде всего необходимыми для успешных реформ. Как видно из данных, приведенных в таблице 16, отмечается три наиболее важных условия успешного реформирования: во-первых, это профессионализм, опытность и преданность интересам страны тех, кто вместе с лидером страны осуществляет реформы (49,0%); во-вторых, научная обоснованность программы их действий (48,0%); в-третьих, наличие в стране твердой, жесткой и стабильной власти (41,0%).

Очевидно, что отчетливо выраженный общественный консерватизм в оценках опыта перестройки учитывает опыт гораздо более радикальных реформ начала 90-х годов и историю реформирования России в целом. В жизни страны предпринималось множество попыток ее изменить. Какие-то из них были более удачными, какие-то мене удачными, но что практически никогда не удавалось сделать — это качественно изменить к лучшему социально-экономические условия жизни населения страны, поднять до желаемых высот благосостояние народа. Между тем, как показывают опросы конца 80-х годов и сегодняшние исследования, именно это, в первую очередь, волновало и занимало большинство населения. Конечно, было бы не правильно считать, что общество и тогда, и сейчас смотрело на происходящие в стране события и процессы исключительно через призму «толщи» своего кошелька. Но также ясно, что ныне живущие россияне существенно более прагматичны, чем предыдущие, более сдержанны и скептически в отношении даже самых привлекательных идей, программ и т. п.

Прагматизм россиян выражается и в том, что, не одобряя распад СССР, продолжая питать уважительные чувства к этой, уже несуществующей стране (две трети населения продолжают считать, что испытывали в СССР чувство принадлежности к большому сообществу), россияне отдают себе отчет в том, что вернуть былое уже невозможно, что восстановить СССР не удастся, и соответственно, все меньше рефлексируют по этому поводу. Если еще в 1998 году доли согласных и не согласных с суждением «С крахом СССР во мне было разрушено все, во что я когда-то верил» были примерно одинаковы, то сегодня россиян, не согласных с такой оценкой, заметно больше — 47,0% по сравнению с 33,0% в 1998 г. (см. табл. 17).

Таблица 15
Главные уроки, которые, по мнению россиян, должна извлечь Россия, ее лидеры из опыта и практики перестройки, в %

Уроки	%
России надо идти своим путем, учитывая, но не повторяя опыт других стран	59,0
России нужна твердая и сильная власть	41,0
Реформы в обществе надо начинать с экономики, а не с политической системы и демократии	39,0
Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе	34,0
Россия может процветать только тогда, когда во главе ее — сильная личность, хозяин	26,0
В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках	17,0
Нельзя в недемократическом обществе проводить реформы демократическим путем	12,0
Не надо «изобретать велосипед»; западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	8,0
В России любые реформы обречены на неудачу	6,0
Другое	1,0

Сумма цифр более 100%, т. к. можно было отметить до 4-х ответов.

В целом, очевидно, что россияне довольно критично оценивают опыт и итоги перестройки и далеко не в восторге от того, что происходит в стране в настоящее время, особенно на фоне неподготовленных реформ в социальной сфере. Столь же очевидно, что для них уже невозможно вернуться к прежним, доперестроечным временам, которые тоже оцениваются достаточно критично (вспомним, в частности, уверенность большинства в том, что перестройка в свое время была стране необходима). Но помимо рациональных, отмеренных на весах эффективности, прогресса и т. д. оценок событий двадцатилетней давности и событий сегодняшних дней, есть еще одно мерило отношения к ним людей. Этим мериллом, в конечном итоге, может выступать тот или иной период в жизни страны, желание или нежелание людей в нем жить. Как показало проведенное исследование, до сих пор более трети населения (36,0%) испытывают ностальгию по России времен Советского Союза и, если бы им представилась возможность выбирать в каком времени жить, предпочли бы именно этот период. Хотя за последние 13 лет число людей, желающих возврата к прежней эпохе существенно сократилось — с 55,0 до 36,0%. Нынешняя жизнь представляется привлекательной примерно для каждого пятого россиянина (27,0%). Еще треть

Таблица 16

Что необходимо, по мнению россиян, для осуществления в России эффективных преобразований, в %

Необходимо:	%
Профессионально подготовленная, опытная и преданная интересам страны команда, работающая с российским лидером	49,0
Всесторонне продуманная, научно обоснованная программа действий	48,0
Твердая, жесткая и стабильная власть	41,0
Лидер страны, пользующийся доверием и поддержкой большинства населения	37,0
Учет опыта и верность традициям российской истории	28,0
Готовность самого общества к масштабным преобразованиям	26,0
Новая революция	5,0
Широкомасштабная финансовая помощь Запада	3,0
Помощь западных консультантов и советников	2,0
Затруднились ответить	5,0

Сумма цифр более 100%, т. к. можно было отметить до 3-х ответов.

Таблица 17

Динамика отношения россиян к распаду СССР, в %

Суждения	Согласны		Не согласны		Затруднились ответить	
	1998 г.	2005 г.	1998 г.	2005 г.	1998 г.	2005 г.
В Советском Союзе я испытывал чувство принадлежности к большому сообществу	55,0	65,0	15,0	15,0	30,0	20,0
С крахом СССР во мне было разрушено все, во что я когда-то верил	35,0	34,0	33,0	47,0	32,0	19,0

не смогли остановить свой выбор ни на советской, ни на нынешней России (см. табл. 18).

Представляется, что приведенные данные фиксируют очень важное обстоятельство — ни перестройка сама по себе, ни последовавшие за ней либеральные реформы, ни социальные трансформации сегодняшнего дня не смогли создать в России той общественной «среды обитания», которая устроила хотя бы относительное большинство населения.

Таблица 18

**«Что бы Вы предпочли, если можно было выбирать:
нашу нынешнюю жизнь или то, как мы жили до перестройки?», в %**

Предпочитают:	ВЦИОМ, 1992 г.	ИКСИ, 2005 г.
Нынешнюю жизнь	15,0	27,0
Жизнь до перестройки	55,0	36,0
Ни то, ни другое	24,0	28,0
Затруднились ответить	6,0	9,0

Причем, динамика гипотетического выбора между нынешней и прошлой Россией, как показывает исследование, происходит не столько за счет переоценки ценностей и привлекательности того или иного времени, сколько за счет естественной смены поколений, каждое из которых тяготеет к «своему» историческому периоду. Представители старшего поколения, большая часть жизни которых связана с Россией доперестроечной, отдают свое предпочтение именно ей. В свою очередь, молодежь вполне комфортно чувствует себя в России нынешней и не представляет себя членом общества, которое ушло в прошлое 15 лет назад. Среднее, «пограничное» поколение, судя по всему, является единственным, кто делает свой выбор, основываясь на рациональных соображениях — выигравшие от проводимых реформ предпочитают сегодняшний день, проигравшие — день прошлый.

З а к л ю ч е н и е

«Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии», — сказал в свое время поэт и, безусловно, был прав. Вот и результаты настоящего исследования показывают: чем дальше общество уходит от перестройки, тем большей вдумчивостью отличается *общественное самопонимание* этого сложного и противоречивого периода отечественной истории. Еще десять лет назад почти половина россиян отрицала необходимость начала перестройки, и лишь треть населения выступала за проведение в стране масштабных преобразований. Сегодня же ситуация изменилась: треть убежденных в необходимости перестройки выросла до половины населения, а позиция отрицающих ее нужность для страны и людей заметно ослабла.

Кто же в современной России убежден в объективно назревшей в СССР два десятилетия назад необходимости качественного обновления

Михаил Горшков, Владимир Петухов • Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя

общества? Как показал опрос, социальную базу поддержки начинания перестройки составляют ныне молодое и среднее поколения, наиболее образованные и активные группы населения, прежде всего, гуманитарная интеллигенция и предпринимательское сословие, студенты и служащие, инженерно-техническая интеллигенция. А вот на стороне противников перестроечных преобразований — малоквалифицированные и малообразованные слои населения, люди пожилого возраста, в основном, сельские жители, пенсионеры, рабочие.

По вопросу о главных причинах необходимости проведения перестройки в среде ее убежденных сторонников существенных разночтений не наблюдается. Большинство сходится в том, что к этому обязывал и низкий уровень жизни людей, и неспособность управленческой элиты решать насущные проблемы страны, и затянувшийся глубокий экономический кризис.

Весьма красноречивые результаты принесло настоящее исследование, когда представители средних и старших поколений россиян попытались вспомнить и оценить свое отношение к перестройке в ее начале и в конце, а также обозначить свое нынешнее к ней отношение. Переход от оценки необходимости начала перестройки к ретроспективной оценке ее практической реализации показал: если начальный период перестроечных процессов (1985–1988 гг.) вызывал позитивную реакцию и поддержку большинства россиян, то завершающий этап перестройки (1989–1991 гг.) положительно оценивала уже только четверть населения, а две трети выражали к нему негативное отношение. И к настоящему времени это соотношение мало в чем изменилось.

Причины подобной динамики массовых оценок в общем-то очевидны и объясняются данными настоящего исследования: одни оказались разочарованы расхождением между провозглашенными главными целями перестройки и ее реальными результатами, прежде всего, в социально-экономической сфере; другие же оказались не довольны тем, как, по какому «сценарию» она проводилась. Причем, вопрос о том, как надо было проводить перестройку, и в бытность ее раскалывал общество, и сегодня продолжает делить российское сообщество на разные группы. Весьма интересно, что и тогда, и сейчас сторонники *социалистического пути* политических и социально-экономических преобразований доминировали над сторонниками осуществления преобразований по капиталистическому варианту.

Проведенное исследование выявило ряд парадоксов, присущих массовому сознанию россиян. Один из них связан с тем, что *преобладание негативного отношения в целом к перестройке сопровождается выраженной позитивной оценкой основных событий и процессов перестроечного периода.*

Прежде всего, это относится к тогдашним внешнеполитическим инициативам М. Горбачева, а во внутривластном плане — к демократизации советского общества. С этим, по существу, тесно коррелирует и консолидированная общественная оценка главных достижений перестройки, среди которых выделяется обретение людьми политических и экономических прав и свобод.

Как показало исследование, консенсусный характер в массовом сознании россиян имеет и вопрос о наиболее существенных потерях и причинах неудач перестройки. К главным потерям отнесены: утрата стабильности, падение морали, утрата чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне, ослабление порядка в стране, в общем, все то, что и по сей день будоражит россиян и, безусловно, накладывает свою негативную печать на их отношение к перестроечному периоду.

Что же касается неудач и поражения перестройки, то большинство россиян проявляют в этом вопросе, что называется, диалектическое понимание, делая акцент как на их внешние, так и на их внутренние причины. Подобное понимание переносится и на конкретное определение внутривластных причин неудачного исхода перестроечных замыслов. Так, с одной стороны, относительное большинство наших сограждан обращает внимание на просчеты руководства страны, а с другой — на неподготовленность самого общества к масштабным и глубоким преобразованиям.

То, что россияне под воздействием нелегких для них условий жизни последних двух десятилетий становятся более взвешенными в своих оценках общественных событий и процессов, свидетельствует и их отношение к судьбоносным дням *августа 1991 г.* Окажись они сегодня в водовороте тех августовских событий, связанных с ГКЧП, *большинство заняло бы нейтральную позицию, при том, что поддержка М. Горбачева оказалась бы несколько большей, чем поддержка Б. Ельцина.*

Безусловно, здесь уже сказываются негативные последствия для жизненного уровня народа ельцинского периода реформ, но сказывается также и выявленная в ходе исследования тенденция: *отношение россиян к деятельности М. Горбачева сегодня более позитивно, чем в целом отношение к перестройке.* И опять следует констатировать, что позитивная оценка М. Горбачева обеспечивается позицией более молодых, образованных, благополучных, экономически активных групп населения.

За счет представителей этих групп *развеялся и один из весьма распространенных постперестроечных мифов о Б. Ельцине, как продолжателе дела М. Горбачева.* Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в массовом сознании россиян произошел окончательный «развод» фигур М. Горбачева и Б. Ельцина, при котором последний вос-

принимается сегодня большинством населения как политический лидер, свернувший с реформаторского пути, начатого перестройкой, на путь радикальной ломки российского общества.

Вместе с тем, как показало исследование, и по прошествии двух десятилетий М. Горбачев остается для общества неоднозначной фигурой. По крайней мере, половина россиян полагает, что лидер перестройки в ходе ее осуществления пошел на ряд неоправданных для страны компромиссов. А другая половина наших сограждан убеждена в том, что М. Горбачев снял со страны «намордник и ошейник» и дал людям свободу.

Результаты проведенного опроса наглядно показывают, что и *по прошествии значительного периода времени, перестройка продолжает вызывать противоречивую реакцию общества, столкновение точек зрения*, в особенности, когда речь заходит о ее исторической роли. Так, почти поровну, разделились мнения россиян по вопросу о том, выполнила ли перестройка свою историческую задачу, осуществив демократизацию СССР: почти 40,0% полагают, что да, и немногим более 40,0%, что нет. Как вытекает из результатов исследования, на подобное разделение позиций оказывают влияние следующие факторы. Во-первых, не менее половины россиян не считают Россию демократическим государством. Во-вторых, как уже отмечалось, не с демократизацией, а с решением насущных социально-экономических проблем большинство населения, прежде всего, связывало главную цель перестройки. А, в-третьих, размышляя над опытом и проблемами перестройки, те же 40,0% россиян выражают убеждение в том, что реформы в обществе следует начинать не с демократических институтов, а с экономики.

Размышления наших сограждан над опытом перестройки приводят их к пониманию *главного урока*, который вытекает из данного периода отечественной истории. Урок этот сводится к тому, что *«России надо идти своим путем, учитывая, но не повторяя опыт других стран»*.

Определились россияне, судя по всему, на примере перестройки и по вопросу о том, что необходимо для успешного осуществления в нашей стране глубоких преобразований. Относительное большинство населения убеждено в том, что для этого необходимы как минимум три условия: а) профессионально подготовленная, опытная и преданная интересам страны команда, работающая с российским лидером; б) всесторонне продуманная и научно обоснованная программа действий; в) твердая и стабильная власть (заметим, это фигурирует и в числе основных уроков, вытекающих из опыта перестройки).

В целом же, судя по результатам исследования, приходится констатировать: *оценки россиянами перестройки, которая по сути дела открыла в*

истории страны новую эпоху, главным образом, находятся в тесной связи с возрастным фактором. Представители старшего поколения имеют личный доперестроечный опыт, пережили саму перестройку и могут оценить плюсы и минусы сегодняшней жизни (правда, в силу возраста, зачастую не имея возможности использовать эти самые плюсы). Для большинства из них именно с перестройки начался отход от старой привычной жизни, которая до сих пор расценивается ими, как наиболее привлекательная. Напротив, для нынешнего поколения естественной «средой обитания» является современная Россия. Соответственно, перестройка для них — часть исторической ретроспективы, хотя и не имеющей непосредственного отношения к ним лично, но определившей некий первоначальный вектор общественных преобразований, который впоследствии, через полосу трудностей и противоречий, привел их к жизни в новой России. Вот почему, по всей видимости, только естественная смена поколений позволит обществу полнее увидеть и всесторонне оценить все аспекты перестройки, понять ее роль и место не только в российской, но и в мировой истории.

¹ Ниже публикуется сокращенный вариант доклада. В нем используются, в частности, материалы исследований, проведенных ранее Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ, 1992 г.) и Фондом общественного мнения (ФОМ, 1995 г.).

² Более того, отмечается интересная тенденция: как только речь заходит не вообще о том, нужно ли было начинать перестройку (см. рис. 1), а о том, как следовало ее проводить (см. табл. 4), так доля отрицающих необходимость перестройки сокращается почти в 2 раза!

Приложение

Перестройка: двадцать лет спустя. *Доклад Горбачев-Фонда*

На протяжении веков российское государство занимало далеко не последнее место на карте мира. И все-таки в XX веке вклад России в мировую историю оказался более значительным, чем когда бы то ни было. Начало веку положила Великая русская революция. Он был отмечен Победой над фашизмом, в которой огромная заслуга принадлежит Советскому Союзу. А завершением века стала перестройка — событие, коренным образом изменившее страну и мир.

Подобно Октябрьской революции, перестройка и сегодня остается предметом острых дискуссий. Однако кардинальные различия в оценках и интерпретациях не ставят под сомнение её статус важнейшего события конца XX века. Поворот был совершен не только в отечественной, но и в мировой истории. Достаточно напомнить, что был положен конец смертельно опасному противостоянию двух сверхдержав.

История не знает сослагательного наклонения: перестройка навсегда вписана в нее как смелая попытка решительного перехода от модели «государственно-бюрократического социализма» к подлинно демократическому, справедливому и гуманному социальному устройству. Этот ее потенциал еще далеко не исчерпан, он может быть востребован и нашей страной, и человечеством.

Пройденный за 20 лет путь позволяет сегодня взглянуть на перестройку более взвешенно и объективно. Такому подходу и следует данный доклад. Понятно, что любая оценка явления такого масштаба не может быть исчерпывающей. Ставя принципиальные вопросы, мы не претендуем на их окончательное разрешение.

Необходимость обновления общества

Ситуация, сложившаяся в Советском Союзе к середине 80-х годов, характеризовалась опасным нарастанием серьезных проблем и трудностей во всех сферах жизни.

Отставание СССР в мировой технологической конкуренции становилось все более ощутимым. Наиболее развитые страны мира уже вступили в постиндустриальную эпоху, а Советский Союз задержался на предыдущей — индустриальной — стадии развития. Почти до нулевой отметки упали темпы экономического роста, производительность труда была в несколько раз ниже, чем в западных странах.

Отечественная экономика приобрела расточительно-затратный характер: превосходя многих по добыче полезных ископаемых, по объемам про-

изводства чугуна, стали, электроэнергии и т.д., СССР резко отставал по выпуску конечной продукции, не говоря уже о ее качестве. Гражданские сектора производства испытывали непомерное давление военно-промышленного комплекса.

Самая богатая ресурсами страна мира оказалась не в состоянии создать достойные условия жизни для своих граждан. Неповоротливая советская экономика не могла удовлетворить меняющиеся потребности людей; хронические дефициты душили производство и общество.

Состояние экономики, социальной среды и нравственности в брежневские времена пагубно влияло на настроения людей, на духовное состояние общества. С одной стороны, распространялись пессимизм и откровенный цинизм, с другой — возникало чувство «обиды за державу», росло недовольство общим политическим курсом. И хотя социально-политическая ситуация казалась стабильной, в обществе нарастало скрытое напряжение. Раньше или позже оно должно было вырваться на поверхность. Пресловутое российское долготерпение грозило обернуться не менее известным российским бунтом, или привести к постепенному вырождению и угасанию нации.

Негативные социально-экономические факторы ослабляли внешнеполитические позиции и подрывали международный престиж Советского Союза. Блоковое противостояние, гонка вооружений все дальше заводили человечество в опасный тупик.

Угроза ядерного апокалипсиса побуждала искать неординарные пути выхода из этой ситуации. Развязать гордиев узел можно было, лишь изменив сложившийся конфронтационный миропорядок.

Таким образом, совокупность факторов — материальных и духовных, экономических и социально-политических, внутренних и внешних — объективно диктовала необходимость реформ.

Прежние попытки преобразований — XX съезд партии и хрущевская «оттепель», косыгинская реформа, некоторые другие меры частного характера — не дали ожидаемого результата. Советская система обладала немалым инерционным запасом прочности. Даже в случае неудачи попыток динамизации советской экономики «андроповскими» методами СССР мог бы еще долго существовать в прежнем виде. Вместе с тем общество хотело перемен. Люди чувствовали: так дальше жить нельзя. Они не хотели жить в несвободе. Даже репрессивный аппарат не мог предотвратить эрозию официальной идеологии, помешать зарождению инакомыслия.

Со временем стремление к политической, социальной и экономической демократии приняло массовый характер.

В этом смысле деятельность реформаторов в высшем партийно-советском руководстве, выступивших генератором преобразований, отражала

глубинную общественную потребность в переменах, что составило социально-психологическую основу перестройки.

Магистральное направление перемен виделось большинству советских людей в реформировании существовавшей в СССР формы социализма. Опросы общественного мнения даже в конце 80-х годов показывали, что сторонники перехода к капитализму находились в явном меньшинстве. Наиболее популярной оставалась идея «очищения социализма» от деформаций (коррупции, несправедливости в распределении материальных благ, антиобщественных проявлений и т.д.). В этом смысле перестройка явилась продолжением и развитием идеалов справедливости, равенства и братства времен Октябрьской революции и в то же время отрицанием постреволюционной тоталитарной практики и идеологии сталинизма.

Глубокое обновление политики требовало «смены вех» и среди высшего руководства страны. Геронтократия в Кремле вызывала растущее раздражение граждан. Михаил Горбачев как лидер партии и государства воспринимался ими как представитель нового, послесталинского поколения советских руководителей, которому не свойственны идеологическая зашоренность и подозрительное отношение к независимой инициативе.

Здоровый прагматизм у Горбачева сочетался с готовностью внести в советскую политику утраченное ею нравственное измерение. Глубоко моральная позиция Горбачева проявлялась в том, что на крутых поворотах перестроечной эпопеи он стремился решать даже самые острые проблемы мирным путем, принципиально избегая кровопролития. Благодаря ему в отечественной политике возродился демократический стиль прямого, открытого, честного общения с людьми, присущий подлинным представителям российской интеллигенции.

Новый генсек не был одинок в своей решимости кардинально изменить положение дел в стране. Он пользовался поддержкой абсолютного большинства народа, который приветствовал перестройку.

В то же время новое руководство могло рассчитывать на относительно устойчивую поддержку двух групп отечественной бюрократии. Одна из них — партийные интеллектуалы, чьи взгляды сформировались под сильным влиянием хрущевской «оттепели». В идеологическом плане они тяготели к «социализму с человеческим лицом» — концепции, отчасти навеянной идеями конвергенции капитализма и социализма. Для них перестройка означала уникальную возможность продолжить позитивные изменения, начатые в годы правления Н.Хрущева и прерванные рецидивом сталинизма в период брежневского застоя.

К другой группе принадлежали «технократы» — управленцы советской экономики, которые трезво оценивали ее реальное состояние, пони-

мали, что Советский Союз фактически «прозевал» технологическую революцию 70-х годов и видели в реформах рыночного типа возможность повышения эффективности советской системы. У реформ было немало потенциальных сторонников в госаппарате, отдававших себе отчет в том, что мировой баланс сил менялся не в пользу СССР.

Принципиально важно отметить, что в разработке и осуществлении перестроечного поворота не участвовали (или их участие было незначительным) те группировки советской номенклатуры, для которых движение к рынку стало возможностью конвертации власти в собственность. Политически это течение стало интенсивно оформляться позднее, когда шаг за шагом начали осуществляться меры по экономической либерализации, когда были созданы кооперативы, приняты законы о государственном предприятии, об аренде, развернуто научно-техническое творчество молодежи (НТТМ), открылась дорога к частному предпринимательству.

Если брать основные группы и слои общества, то они буквально требовали перемен.

Логика развития перестройки

В самом общем виде логику перестройки можно определить так: это были реформы сверху с целью кардинального обновления системы, которые переросли в массовое движение снизу. В концептуальном плане магистральную линию перестройки составила идея перехода от авторитарно-бюрократического социализма к его гуманистической модели, чьи контуры были очерчены в мировой социалистической мысли.

Таким образом, в российской истории перестройка предстает одновременно уникальным явлением и воплощением ее глубоких закономерностей. Уникальность состояла в том, что впервые в отечественной истории перед Россией/Советским Союзом открылась реальная перспектива мирной трансформации в страну с демократической политической системой и рыночной экономикой. Хотя начальный импульс этой трансформации исходил сверху, принципиально новым явлением была сознательная политика руководства страны, направленная на вовлечение в историческое творчество миллионов людей, на раскрепощение народной инициативы, на уважительное отношение к мнению рядового человека. Перестройка как общенациональный проект не имела бы шансов на успех, если бы не широкая и устойчивая массовая поддержка снизу.

Внутренняя диалектика перестройки состояла в том, что гласность и демократизация, поначалу рассматривавшиеся реформаторами скорее инструментально, как средства для «ремонта» существующего социализ-

ма, вскоре по мере того, как набирало силу новое понимание социализма как гуманистического и демократического строя, превратились в самодостаточные цели: гласность преобразовалась в свободу слова, демократизация — в политическую демократию. Инициированная реформаторами социально-политическая динамика приобрела, таким образом, собственную логику развития. Пик демократических преобразований в СССР пришелся на конец 80-х годов. Именно тогда общественная самодеятельность стала принимать массовый, нередко спонтанный характер.

Сравнение перестройки с революцией закономерно. Но в то же время это была революция, которую сознательно удерживали — и которую удалось удержать — в мирных рамках.

Инициаторы перестройки стремились направить накопившуюся, не востребованную прежде энергию масс в русло созидания и социального творчества. И все же, несмотря на позитивные устремления части элиты и большинства общества, развернувшиеся в стране процессы столкнулись с серьезными трудностями.

По мере того, как советская номенклатура обнаруживала в перестройке угрозу своим доминирующим позициям в отечественной идейно-политической и socioэкономической системе, она начала все активнее препятствовать кардинальному обновлению страны, пытаясь выхолостить смысл реформы, превратить ее в очередную технократическую (а еще лучше — косметическую) новацию, не затрагивающую глубинных основ общественного бытия.

Реформаторы фактически столкнулись с саботажем большинства советского правящего слоя. После всплеска «проперестроечной» гражданской активности 1987-1989 гг. интеллигенция — как элитарная, так и массовая — под воздействием материальных трудностей, нарастания национальных и социальных противоречий в обществе стала не просто отворачиваться от Горбачева, но переходить в радикальную оппозицию к нему.

В ходе перестройки существовали и боролись три главные политические силы. Прежде всего, последовательные сторонники политики перестройки, которые шли за Горбачевым с лозунгом демократического обновления социализма. Это от их имени поэт Евтушенко говорил тогда, что «мы все в партии Перестройка». Сторонникам перестройки противостояли консервативные круги в партии и интеллигенции, которые, в конечном счете, поддержали ГКЧП. Их тогда называли «правыми» и это было верно, ибо они выступили охранителями государственно-бюрократической, сталинистской модели социализма, от которой всячески пытались избавиться перестройщики. Это сила сначала пассивно, а затем активно, вплоть до августовского путча, сопротивлялась перестроечным процессам. Нако-

нец, третьей, по счету, но не по значению, силой были люди, которые группировались вокруг президента РСФСР Бориса Ельцина. Они критиковали перестройщиков сначала за медлительность преобразований, за что и получили название «авангардистов». В конечном итоге, они потребовали как можно быстрее покончить с «социалистическим экспериментом». Эта была точка зрения радикальных неолибералов, реализовавших позднее политику «шоковой терапии» в России.

Эти три силы и определяли динамику перестройки: ее успехи, противоречия и поражение. Во время путча все эти силы сыграли свою роль. Инициаторы путча решили повернуть страну к доперестроечным временам. Сопротивление сторонников перестройки, демократических сил сорвало эти планы. Но в итоге на волне демократического сопротивления путчистам пришли к власти неолибералы, которые сделали все от них зависящее, чтобы покончить с властью Горбачева и самой перестройкой.

Для объективности следует отметить, что отношение руководства ряда западных стран к перестройке всегда оставалось противоречивым, что проявилось, в частности, на встрече руководителей стран «семерки» с участием СССР в июле 1991 года. Тогда была упущена возможность оказать перестройке реальную поддержку.

В результате действия самых разных антиперестроечных сил, между которыми в идеологическом отношении не было ничего общего, оказались направленными против союзной государственности и ее воплощения — центральной власти. Как это ни парадоксально, в едином антигосударственном порыве объединились националисты, радикальные демократы и коммунистические консерваторы. Под воздействием этих сил на заключительном этапе перестройки события приобрели разрушительный характер. Перестройка оборвалась.

Перестройка в мировом контексте

Перестройка была прежде всего ответом на назревшие потребности советского общества с его проблемами и неразрешенными противоречиями. Вместе с тем в ней отразились и более широкие процессы, характерные для мирового развития в последней четверти прошлого века. В условиях все более взаимосвязанного и взаимозависимого мира перестройка испытывала на себе воздействие этих процессов и одновременно сама влияла на них.

Существовала отчетливая, хотя далеко не линейная взаимосвязь преобразований в СССР и европейских странах — членах «социалистического содружества». Хотя первоначальный импульс изменениям в этих странах был дан советской перестройкой, вскоре в силу ряда внутренних и вне-

шних причин они встали на путь разрыва с навязанной им моделью государственно-бюрократического социализма. В свою очередь, «бархатные» революции способствовали драматическому усилению радикальных настроений в Советском Союзе

В более широком плане перестройка вписывается в «третью волну демократических революций», которая прокатилась в середине 70-х годов по Европе (Греция, Испания, Португалия), а в следующем десятилетии перекинулась на Западное полушарие. Перестройка подхватила эту эстафету и вернула ее в Европу, в восточную часть континента, ранее наглухо отгороженную от мира «железным занавесом».

Параллельно развивался другой, еще более всеобъемлющий процесс, который приобрел известность под наименованием «глобализация». В 80-е-90-е годы практически все страны оказались перед необходимостью адаптации к этому процессу. Основными его чертами были усиление взаимозависимости стран, революция в сфере информации и связи, переход к постиндустриальному укладу в экономике, меняющаяся роль государства.

В своей внешней проекции перестройка могла выступить в качестве проекта, альтернативного господствующей неолиберальной версии глобализации. В перестроечной концепции намного сильнее выражены социальные мотивы, она ставит во главу угла не максимализацию прибыли, а развитие человеческой личности, ее «картина мира» строится на балансе интересов, а не силовых потенциалов. Пока существовал Советский Союз, эта перспектива международного развития после окончания «холодной войны» имела солидную базу поддержки. Тупики неолиберальной модели, проявившиеся в последнее десятилетие, свидетельствуют о том, что необходимость в таком проекте сохраняется.

Таким образом, перестройка вступала в активное взаимодействие с наиболее значимыми процессами международного плана. Она породила эффект резонанса, стимулировала перспективные тенденции общественного развития. Перестройка возвращала страну на стремнину мировых процессов. Она сыграла решающую роль в выходе из взрывоопасной конфронтации, характеризовавшей мировое развитие на протяжении фактически всего послевоенного периода.

Отношения внешнего мира к перестроечным процессам было столь же разноплановым и многообразным, как и он сам. Перестройка по-разному виделась из западных столиц, из стран бывшего социалистического лагеря, из развивающихся государств. У одних она вызывала удивление, у других — надежду, у третьих — злорадное ожидание неминуемого провала. Но нигде она не прошла незамеченной, никого не оставила равнодушным.

Напротив, она вызвала лавинообразный рост интереса к Советскому Союзу, пробудила уважение к советским людям.

Внешний контекст перестройки определялся той ролью, которую играл СССР на международной арене, и остротой противостояния, существовавшего в мире к середине 80-х годов. Будучи одним из двух полюсов этого противостояния, Советский Союз нес на своих плечах бремя непомерных глобальных обязательств, тратил колоссальные средства на производство вооружений, на помощь союзникам, втягивался в дорогостоящие и кровопролитные конфликты, причем не только в сопредельных странах, например в Афганистане, но и за тысячи километров от своей территории.

К моменту прихода нового руководства у Советского Союза были проблемные отношения фактически со всеми наиболее влиятельными государствами (США, Китай, Япония, Великобритания), а ситуация на переговорах, которые могли бы облегчить бремя гонки вооружений, была тупиковой. Остро ощущалась несостоятельность инерционной внешней политики, которую на протяжении десятилетий проводило советское руководство.

Выдвинув на XXVII съезде КПСС принципиальный тезис о взаимосвязанности и взаимозависимости мира, новое советское руководство не ограничилось миролюбивой риторикой. Оно предложило конкретную программу выхода из холодной войны и перевода международных отношений на рельсы реального сотрудничества. Заявленное с самого начала в беседах с руководителями стран Восточной Европы положение об ответственности руководства каждой из них перед своими народами, а также сформулированный позднее принцип свободы выбора предопределили отказ СССР от вмешательства в дела членов Варшавского Договора, вернули судьбу этих стран в руки их народов.

На протяжении неполных семь лет отношение к перестройке сильно менялась по мере ее развития и углубления.

Сначала ее не принимали всерьез, считая очередным пропагандистским трюком Кремля. Затем с трудом и сомнениями начали верить в основательность нового курса советского руководства. Потом горячо поддерживали, даже защищали от враждебных нападок. И, хотя позиция руководства ряда западных держав, в особенности США, в отношении советских реформ была в 1990-1991 гг. достаточно амбивалентной, значительная часть мирового общественного мнения искренне сожалела о трагическом финале перестройки. И это понятно: с прекращением перестройки у многих людей рассеялись надежды на коренное обновление мира, на демократический прорыв в будущее.

Что дала перестройка стране и миру?

В последнее время стали модными два противоположных мифа о перестройке. Первый миф рассматривает ее как «смутное время», для которого характерны, в основном, разрушительные процессы, нацеленные на уничтожение традиционного российского государства. Второй миф, напротив, считает эту традиционную систему настолько прочной, что она якобы не поддавалась никаким радикальным реформам, а потому, мол, перестройка была заранее обречена на поражение.

Оба эти мифа противоречат исторической действительности, призваны принизить исторические достижения перестройки, давшей толчок демократическому обновлению страны и всего мира.

Конечно, перестройке, как и любой революции, были присущи элементы разрушения. Не свободна она и от упущений, ошибок в политике. Но не это определяет специфическое содержание обновленческих процессов второй половины 80-х годов. Перестройку следует оценивать не по тому, чего она не смогла или не успела дать обществу, а по ее позитивному историческому вкладу, по реальным изменениям, которые она внесла в жизнь советского общества, в условия существования простых людей.

И здесь ее историческое значение трудно переоценить.

Начав перестройку под знаком возрождения и реализации ленинских идей времен НЭПа, реформаторы позднее перешли к глубокому преобразованию всех сфер советского общества, начиная с идеологии, и кончая экономикой.

В духе традиций XX съезда партии реформаторы категорически осудили репрессивный сталинский режим власти, как противоречащий демократическим идеалам и гуманистическим ценностям социализма. Исходя из этой установки, началось активное освобождение от тоталитарного идейно-политического наследия сталинской эпохи. За годы перестройки были реабилитированы сотни тысячи узников ГУЛАГа.

Постепенно происходило освобождение советского общества и от остатков тоталитаризма застойного периода. Административно-командная система эпохи «развитого социализма», тесно связанная с именем Брежнева заменялась системой социал-демократического характера, инициируемой Горбачевым и его окружением. Уже в первые годы перестройки демократии в стране стало намного больше, чем прежде. Атмосфера первого съезда народных депутатов, появление остро критических статей в СМИ, независимые программы на ТВ, многотысячные митинги и демонстрации граждан, требовавших большей гласности и свободы — тому характерное подтверждение. Люди приветствовали выход в свет ранних работ Маркса,

пронизанных идеей гуманизма. Были переизданы остро критические произведения Солженицына, Твардовского, Рыбакова, Шатрова. Снят запрет с диссидентской и эмигрантской литературы, люди получили свободный доступ к трудам зарубежных ученых, дореволюционных историков и философов.

Бытует мнение, что перестройка не имела четкого плана действий, что реформаторы не знали, куда должно идти советское общество. Это мнение противоречит фактам. Основная идея концепции перестройки состояла в освобождении общества от деформаций и последствий «культы личности», застойного периода, от всего того, что тормозило демократическое обновление. Сердцевиной этой идеи было возвращение человека как главной фигуры в политику, экономику и духовную сферу, преодоление его отчуждения от производства, власти и культуры.

Реализация этой концепции постепенно вела к тому, что перестройка обретала социал-демократический характер. Об этом свидетельствуют шаги, направленные на создание в стране смешанной социально ориентированной экономики, преобразования в политической сфере общества, и, разумеется, разработанный к несостоявшемуся XXIX съезду партии новый социал-демократический по сути, проект реформирования КПСС.

Перестройка обеспечила выход страны из тоталитаризма, покончив с монополией одной партии и идеологии, открыла советскому обществу демократическую перспективу. Были осуществлены такие «нетрадиционные» для СССР политические права и свободы, как свобода собраний, митингов и демонстраций, создание политических организаций и партий, беспрепятственный выезд граждан за границу, реальное обеспечение свободы совести.

Плюрализм в политике и свободная экономика, свобода вероисповедания и многопартийность, демократические выборы, отмена цензуры — эти и другие свободы, права, возможности были привнесены в нашу жизнь перестройкой. Даже если они не реализованы в полной мере, движение в этом направлении, начатое перестройкой, неостановимо.

Началась не на словах, а на деле реализация основных прав и свобод человека. Впервые в истории России были проведены альтернативные выборы в высшие органы власти. По сути дела, в стране возникла политическая система, использующая принципы парламентаризма.

Радикальные перемены коснулись экономической сферы. Среди критиков перестройки распространено мнение, что экономическим преобразованиям того времени не хватало радикализма, решительности и последовательности, что они были направлены не на создание нового хозяйственного уклада, а на попытку усовершенствования прежней неэф-

фективной системы. Согласно этой точке зрения, именно экономические неудачи перестройки предопределили ее поражение.

Подобные оценки исторически некорректны. Споры нет, советские реформаторы искренне стремились вдохнуть новую жизнь в существующую систему. Однако они не были догматиками. Их планы и действия шли гораздо дальше идеи укрепления административно-командной экономики. Экономическая логика перестройки развивалась как раз по линии постепенного демонтажа планово-административной системы хозяйства, создания фундамента рыночных отношений.

Через аренду, организацию кооперативов, развитие сети научно-технического творчества молодежи (НТТМ), предоставление экономической самостоятельности государственным предприятиям, учреждение коммерческих банков, введение оптовой торговли и договорных цен, замену директивного планирования индикативным шаг за шагом шло формирование инфраструктуры рыночной экономики.

При этом советское руководство, учитывая культурные традиции страны, а также сильное влияние антирыночных настроений в обществе, стремилось осуществлять нововведения таким образом, чтобы не разрушать до поры до времени худо-бедно функционировавший, привычный административно-плановый уклад. В этом смысле важнейшей вехой стало законодательное признание частной собственности (1990 г.). В то же время понятен отказ руководства страны от радикального проекта рыночного реформирования экономики — программы «500 дней», тем более что альтернативная правительственная программа характеризовалась отчетливо выраженной рыночной направленностью.

В стране начала складываться социально ориентированная рыночная экономика. Наряду с колхозами и совхозами возникли арендные предприятия и фермерские хозяйства. Появились тысячи кооперативов.

Многое было сделано для утверждения экономической демократии: начали функционировать советы трудовых коллективов, проводились выборы директоров предприятий, развивалось производственное и местное самоуправление. После всеобщего референдума о сохранении Союза в повестку дня был поставлен вопрос о новом Союзном договоре, существенно расширяющем самостоятельность и права союзных республик.

В международном плане перестройка означала выстраданный отказ горбачевского руководства от деления мира на «своих» и «чужих», от обособленного, замкнутого существования самоизолировавшихся социалистических государств, от маниакального стремления навязать свой образ жизни окружающему миру. Она дала стимул широкому диалогу о новых принципах мироустройства.

Перестройка надолго, может быть навсегда, отвела от человечества угрозу ядерного Армагеддона. Советское руководство протянуло руку западным партнерам по переговорам, внося предложения о радикальном сокращении ядерных и обычных вооружений, заявив о готовности к обсуждению любых проблем. После женевской встречи руководителей СССР и США начался сложный процесс преодоления взаимного недоверия.

За шесть лет не удалось, да и невозможно было, до конца избавиться от наследия холодной войны, но сама она ушла в прошлое. СССР и США устами своих лидеров заявили на Мальте, что более не рассматривают друг друга как противников. Были подписаны первые в истории договоренности о реальном сокращении и уничтожении ядерных вооружений. В мирных условиях произошли объединение Германии, революции в странах Центральной и Восточной Европы. Советские войска ушли из Афганистана. Региональные конфликты в Африке, Центральной Америке, Юго-Восточной Азии перестали быть объектом глобальной конфронтации, что позволило найти пути их урегулирования. Принципиальное значение имела единая позиция, занятая ведущими державами, включая СССР, в отношении агрессии режима Саддама Хусейна против Кувейта. Взаимодействие в преодолении этого кризиса открыло перспективы сотрудничества в ближневосточном урегулировании. Были нормализованы советско-китайские отношения, что положило конец конфликту, на протяжении десятилетий отравлявшему отношения между великими народами.

Уже этот, далеко не полный перечень достижений перестройки полностью опровергает распространенное мнение о том, что советская система не поддавалась реформированию и потому, дескать, реформаторы не могли достигнуть своих конечных целей. На наш взгляд, подобное мнение во многом субъективно. Во-первых, очевидно, что в ходе перестройки были осуществлены многие ее цели. Во-вторых, не следует забывать, что перестройка была искусственно прервана роспуском Советского Союза, который инициировали сепаратистски настроенные руководители трех союзных республик, отказавшиеся подписать новый Союзный договор, подготовленный ими же вместе с Горбачевым.

Кто и почему развалил Союз

Ура-патриоты и неосталинисты рьяно доказывают, что Советский Союз развалили Горбачев и его перестройка. Таким образом отвлекается внимание от подлинных виновников развала державы в лице «беловежских сидельцев» Ельцина, Кравчука и Шушкевича.

На самом деле, реформируя Союз, Горбачев хотел одного: превратить его в подлинную, действенную федерацию, органически сочетающую сильный центр и независимые самостоятельные республики. Не секрет, что Советский Союз был построен на порочной сталинской идее автономизации, полностью подчиняющей национальные республики центру. Перестройка хотела покончить с такой национальной политикой.

Конечно, на счету прежнего Союза были не только потери, но и весомые достижения. Как ни парадоксально, в формулировке партийных форумов: «национальный вопрос, доставшийся от прошлого, в СССР решен» — была доля истины. Исторической заслугой СССР явилось приобщение многих народов к достижениям мировой цивилизации, выравнивание уровней их развития. В то же время, вопреки принципам федерализма, республики полностью находились под властью центра. Были допущены и другие серьезные просчеты и ошибки в проведении национальной политики, болезненно сказывались последствия жестоких сталинских репрессий против целых народов. Из этих отравленных семян реальных и мнимых притеснений и обид выросли со временем гроздь гнева и ненависти.

Судьбоносным вызовом стала новая реальность — становление вызревших в лоне Советского Союза благодаря политике федерального центра национальных протогосударств — союзных республик с амбициозными местными элитами. Произошло смешение национальной и федеративной проблематики. Развязать этот тугой узел проблем, амбиций и противоречий можно было только путем решительной модернизации советского федерализма, придания ему современного облика.

Перестройка, безусловно, стимулировала рост национального самосознания в республиках. Однако реформаторы и интеллектуальная элита Советского Союза оказались неподготовленными к столь явным проявлениям националистических предрассудков, раскола, вражды. Власть реформаторов не сумела остановить разрушительную деятельность сепаратистов.

На фоне подъема национальных движений в союзных республиках их элиты стали энергично добиваться перераспределения экономических ресурсов в свою пользу. Постоянно возникали конфликты республиканских властей с союзным центром из-за контроля над собственностью. Единая система управления народнохозяйственным комплексом постепенно разрушалась. Разрывались производственные связи между предприятиями. В 1990 году в Советском Союзе начался, поначалу небольшой, спад производства. Реформа цен (февраль 1991 г.), предусматривавшая переход экономики на частично нерегулируемые государством цены, не дала эффекта.

Необходимо было подвести новый фундамент под государственное устройство СССР. Высшее политическое руководство СССР осознавало это. Однако оно, видимо, переоценило запас прочности советского строя и, главное, недооценило масштаб своекорыстия и амбиций национальных элит.

Как известно, российский народный анархизм всегда — оборотная сторона модели народного же государственничества. Бунтарский, антигосударственный пафос преднамеренно подогревался некоторыми элитными группировками. Использовать разбушевавшуюся народную стихию для обретения политической власти — такова была их цель. Ради нее они не останавливались даже перед разрушением собственной страны. Как говорится, готовы были поджечь общий дом, чтобы погреть руки у костра.

Крайне негативную роль в судьбе СССР сыграла позиция политического руководства РСФСР во главе с Б. Ельциным. Под прикрытием вполне законного требования — более полного удовлетворения потребностей населения России — оно фактически торпедировало все проекты Союзного договора. Объективно оно вело дело к разрушению единой страны.

Распад нашей великой общей Родины принес ее народам неисчислимую боль, страдания и лишения. Насколько это компенсируется созданием собственной государственности в республиках? Не лучше ли было сохранить в том или ином виде интегрированные формы общегития на постсоветском пространстве? Превратить полицивилизационную, полиэтническую и поликультурную общность Советского Союза в современную демократию?

Сегодня, оглядываясь назад, есть основания утверждать, что единство страны или, по крайней мере, основной ее части можно было сохранить — на путях глубокого обновления советской федерации. Движение в этом направлении вышло на финишную прямую летом 1991 года. Тогда был подготовлен к подписанию согласованный с большинством советских республик проект нового Союзного договора. Но план реформирования советской федерации был трагически сорван антигосударственным путчем так называемого ГКЧП, организаторами которого явились представители высшего круга номенклатуры. Созданной ситуацией воспользовались Ельцин и его сторонники.

В последнее время нередко можно услышать, что Советский Союз вообще нельзя было сохранить, что его распад был обусловлен объективными причинами. Такая точка зрения — следствие сугубо объективистского, механического подхода к истории с ее якобы «железными» законами и правилами. По сути дела, она преследует своей целью обелить подлинных инициаторов развала Союза. Противники Горбачева в руководстве России, Украины и Белоруссии вопреки общесоюзному референдуму поставили

перед собой сугубо эгоистическую цель: свергнуть Горбачева, пусть даже ценой роспуска Союза. Это они и сделали в Беловежской пуще. Таким образом, метя в Горбачева, они попали в Союз. Упразднение Союза стало трагедией для миллионов людей, вдруг оказавшихся не по своей вине за границей.

Противоречия и ошибки. Историческое значение перестройки

Спустя два десятилетия легко рассуждать о том, что в ходе перестройки было сделано не так, в чем ошибались, а где роковым образом сошлись негативные обстоятельства. Но в то время мы, советские люди — от рядовых граждан до руководителей — много не знали и много не понимали. На начальном этапе перестройки остро ощущалось противоречие между необходимостью преобразований, политической волей к ним, с одной стороны, и идеологическими ограничениями, плотно вошедшими в сознание людей, с другой.

Страна находилась в мировоззренческом коридоре, очерченном ее предшествующим развитием. Чтобы выйти за его рамки, приходилось действовать методом проб и ошибок, полагаться на здравый смысл и интуицию. Но цели перестройки оставались неизменными: создать свободное, демократическое, справедливое и гуманное общество.

Вместе с тем первоначальная концепция постоянно видоизменялась и развивалась. В конечном счете, реформаторское руководство СССР вышло на социал-демократическую модель обновления страны. Имелось в виду органическое сочетание ценностей социализма и демократии, социально ориентированная экономика, ответственное государство.

Нельзя забывать, что такие понятия, как рынок, частная собственность, политический плюрализм, свобода слова, приоритет общечеловеческих ценностей, еще долгое время многими воспринимались с подозрением и недоверием. Лишь к 1990 году они вошли в массовый оборот и приобрели позитивную окраску. Но к тому времени возможность реализации социально-экономической стратегии союзного центра была существенно ограничена «суверенизацией» республик, в первую очередь РСФСР.

Во все исторические времена существовала вера в чудодейственное и немедленное улучшение жизни. Однако на деле повседневная жизнь основной массы населения в условиях реформ, как правило, ухудшалась. В годы перестройки для создания социально-политической стабильности в обществе достаточно было заполнить потребительский рынок товарами и услугами. Как показывает опыт других стран «соцсдружества», оживле-

ние сектора услуг, легкой промышленности, сельского хозяйства создавали амортизационную «подушку», смягчавшую неизбежные потери, трудности и лишения, связанные с демонтажем государственного социализма.

Однако доминирование в советской экономике гигантского военно-промышленного комплекса (при слабости сектора услуг и застойном сельском хозяйстве) существенно снижало возможности плавной либерализации хозяйственной жизни, быстрой структурной перестройки экономики. Добиться того же эффекта за счет массового импорта товаров не позволило обвальное падение мировых цен на энергоносители, основную статью советского экспорта. К этому, разумеется, надо добавить упорное сопротивление номенклатуры, нередко игравшей на обострение кризиса, чтобы заставить общество отвернуться от реформаторов. В результате формирующееся общество массового потребления оказалось обделено ширпотребом, что крайне накаляло социально-политическую обстановку в стране. Этот драматический парадокс перестройки был следствием исторически сложившихся особенностей советского общества.

Оглядываясь назад, более отчетливо видишь фундаментальные причины, затруднявшие реформирование советского общества. Неимоверно трудно проводить демократические преобразования в огромной стране, большая часть территории которой находится в суровых и неблагоприятных природно-климатических условиях, а многочисленные народы принадлежат к различным историческим, этнокультурным и цивилизационным традициям. В процессе демократизации быстро оживали и набирали силу разноплановые конфликты и противоречия, накопившиеся за долгую совместную жизнь. Они умело использовались рвавшимися на авансцену беззастенчивыми идеологами и политиками.

На экономической политике негативно сказалось общее ослабление государственных институтов — результат нараставшего противостояния между реформаторским руководством страны и его политическими оппонентами в лице как партийных консерваторов, так и радикальных демократов. Прогрессирующее ослабление систем контроля, правопорядка разжигало стремление значительных слоев номенклатуры к фактическому захвату государственной собственности.

Отрицательную роль в судьбе перестройки и страны сыграли устойчивые, уходящие корнями в глубь веков массовые социокультурные стереотипы. Сюда же можно отнести особенности мировоззрения некоторых элитных групп позднего советского общества. Добровольное и сознательное ослабление жесткого государственного контроля над обществом стало восприниматься не как приглашение со стороны власти к диалогу и сотрудничеству, а как слабость власти, провоцирующая нападки на государство.

Свою роль сыграло и фатальное стечение обстоятельств: Чернобыльская катастрофа, землетрясение в Армении, резкое падение мировых цен на энергоносители — все эти бедствия существенно сузили экономические возможности страны и подорвали воспрянувший было социальный оптимизм населения.

Было бы неверно и нечестно объяснять драматический финал перестройки исключительно объективными факторами и традиционным российским наследием. Немалую роль сыграли ошибки и просчёты перестроечного руководства, действовавшего в условиях жестокого цейтнота и быстро оказавшегося под перекрестным огнем со стороны националистов, консерваторов и радикалов, выступавших единым фронтом в стремлении свалить центральную власть.

До сих пор среди специалистов нет единого мнения о том, были ли реформаторским руководством Советского Союза допущены в ходе перестройки роковые просчеты, которых можно было избежать, или же у М.Горбачева и его соратников в сложнейших условиях 80-х — начала 90-х годов катастрофически сужалось пространство выбора, практически не оставляя альтернатив и возможностей для манёвра.

По-видимому, возможности выбора в рамках проводившихся преобразований все же были, и сделанные ошибки серьезно усугубили ситуацию. Условно эти возможности и ошибки можно разделить на институциональные и административные.

К первой группе следует отнести неудачу реформаторского руководства СССР и КПСС с созданием собственной политической структуры и устойчивой массовой базы.

Хорошо известно, что СССР был «партийным государством», где политико-идеологическая инстанция в лице КПСС и государственные институты были неразрывно переплетены и взаимосвязаны, так что ослабление партии автоматически влекло за собой прогрессирующий паралич государства. Трудно отрицать: несмотря на свою явную недемократичность, этот специфический способ организации власти сыграл немалую роль в модернизации СССР. Партия-государство оказалась довольно эффективным субъектом мобилизационного, ускоренного развития, хотя за это пришлось заплатить огромную цену народных лишений и страданий.

А в относительно спокойной обстановке этот полувоенный механизм начал буксовать. Постепенно он превращался в тормоз развития Советского Союза. В условиях научно-технической революции и вступления мира в постиндустриальную стадию номенклатурный принцип занятия должностей не выдерживал конкуренции с принципом профессиональной компетентности и эффективности. Усложнявшаяся социально-эко-

номическая система не поддавалась, как прежде, директивному планированию. Партия, оказавшаяся в СССР единственным каналом социальной мобильности, критически важным условием социального успеха и поэтому втягивавшая в свои ряды людей самых разных политических взглядов и идеологических убеждений, только внешне выглядела несокрушимым монолитом. На деле это был конгломерат различных политико-идеологических групп: от жестких сталинистов до скрывавших свои взгляды антикоммунистов.

Трагическое противоречие состояло в том, что с «государством КПСС» — наследием уходящей и изживавшейся нами исторической эпохи — мы не могли двигаться вперед, не могли развиваться, но и отринуть его означало подвергнуть страну и общество риску дестабилизации из-за кризиса управляемости и сопротивления консервативной и «бешеной» (реакционной) частей партийного аппарата.

Возможным разрешением этого сущностного противоречия мог бы стать инициированный партийным руководством раскол КПСС и организационное оформление на ее базе партии социал-демократического типа. В случае раскола основная часть членов партии (вне зависимости от их политических взглядов) и ключевые ресурсы мощной организации ушли бы вместе с руководством. Прочно укоренившаяся в советской компартии традиция, когда массы следуют за вождями, сыграла бы здесь решающую роль. На июльском 1991 г. Пленуме ЦК КПСС именно эта идея была положена в основу политической линии. Однако августовский путч похоронил ее, равно как и новый Союзный договор.

Сохранение сильного консервативного течения в верхах компартии вело к тому, что политическое руководство страны нередко запаздывало с принятием назревших социально-экономических и политических решений. Важным эпизодом, как отмечают историки перестройки, было избрание Президента СССР Съездом народных депутатов Советского Союза. Согласно распространенной точке зрения, если бы М.Горбачев избрался всеобщим народным голосованием (в его победе тогда мало кто сомневался), то в решающие моменты 1991 г. высокая легитимность его власти позволила бы ему предпринять более решительные шаги против сил, стремившихся к ликвидации СССР.

К нереализованным возможностям административного характера следует отнести недостаточное внимание к строгому соблюдению законности в рамках политического процесса, необходимой для сохранения общественной стабильности. Последствия этого недостатка проявились в ходе многочисленных этнических конфликтов, начиная с резни в Сумгаите в 1988 году. Не были приняты все необходимые меры по преследованию и

наказанию инициаторов погромов, расформированию незаконных военизированных групп. Высокоморальная позиция Горбачева, считавшего абсолютно недопустимым кровопролитие в процессе реформирования страны, была воспринята как проявление слабости центральной власти, не применившей вовремя силу в рамках закона.

Столь же серьезные последствия имело ослабление контроля государства за соблюдением законов. Авантюристическое крыло демократического движения внедряло в общественное сознание тезис о том, что государство в России и Советском Союзе — по определению враг демократического прогресса. В результате сложилась ситуация, когда нарушение законов становилось нормой, а реальное влияние в экономике стали прибирать к рукам мафиозные группировки, заинтересованные не в создании нормальной рыночной экономики, а в криминальном разделе государственной собственности.

Наконец, об историческом значении перестройки. Важным ее итогом стало преодоление международной изоляции, которая фактически на протяжении всего советского периода характеризовала отношения нашей страны и большей части мира, тяжелым бременем давя на экономику и создавая психологическую напряженность в жизни буквально каждого человека. В то же время для международных отношений открылись новые перспективы, возникли предпосылки для создания нового, демократического международного порядка, основанного на принципах международного права, солидарности и сотрудничества в решении проблем всего человечества.

Если отбросить словесную шелуху и идеологические нагромождения, то перестройка была одновременно как стихийным, неосознанным, так и сознательным, целенаправленным движением в направлении синтеза позитивных черт — социализма и капитализма. От социализма она должна была позаимствовать социальную справедливость и разветвленную систему социальной защиты, дополненные гуманистическим пафосом, от капитализма — возможности организации эффективной экономики и политической демократии.

Не столь важно, как назывался бы этот синтез, главное, что эта попытка грандиозного социального творчества стремилась преодолеть «проклятое» противоречие между эффективностью и справедливостью, что она была призвана показать неисчерпаемость человеческой истории, вывести человечество как вид на качественно новый уровень реализации своего потенциала.

Делая общий вывод, можно сказать, что в ходе перестройки удалось качественно изменить существующее советское общество, придать ему новое, демократическое измерение. Несмотря на сопротивление различных политических сил правого и левого толка, перестройке, в конечном итоге, удалось сделать главное — создать реальные предпосылки для функционирования в СССР социал-демократической модели общества. В этом, на наш взгляд, и состоит ее историческое значение.

По-своему перестройка была историческим подвигом: ведь советское общество освободилось от тоталитаризма своими силами и открыло путь к свободе и демократии многим странам и народам

Перестройка, перечеркнув сталинское наследие, принесла свободу Центральной и Восточной Европе, дала шанс на демократическое развитие постсоветским государствам. Перестройка нанесла ощутимый удар по диктаторским и авторитарным режимам во всем мире.

При весьма амбивалентном отношении к перестройке как таковой наши соотечественники высоко ценят ее завоевания, прежде всего в сфере гражданских и политических прав и свобод. До 70-80% россиян в той или иной мере разделяют и поддерживают базовые демократические ценности, привнесенные в нашу жизнь перестройкой. Остается высоким и уровень одобрения многих внешнеполитических акций перестроечного периода.

Перестройка создала предпосылки для трансформации международных отношений на основе идеалов мира, свободы, справедливости. Однако после недолгого переходного периода в мировой политике вновь активно реализуются подходы, основанные на корыстном расчете, эгоистическом интересе, грубой силе.

После распада Советского Союза руководители стран Запада, и прежде всего США, воспользовались изменившейся ситуацией для одностороннего укрепления своих позиций. Результатом стали, в частности, кровопролитные конфликты в сердце Европы — на Балканах, сохранение взрывоопасной ситуации на Ближнем Востоке, превращение Афганистана и некоторых других стран в рассадник терроризма, обострение проблем экологии, СПИДа, тяжелые гуманитарные кризисы в Африке и других регионах.

В то же время было бы преувеличением утверждать, что такие подходы сегодня доминируют. Созданные перестройкой предпосылки и открытые ею перспективы — это не просто «заявка на будущее», а продолжающий действовать фактор, препятствующий скатыванию мира в новую конфронтацию и напоминающий о примере реального сотрудничества в решении сложнейших международных проблем, который навсегда связан в истории с перестройкой.

Перестройка и современная Россия

Перестройка завершилась в конце 1991 г.: если до этого шло реформирование (пусть коренное) старой системы, то после на повестку дня встало создание принципиально иного строя. Современная Россия (как, впрочем, и другие постсоветские государства) в определенном смысле родилась из перестройки, хотя взаимного родства они не признают и друг друга чужаются. Для посткоммунистической элиты перестройка — как кость в горле: что сказать о ней — непонятно, а лучше всего поскорее забыть. Тем более что многие деятели ельцинской эпохи приложили руку к крушению перестроечного проекта.

Чисто внешне новой Россией были унаследованы многие атрибуты перестроечной политики и риторики. Более того, некоторые характеристики горбачевского наследия (например, курс на сближение с Западом) приобрели поначалу гипертрофированный, даже гротескный характер. Другие (например, гайдаровские реформы) подавались как преодоление нерешительного, половинчатого курса союзного руководства.

Однако несмотря на инерцию столь мощного исторического феномена, как перестройка, в сущностном, принципиальном плане между нею и последовавшей за ней эпохой разверзлась пропасть. Если перестройка привела к высвобождению демократического потенциала советского общества, то 90-е годы и начало нового столетия были ознаменованы стремлением к выхолачиванию этого потенциала и низведению наших сограждан до роли послушной клаки в театре элит. Если экономическая стратегия перестройки предполагала «мягкое» вхождение в рынок при сохранении мощной социальной защиты, то «шокотерапия» Ельцина-Гайдара разрушила социальный и культурный мир России, в одночасье свергнув миллионы россиян в унижительную нищету. На смену раскрепощению хозяйственной инициативы с целью повышения жизненного уровня всего населения пришло сверхобогащение немногих за счет большинства населения.

Второй президент России постарался освободиться от наиболее одиозных черт политического наследия своего предшественника, но не покушается (пока?) на многое из того, что связано с системой «дикого капитализма». В результате многие разрушительные процессы, запущенные в 90-е годы, еще не остановлены, тем более не обращены вспять.

Если перестройка предполагала постепенную трансформацию Советского Союза посредством его политической и экономической децентрализации, но при сохранении единого государства, то в начале 90-х годов произошло целенаправленное разрушение СССР, насильственный разрыв связей между бывшими советскими республиками и людьми. Это стало

одной из главных причин масштабного и глубокого кризиса, поразившего все постсоветское пространство.

Социальный оптимизм второй половины 80-х годов сменился социальной, социокультурной и антропологической деградацией последних пятнадцати лет, результатом чего стали беспрецедентные для мирного времени человеческие потери России, сравнимые с гибелью населения в годы гражданской войны.

На этом негативном фоне рельефнее проступает значение перестройки не только как последней главы советской истории, но и как недописанной главы истории мировой. Она навсегда останется в памяти как поворотный пункт, потенциал которого еще предстоит реализовать.

Горбачев-Фонд

ПРОРЫВ К СВОБОДЕ
О Перестройке спустя двадцать лет

Технический редактор А. Бохенек
Корректор М. Бурдина
Компьютерная верстка А. Фоминов

Альпина Бизнес Букс
123060 Москва, а/я 28
Тел. (095) 105-77-16
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru